Б-О
Г39

Астериос Геростергиос

ЮСТИНИАН ВЕЛИКИЙ – ИМПЕРАТОР И СВЯТОЙ

БИБЛИОТЕКА
Московской
Православной Духовной
Академии
Инв. № 166520

Издание Института Византийских
и
Современных греческих исследований
Бельмонт,
Массачусетс
1982

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге впервые предпринимается попытка внимательного и систематического исследования религиозной политики великого византийского императора Юстиниана I в ее отношениях к его религиозным убеждениям. Основываясь прежде всего на богословских сочинениях, писе мах и религиозно-законодательных произведениях Юстиниана и на сочинениях его современников, а также на исследованиях греческих, латинских, английских, немецких, французских и итальянских ученых прошлого и настоящего, доктор Астериос Геростергиос в значительной степени преуспел в своем начинании. Убедительно и ясно он вскрывает природу религиозной политики и религиозных убеждений Юстиниана и их тесные взаимоотношения во многих аспектах.

В этой книге Юстиниан предстает как верный и преданный член Православной Церкви, опытный богослов, лучший среди богословов своего

ческом трактате Юстиниана против "Трех глав."[66] Согласно этим сведениям, в послании рассматривалось учение Церкви о возможности и невозможности страдания человеческой и божественной природы Бога Слова.

9."Единородный Сын и Слово Божие".[67] Этот гимн догматического содержания, поющийся сегодня на каждой Божественной Литургии в восточной православной Церкви, был написан около 535г.[68] Стиль, словарь и тема гимна красноречиво свидетельствуют об авторстве Юстиниана. Можно сказать, что этот гимн представляет собой краткое изложение христологического учения Православной Церкви.

10.Исповедание веры, посланное папе Агапиту I /535-536/[69] В этом произведении наряду с исповеданием православной веры содержится проклятие еретиков Тимофея II, патриарха Александрийского, Петра Александрийского и Акакия, патриарха Константинопольского.[70]

Таковы богословские труды императора-богослова Юстиниана. Все они были написаны по-гречески.

2/ Письма.

Сохранились следующие письма Юстиниана:

7. Десять писем папе Гормизде. а/ 7 сентября 518г. Тема письма - раскол Акакия/484-519/ Император призывает папу объединить усилия, чтобы покончить с расколом и установить мир в Церкви.[71] б/ 23 апреля 519г. Письмо связано с расколом Акакия.[72] в/ 29 июня 519г. В этом письме обсуждается богословская терминология скифийских монахов и поклонение мощам святых.[73] г/ Июль 519г. Основная тема письма - мир и единство Церкви. Император также спрашивает папу о его мнении насчет формулировки "Unum de Trinitate crucifixum fuisse "[74] д/ 5 октября 519г. Император просит папу прислать к нему монахов Иоанна и Леонтия.[75] е/7 июля 520г. В этом письме речь идет о восста-

новлении в сане епископов Ильи, Фомы и Никострата.[76] м/ 9 июля 520г. Император пишет о единстве Церкви, акакиевском расколе и об учении о Святой Троице.[77] з/31 августа 520г. Тема письма – церковное единство.[78] и/ 9 сентября 520г. Обсуждаются две проблемы: богословское утверждение "*Unum de Trinitate crucifixum fuisse*" и улаживани Акакиевского раскола.[79] к/середина октября 520г. Император выражает свое удивление по поводу того, что папа до сих пор не высказал своег мнения о решенной уже проблеме Святой Троицы.[80]

2. Письмо папе Иоанну II /532-535/ от 8 июня 533г. Обсуждается догма тическая формулировка "*Unum de Trinitate crucifixum fuisse*" и мир в Церкви. То же письмо с другим предисловием было послано около 535г. папе Агапиту /535-536/.[81]

3. Письмо архиепископу Иоанну Юстинианопольскому /ум. 550г./ Император рекомендует Иоанну созвать местный Собор, чтобы рассмотреть события, произошедшие в том году, когда имя Феодора Мопсуэстийского было вычеркнуто из диптихов Мопсуэстийской Церкви.[82]

4. Письмо епископу Косьме Мопсуэстийскому, 29 июня.[83] На ту же тему, что и предыдущее письмо.

5. Письмо патриарху Епифанию Константинопольскому ,26 марта 553г. Содержит критику несториан и монофизитов.[84]

6. Письмо Пятому Вселенскому Собору, зачитанное на седьмом его заседании 26 мая 553г. Юстиниан просит Собор о том, чтобы имя папы Вигилия было вычеркнуто из церковных диптихов.[85]

Кроме вышеназванных подлинных писем Юстиниана сохранилось два письма, приписываемые ему: письмо к папе Агапиту[86] и к папе Бонифацию II[87].

В отличие от богословских сочинений, написанных, как мы уже сказали, по-гречески, император писал почти все свои письма на латыни

Исключения составляют письма Епифанию/5/ и Пятому Вселенскому Собору/6/, написанные по-гречески.

3/ Декреты.

Церковное законодательство Юстиниана играло и играет большую роль в жизни Церкви. Оно касается богословских вопросов, особенно догматических, и вопросов практического характера, охватывая проблемы церковного управления, дисциплины, монашеской жизни и филантропической деятельности Церкви. Конечно, Церковь, как самоуправляемый духовный организм, уже высказывалась по этим вопросам на поместных и Вселенских Соборах в прошлом и сформулировала догматы веры и нормы практической жизни. Эти решения Соборов были возведены Юстинианом в ранг государственных законов[88]. Следует заметить, что большая часть из них касалась догматических вопросов. Напротив, законы, написанные Юстинианом, бывшие, как мы уже говорили, плодом его личных религиозных убеждений, касались проблем внешней жизни Церкви. Таким образом, вся церковно-законодательная деятельность императора составляла часть общего законодательства империи, то есть "Ius PuBLicum". Делая каноны Церкви государственными законами, Юстиниан в свою очередь требовал от Церкви чтобы она признавала его церковные законы, как свои собственные.[89]

Законодательные труды Юстиниана могут быть условно разделены на две группы - положительные и отрицательные. Первые непосредственно защищали Православную веру и способствовали ее процветанию. Отрицательные законы издавались против иноверцев и таким образом приносили православию пользу косвенно.[90] Наиболее существенными из законов первой группы были следующие:

1. Декрет 527г:[91] касающийся, с одной стороны, общих доктрин православной веры, а с другой - утверждения "Один из Троицы пострадал во плоти". Декрет состоит из двух частей. В первой, до §3, провозглашается и исповедуется кафолическая вера в отношении трех лиц Святой Троицы.[92] Во второй части -начиная с §3 и до конца- предаются анафеме еретики -

Несторий, Евтихий и Аполлинарий.

2. Декрет от 15 марта 533г. так же, как и предыдущий, касается положения "Один из Троицы пострадал во плоти" и связанной с ним полемики. Он был адресован жителям Константинополя и призван дать отпор еретикам, пытавшимся совратить православный народ.[94]

3. Декрет от 26 марта 533г.[95] был адресован константинопольскому патриарху и раскрывал содержание предыдущего декрета, изданного на несколько дней раньше. В этом декрете подчеркивается авторитетность и законность Пятого Вселенского Собора[96] и содержится приказание епископам защищать паству от еретических влияний.

4. Декрет от 6 августа 536г.[97] против Анфимия, Севера, Петра и Зоары был адресован константинопольскому патриарху Мине. Юстиниан просил патриарха довести декрет до сведения епископов. В соответствии с решениями Собора, созванного в 536г.[98] декрет проклинал монофизитство и его лидеров Анфимия, Петра, Севера и Зоару.

5. Декрет с золотой печатью, дающий определенные привилегии монастыря св. Екатерины на Синае.[99]

Остальные законодательные труды Юстиниана, касающиеся православной Церкви и религии в целом, будут рассмотрены в последующих главах, когда мы будем говорить о позиции, которую занимал император в отношении различных религиозных проблем его времени.

Завершив краткое описание произведений Юстиниана, рассмотрим теперь его богословские взгляды и религиозные убеждения, как они выражены и сформулированы в его сочинениях.

2. Проблемы православия в VI в.

В предыдущей главе[100] мы охарактеризовали политическую и религиозную ситуацию в греко-римском мире вплоть до второй четверти VIв./525/

Мы видели, сколь многочисленны и сложны были проблемы, сотрясавшие этот мир, с которыми должен был столкнуться Юстиниан и которые ему предстояло решить. В противоположность своим предшественникам - Василиску, Зинону и Анастасию - Юстиниан пытался основать свою религиозную политику на традиционной вере Церкви. Как мы увидим в дальнейшем, он выразил свою веру в богословских трактатах, письмах и декретах. Однако прежде, чем обратиться непосредственно к анализу религиозных убеждений императора, остановимся кратко на том, что представляло собой православие в VI в.

Первые провозвестники христианской религии провозгласили, что правда Евангелия распространилась по свету "не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы".[101] Апостолы и последовавшие за ними Отцы и богословы /Климент Римский, Игнатий Антиохийский, Поликарп Смирнийский и др./[102] не пытались доказать свою веру перед людьми, апеллируя к человеческому разуму, но они жили верою, данной им свыше через Апостолов. Эти ранние Отцы имели дело прежде всего с практическими проблемами своего времени /порядок, дисциплина, литургическая практика/, которые, естественно, возникали в повседневной жизни ранней Церкви. По этой причине эти авторы почти не рассматривали богословских проблем. Как замечает Б.Алтанер, они "старались простыми словами раскрыть перед верующими смысл спасения во Христе и укрепить их в надежде на второе пришествие Господа".[103] Однако скоро апологеты / Аристид, Юстин, Татиан, Афенагор, Феофил Антиохийский и др. и особенно Ориген, сделали попытку систематизировать данную в откровении христианскую веру и аргументами человеческого разума противостоять древним религиям и философиям. Апологеты старались прежде всего отклонить различные обвинения, которые предъявляли христианам и христианству иудеи и язычники. Кроме того, однако, они, основываясь на Священном писании и живой вере в Церковь, а также на принципах греческой риторики и диалектики и на сочинениях иудейских авторов- Филона и Иосифа -

пытались теоретически доказать истинность христианской веры. Первые три столетия могут быть охарактеризованы как эпоха приготовления к точному формулированию христианского богословия.[104]

Богословская, антиеретическая литература второго века /Этисцин Ириней, Ипполит Римский/, принципы, выработанные александрийским богословием /Пантен, Климент Александрийский и др./, и сочинения Оригена вызвали в среде образованных христиан желание более глубокого понимания истин христианского вероучения и привели к возникновению общей тенденции к замене веры знанием. Однако параллельно с этой тенденцией существовала и другая, представители которой основывали свой богословский поиск исключительно на вере, а не на человеческом разуме. Представителями этой тенденции были Отцы и богословы Малой Азии - Игнатий Антиохийский, Поликарп Смирнский, Ириней Лионский. Противоречие между этими двумя направлениями обнаружилось не сразу. Так, например, Мефодий Олимпийский из Малой Азии, используя принципы александрийской богословской традиции /аллегорическое толкование/ и признавая ценность греческой философии для объяснения истин веры, в то же время строго осуждает крайности Оригена и диалектику александрийских богословов.[105]

Четвертый и первая половина пятого века /300-450/ ознаменовались значительной активизацией богословия, одним из результатов которой было появление весьма значительных богословских произведений. Великие деятели Церкви этого времени пытались словом и делом согласовать данные в откровении веру и традиции Церкви с человеческим знанием. Их усилия увенчались блестящими результатами. Достаточно назвать здесь имена трех великих каппадокийцев: Василия Кесарийского, Григория Назианзина и Григория Нисского. Свободный богословский поиск, основанный, с одной стороны, на традиционной вере и учении Церкви, а с другой - на логических выводах, стал мощным оружием в руках богословов и Отцов в их усилиях защитить веру и противостоять внешним и внутренним врагам Церкви.

Однако появление многочисленных ересей, связанное прежде всего с теми трудностями, которые испытывали приверженцы христианской религии в понимании ее догматов, привело к бесконечным дискуссиям, столкновениям и раздорам. Их результатом явилось преобладание консервативных настроений, противостоящих любой новой интерпретации истин веры. Таким образом, начиная с середины пятого века господствующим стало ультраконсервативное направление, враждебное всякому свободному исследованию. Эта враждебность была обусловлена стремлением противостоять расколам и не допустить возникновения новых еретических течений. Основная задача богословов этого времени состояла не в выдвижении оригинальных идей, а в "суммировании, оттачивании и усовершенствовании уже обсужденных".[106] Начиная с этого времени, авторитет Отцов Церкви стал равен авторитету Священного Писания. Б.Алтанер проницательно замечает, что с середины пятого века

> "центральные проблемы христианского вероучения/ Троица, христология, учение о Благодати/ были окончательно и убедительно решены. Многие сочли работу по богословской систематизации завершенной. Экзегетико-исторические и догматико-спекулятивные проблемы отошли на второй план, уступив место литургической и аскетической проблематике." [107]

Из сказанного выше очевидно, насколько этот традиционалистский дух был отличен от свободного духа первых веков, особенно периода с 300г. по 450г. Теперь и в последующие столетия церковные деятели и богословы гордились преданностью не только духу, но и букве ранних писателей и учителей.[108] Следующий отрывок из Григория Назианзина выражает дух ранних Отцов:

> "Философствуйте о мире миров, о материи и о душе, о разумных существах, высших и низших, о воскресении, суде, вознаграждении и о страданиях Христовых; если кто-то преуспеет, его философствование будет небесполезным, а если ошибется, то это не опасно..." [109]

Конечно, с середины пятого века развивались и другие области богословия, например, гимнография /Роман Сладкопевец, Софроний Иерусалимский, Иоанн Дамаскин, Андрей Критский и др./ и аскетическая литература /Антиох, Иоанн Синайский, Феодор Эдесский, Филофей Синайский и др./ В это же время появились произведения автора, ставшего известным как Дионисий-Ареопагит. Они положили начало апофатическому богословию. В произведениях Дионисия подчеркивалась необходимость объединения человека с Божественным Светом через благодать. Следствием появления его сочинений явилось развитие мистического богословия, виднейшим представителем которого был Максим Исповедник.[110] Произведения православных церковных писателей этого времени характеризовались, как и раньше, верностью Священному Преданию.

В таком богословском окружении жил, занимался богословием и проводил свою религиозную политику император Юстиниан. Хотя его начинания в решении различных церковных проблем и не находились в противоречии с прошлым, они породили много новых вопросов. В результате, как мы увидим в дальнейшем, некоторые из современников Юстиниана обвиняли его в ереси и отступничестве.

3. Кредо Юстиниана, как оно проявляется в его трудах.

I/ Бог Отец.

Как известно, догмат Троицы является признаком, противопоставляющим христианство другим монотеистическим религиям/ иудаизму, исламу/ и философским теориям Бога, то есть теориям, не отрицающим существования Высшего существа. Согласно православному христианскому вероучению, Бог един в своей сущности, но троичественен в своих лицах или ипостасях: Отец, Сын и Святой Дух. Эти три лица существуют в одной Божественной Сущности и суть один Бог. Поэтому мы можем говорить а/о единстве в Троице, б/ о Троице в единстве и в/ о существовании того и другого, то есть Троицы и единства одновременно.[111] Таково

христианское учение, данное в Божественном откровении и следующим образом изложенное Юстинианом:

"Итак, мы утверждаем, что веруем в Отца, Сына и Святого Духа, в Троицу, единую по сущности, в единого Бога. Это значит что мы веруем в одну природу, и сущность, и силу, и власть, в три ипостаси, то есть в три лица. Ибо Божество едино в трех и троичественно в одном, в котором и есть Божество"[112]

Юстиниан утверждает, что три лица или ипостаси одного Божества существуют в одной Божественной сущности, нераздельно и неслиянно. Три лица Святой Троицы сохраняют свои "атрибуты" в Божественном единстве:

"Говоря о Боге, мы имеем в виду единую субстанцию Святой Троицы; говоря об Отце, Сыне и Святом Духе, мы провозглашаем три ипостаси или лица Божества."[114]

Таким образом, это богословие противостоит богословию савеллиан[115] и так называемых монархиан, отрицавших отдельное существование трех ипостасей Божества или их равенство.[116] Оно противостоит также учениям ариан[117] и македониан[118], из которых первые утверждали, что Сын был создан Отцом, а вторые –, что Святой Дух был создан Отцом.

Понимая, что церковное учение о Троице превосходит возможности человеческого разума, Юстиниан говорит, что "Его /Божества/ разделение и единство есть парадокс".[119] Это парадоксальное единство триипостасного Божества осталось таковым и после Воплощения Сына и Слова Божьего."Троица осталась Троицей и после того, как Слово Троицы воплотилось."[120] Вера в это бесконечно совершенное и абсолютное единство, которое ни в коей мере не умаляется троичностью, и в существование Троицы, которая не разрушается единством, дает, согласно Юстиниану, истинное знание о Боге и ведет к спасению.

Из сказанного выше ясно, что Юстиниан не говорит специально о первом лице Троицы. Возможно, это связано с тем, что Бог Отец никогда не являлся в истории в своем лице. Более того, для Юстиниана учение

о Боге Отце содержится в его учении о Троице, поскольку, говоря о Троице, Юстиниан обращается прежде всего к первому лицу триединого Божества. Выражения "Бог Отец" [121] и "Бог" относятся к первому лицу Троицы, тогда как для двух других лиц Юстиниан использует различные обозначения, такие как "Единородный Сын и Святой Дух"[122] Специально Юстиниан пишет о Боге Отце в своих сочинениях против монофизитов, где он подчеркивает, что Бог Отец есть отдельное лицо, которое нельзя отождествлять с Сыном /против Савелия/.[123]

2/ Бог Сын.

Согласно богословскому учению Юстиниана, в Божественной сущности существует Сын, второе лицо Святой Троицы, отличное от Бога Отца. "Бог Логос" /"Слово"/ не был создан, но был рожден предвечно и вне времени от Бога Отца. Он был вечно с Отцом, в постоянном общении с Ним, так что невозможно мыслить два лица отдельно друг от друга, как двух различных богов. Это единство Сына с Отцом и Святым Духом происходит, по Юстиниану, от того, что Сын единосущен /homoousios/ Отцу и Святому Духу. Он пишет:

"Мы веруем также в то, что единородный Сын Божий, не сотворенный, но прежде всех времен и предвечно рожденный Отцом, наш Господь Иисус Христос, одно из лиц Святой Троицы, единосущен Богу Отцу."[124]

Единство лиц Троицы не означает смешения. Юстиниан считает вневременное рождение Сына от Отца неизмеримой тайной, "превосходящей наше понимание".[125]

По учению Юстиниана, когда пришло время, "единородный Сын и Слово Божие" соизволил "воплотиться ради нашего спасения",[126] от Святого Духа" и "от Святой Богоматери и Приснодевы Марии".[127] Божественное Слово, являясь одним из лиц Святой Троицы, явилось в своей ипостаси, восприняв живую плоть во чреве Девы Марии, обладавшей разумной и духовной душой.[128] Одухотворенная плоть соединилась с Его ипостасью.[129]

Соответственно, воплощение Божественного Слова произошло не естественным образом, от мужского семени, но сверхъестественно, через зачатие от Святого Духа, свершившееся согласно Его замыслу. Следовательно, христология Юстиниана, находящаяся в полном соответствии с учением Анастасия,[130] может быть обобщенно представлена в следующем виде: В лице Иисуса Христа Бог стал человеком ради нашего спасения. Отсюда следуют два важных христологических принципа: I. Человеком стал сам Бог, что означает божественность Иисуса Христа. 2. Бог стал "человеком", то есть, поскольку человечность Христа истинна, Он одновременно является истинным Богом и истинным человеком. Таким образом, по Юстиниану, Христос, будучи Богом, впоследствии стал человеком, чтобы обожествить нас, тогда как, согласно взглядам Ария, Он, будучи человеком, впоследствии стал Богом.[131]

Юстиниан пишет, что если первое "и бесплотное рождение Бога Слова от Отца до времени" свершилось "чудесным образом, не поддающимся человеческому пониманию", то и "в эти последние дни" Его второе рождение "от святой и славной Богоматери и Приснодевы Марии"[132] свершилось таинственно, "несказанным образом".[133] В совершившемся воплощении второе лицо Троицы не потеряло ни одного из атрибутов своей божественности: "И оставшись тем, кем Он был, Он не изменил - то, чем Он стал".[134] Соответственно, Юстиниан утверждает, что Слово было одним и тем же лицом до и после воплощения. Он остается верен христологической доктрине Четвертого Вселенского Собора, согласно которой вечно существующий Бог, совершенный по природе, стал совершенным по природе человеком, и две природы Христа - божественная и человеческая - объединились[135] в одной ипостаси или лице без изменения, нераздельно и неслиянно. Юстиниан провозглашает, что воплотившийся Сын и Слово Божие есть "совершенный Бог" и "совершенный человек". Он в частности пишет о двух природах:

"Ни божественная природа не преобразовалась в человеческую, ни человеческая не изменилась в божественную. Скорее, следует по

нимать, что каждая из них сохраняет свои свойства и формы , и при этом возникает союз двух природ. Этот гипостатический союз означает, что одно из трех лиц Божества объединилось не с прежде существовавшим человеком, но, во чреве благословенной Девы, Он, в своем собственном лице, воспринял плоть, тело, оживленное разумной душой, которое и составляет человеческую природу. И проповедуя нам это ипостасное единение Бога Слова с плотью, Апостол говорит: "Он, будучи образом Божиим, принял на себя образ раба, сделавшись подобным человекам."[136]

Иными словами, Юстиниан верит в то, что в лице Иисуса Христа божественная и человеческая природы сохраняют свои атрибуты неизменными. Он говорит, что божественная природа Христа "единосущна" Отцу и Святому Духу, "вечна" и "бесстрастна". В то же время и человеческая природа сохраняет все свои свойства.[137] Юстиниан следующим образом обобщил это учение: "До воплощения было не два Господа, а после воплощения существует не только одна природа."[138] Все Отцы учат, что *physis* или *ousia* и *morphe* это одно, а *hypostasis* или *prosopon* - это другое."[139]

Юстиниан проводит параллель между отношениями, существующими между двумя природами Христа и между тремя лицами Святой Троицы. Он говорит, что подобно тому, как единство лиц Святой Троицы осуществляется в одной Божественной сущности, единство двух природ Христа осуществляется в одном лице Бога-человека.[140] Разница в интерпретации. В Троице внутреннее пребывание природы во всех ипостасях является полноценным, тогда как в Иисусе Христе оно несовершенно и односторонне, так как божественная природа включает человеческую, но человеческая не включает божественной, ибо Божество бесконечно и неизместимо, простираясь бесконечно за пределы конечной человеческой природы Христа. Поэтому в единстве двух природ божественная природа является активной и передающей стороной, а человеческая природа - воспринимающей.[141] Поэтому,

согласно взглядам Юстиниана, страданиям была подвержена только человеческая природа Христа, но не божественная.[142] Несмотря на различия между двумя природами, они обладают истинным единством, что и дает нам право сказать: "Один из Святой Троицы, Господь, распятый во плоти."[143]

Согласно Юстиниану, Иисус Христос является Сыном Божиим не только по божественной природе, полученной им от Отца в предвечном рождении, но и по человеческой природе, которую он получил во времени от "святой и славной приснодевы Марии" в результате ипостасного воссоединения в лице Бога Слова. Через воплощение Слова мы тоже стали сынами Божьими,[144] конечно, не по природе, как Он, но "по промыслу Божьему" /kat' oikonomion/.[145] Сходным образом и Христос стал сыном Адама не по природе, но "по божественному промыслу".[146] Соединение двух природ Христа "по промыслу Божьему" совершилось, так что "люди, объединившись в духе, могут стать одним духом."[147]

3. Святой Дух.

Выше нами было сказано довольно много о втором лице Святой Троицы. Мы не можем столь же подробно остановиться и на третьем лице, поскольку Юстиниан не писал специально о Святом Духе и не высказывал никакой особой концепции на этот счет. Причина этого заключается в том, что центральной проблемой богословия эпохи Юстиниана была проблема христологическая. Поэтому третье лицо Святой Троицы упоминается Юстинианом только постольку, поскольку оно относится к двум другим лицам.[148] Когда же ему приходится писать о Святом Духе, он делает это не претендуя ни на какое систематическое учение. Из этих отрывков, однако, можно заключить, что Юстиниан был последовательным тринитарием. Так же, как два других лица единственны и совершенны в себе, "Святой Дух, в котором все существует",[149] есть единственное в своем роде и совершенное в самом себе лицо.

Прежде, чем продолжать рассмотрение богословских представлений Юстиниана, необходимо остановиться на его учении о Матери Иисуса Христа.

4. Пресвятая Дева Мария.

Мнение Юстиниана по этому вопросу полностью согласно с решениями Вселенских Соборов в Эфесе/431/, Халкидоне/451/ и Константинополе /553/, последний из которых был созван самим Юстинианом. Юстиниан именует Деву Марию "Богоматерью" / Theotokos /.[150] Это значит, во-первых, что Дева является матерью, поскольку для формирования и рождения человеческой природы Бога-человека она дала то, что дает любая мать для формирования и рождения ребенка. Во-вторых, это означает, что она является матерью Бога, поскольку она зачала и родила второе лицо Святой Троицы в его человеческой природе. Поскольку Дева Мария родила Бога Слова, она действительно является Богоматерью : "по истине Богоматерь"[151] называет ее Юстиниан. Сверхъестественное рождение Бога-человека, в котором Богоматерь зачала одновременно божественно, то есть без мужского семени, и по-человечески, то есть по законам природы[152], Юстиниан называет "удивительным рождением".[153] Зачатие Иисуса Христа - "невыразимо в словах". Его мать - "приснодева",[154] поскольку она была Девой до, во время и после рождения Спасителя мира.

5. Церковь.

В шестой главе мы подробно остановимся на церковно-законодательной деятельности Юстиниана. Здесь же мы только в общем виде охарактеризуем основные принципы его отношения к Церкви, на которых, как мы считаем, строилась его церковная политика.

Согласно взглядам Юстиниана, Церковь Христова есть "Святая Кафолическая Божья Церковь".[155] Она слагается из различных поместных Церквей, обладающих единством веры, учения и власти.

"По Божественному провидению, которое всегда упрочивает Кафо лическую Церковь укреплением веры, единство местных Церквей происходит от учения и власти вашего апостолата..."[156]

Соответственно, Церковь есть община верующих, объединенных ис верой во Христа. Церковь есть также тело, совершенное в себе, будучи организмом, основанным и поддерживаемым Богом. Она не только божественна и незрима, но также и человечна и видима. Она обладает определенными догматами и законами, посредством которых она управляется и осуществляет свою веру. Согласно этим законам, те, кто упорствует в заблуждениях и ереси, отвергаются, равно как и раскольники, одержимые духом возмущения и ведущие недостойную жизнь.[157]

6. Священное Писание и Священное Предание.

Для Юстиниана источниками христианской веры являются Священное Писание и Священное Предание. Оба эти источника обладают одинаковой божественной силой и являются безупречными. К священному Преданию Юстиниан относит не только решения Вселенских Соборов, но и учения отдельных Отцов, согласные с православной верой Кафолической Церкви. Юстиниан хорошо знает Священное Писание и сочинения Отцов и часто на них ссылается. В его трудах часто можно встретить выражения типа : "Об этом сказано в Писании и у Святых Отцов"[160], "Конечно, мы выписали это из Священного Писания".[161] Император призывает монахов изучать Священное Писание и сочинения Отцов, веря в то, что воспитание православных мыслей возможно не только посредством молитвы, но и путем чтения Писания и патристической литературы.[162] Даже свои церковные законы Юстиниан стремился основать на двух источниках веры – Священном Писании и Священном Предании.[163] Свободно владея греческим и латинским языками, император, защищая свои богословские убеждения, использует творения как западных, так и восточных Отцов. Среди Отцов Востока

выделяется Кирилл Александрийский, чье православие Юстиниан защищает особенно рьяно.[164] Он называет "богохульниками" тех, кто выступает против Кирилла: "Нестория- человекопоклонника"[165], Феодора Мопсуэстийского, Феодорита Киррского, "Аполлинария-разрушителя душ"[166], Евномия и "Евтихия безумного".[167] Другие греческие Отцы, которых цитирует Юстиниан - Григорий Нисский[168], Григорий Назианзин,[169] Прокл Константинопольский,[170] Афанасий Александрийский[171], Иоанн Златоуст,[172] Василий Кесарийский,[173] Петр[174] и Феофил[175], патриархи Александрийские. Из западных Отцов Юстиниан ссылается на Льва[176], Целестина[177], Ксиста, епископа Римского[178], Амвросия, епископа Миланского[179] и Августина, епископа Гиппонского и Северной Африки.[180]

7. Человек и Страшный Суд.

Согласно убеждениям Юстиниана, Бог создал человека одновременно из тела и души. "Когда Бог сотворил тело, Он создал также и душу, сделав человека совершенным"[181], "поскольку человек не есть ни тело без души, ни душа без тела".[182]

Бог создал человека из ничего. Та же всемогущая рука Божья защищает и спасает нас в нашей жизни, пока мы достойны Его милости. "Один только Бог есть причина нашего создания. И когда Он создал нас из ничего, и теперь, когда мы существуем, Он спасает нас той же самой рукой, если мы оказываемся достойными и усердными."[183]

Смерть есть общий удел всех людей. Но смерть не может уничтожить жизни человека в вечности. Силою Христа люди воскреснут в духе и плоти. За Воскресением последует Страшный Суд, на котором люди получат или вечную награду или вечное наказание.

8. Заключительные замечания.

Таковы основные положения богословской концепции Юстиниана, которая, как мы увидим, лежала в основе всей его религиозной политики. Это богословие не было оригинальным творением Юстиниана, но пересмот-

ром и новым утверждением веры Православной Церкви, православного богословия прошлого. Юстиниан не создал новых концепций. Он просто по-своему выразил и защитил веру православной Церкви в своих трактатах, письмах и законах. Многие ученые подвергали суровой критике богословие Юстиниана. Несмотря на это его ценность не может быть преуменьшена. Так, например, А.Гарнак считает Юстиниана величайшим богословом своего времени.[186] В.Г.Гаттон рассматривает богословие Юстиниана как богословие УІ века.

ГЛАВА IУ

ЮСТИНИАН И НЕХРИСТИАНЕ

I. Приписываемая Юстиниану нетерпимость в целом.

В предыдущих главах нашего исследования мы имели возможность убедиться в том, что Юстиниан оставался верен догматам Православной Церкви и правильно выразил их в своем творчестве.

Будучи убежденным в истинности христианской религии, особенно в ее православной форме,[1] Юстиниан покровительствовал ей и охранял её. Это он считал одной из важнейших своих обязанностей. В Новелле IУ он писал: "Первым предметом нашей заботы является истинные догматы Бога и достоинство священства".[2] Сходным образом он замечает в Новелле СIУ /541/: " Да будет известно всем, сколь велика наша забота об истинной вере во Христа, нашего Господа и истинного Бога, и о спасении наших подданных."[3]. По другому случаю / в апреле 565г./ он признается: "Если мы так упорно стараемся усилить гражданские законы, силу которых Бог доверил нам для безопасности наших подданных, то сколь же ревностно надлежит нам стремиться укрепить каноны и священные законы, созданные для спасения наших душ."[4]

Юстиниан считал своими врагами всех отрицавших Православную веру. Он называл их "еретиками".[5] По его определению, еретиками были не только христиане, сбившиеся с пути православия, то есть Арий, Несторий, монофизиты и др., но также и язычники, иудеи, самаритяне, манихеи. Иногда он делал различие между еретиками, иудеями и язычниками, из чего явствует, что он не использовал термина "еретик"

в строгом смысле. Так, он говорит о"тех, кто является еретиками и более того -язычниками, иудеями, самаритянами и подобными им."[6] В другом случае мы узнаем, что император считал еретиками не только уклонившихся от православной веры, но и тех, кто обладал какими-либо отличиями в церковной практике. "Мы называем еретиками всех тех, кто верует и ведет Богослужение отлично от Кафолической и Апостольской Церкви и в противоречии с православной верой".[7]

Относительно термина "христианин" следует заметить, что Юстиниан обозначал им не только православных, но также и некоторые группы еретиков, хотя для него и существовала принципиальная разница между "еретиком" и "христианином".[8]

Поскольку, согласно представлениям Юстиниана, все иноверцы были врагами истинной веры и представляли опасность для Церкви и государства, им нужно было должным образом противостоять. Цель своих богословских занятий Юстиниан видел в ниспровержении всех богословских аргументов, выдвигаемых иноверцами против православной веры. Юстиниан рассматривал свою богословскую борьбу как существенную помощь Церкви и был убежден в том, что, действуя таким образом, он угождает Богу и укрепляет православных в их вере. В этом отношении весьма характерен следующий отрывок из вступления к его трактату против Оригена:

> "Мы всегда стремились и стремимся всюду защищать истинную и безупречную веру христиан и мир в самой Святой Кафолической и Апостольской Церкви. Это наша первая и главнейшая задача. Мы убеждены, что императорская власть вручена нам в этой жизни и утверждается Богом, обуздавшим врагов нашего правления. И мы надеемся, что и в будущей жизни Он не оставит нас и окажет нам свою милость в своем совершенстве." [9]

Движимый этим духом, император написал свое Исповедание веры, желая противостоять учению Феодора Мопсуэстийского, Феодорита Киррского и Ивы Эдесского. В предисловии к этому произведению он пишет:

"Зная, что ничто не может так угодить милостивому Богу, как объединение всех христиан в истинной и чистой вере, и что не должно быть никаких разногласий в Божьей Церкви, мы сочли необходимым полностью разоружить еретиков и сочувствующих им и изложить в этом эдикте исповедание истинной веры, чтобы те, кто придерживается истинной веры, могли и дальше прочно хранить ее, а те, кто отвергает ее, могли познать правду и поспешили объединиться с Божьей Церковью."[10]

Сражаясь со своими противниками, Юстиниан издал много законов. Их общий дух может быть выражен в одном предложении: "Мы ненавидим ереси".[11] Этонеприятие других учений и обрядов происходило от убеждения Юстиниана в том, что, с одной стороны, только он сам и те, кто подобно ему исповедуют истины первых четырех Вселенских Соборов,[12] являются православными, тогда как еретики являются носителями ложных учений, и что, с другой стороны, исповедание истинной веры должно быть угодно Богу и способствует благосостоянию государства и его граждан. Его абсолютное неприятие иноверцев выражено в Новелле CXXXII /544/ следующим образом:

Но что касается еретиков, не почитающих ни Бога, ни наказаний, которыми угрожают им наши суровые законы, с радостью выполняющих дьявольскую работу, отвлекающих от истинной Церкви простых людей, тайно сходящихся на сборища и устраивающих свои крещения, то я считаю благочестивым деянием принудить их этим эдиктом оставить свое еретическое безумие и прекратить разрушение душ других людей своими обманами, и поспешить примкнуть к Святой Божьей Церкви в которой исповедуется истинное учение и проклинаются все ереси вместе с их защитниками. И пусть все узнают, что отныне мы не будем терпеть этих преступлений и если будет задержан кто-то созывающий или посещающий эти сборища, то дома, где они проводятся будут переданы Святой Церкви, а сами преступники понесут законное наказание." [13]

Таким образом, согласно представлениям Юстиниана, еретики были врагами не только Церкви и государства, но и Бога. Поэтому их возвращения к истинной вере следовало добиваться всеми возможными средствами. Так, законы предусматривали, чтобы все еретики занимали в государственном аппарате менее высокие должности, чем православные. Только православным законы гарантировали полную защиту:

"Мы желаем, чтобы те, кто принимает и защищает православную веру, имели большие привилегии, чем те, кто держится в стороне от паствы Господней, ибо несправедливо еретикам пользоваться теми же преимуществами, какими пользуются православные."[14]

Иноверцы не допускались до военной службы, которую несли только православные.[15] Высокие гражданские и военные посты также не могли быть занимаемы иноверцами[16] и их свидетельство в суде имело меньше веса[17]. Когда их служба нужна была государству /войны, налоги/, они должны были выполнять ее без всякой для себя выгоды. "Пусть они /еретики/ продолжают выполнять текущие поручения и официальные обязанности. Они не должны получать никаких наград, но должны оставаться в учреждении, в которое они были назначены."[18] Относительно прав наследования закон определял, что имение иноверца, не имеющего православных наследников, должно отойти государству.[19] Родителям-иноверцам запрещалось жестоко обращаться с детьми и лишать детей собственности, если те переходили в православие.[20] С другой стороны, православные родители должны были заботиться о том, чтобы их дети были воспитаны в православной вере. Они имели право лишать наследства детей, оставивших православие.[21] Еретикам, кроме иудеев, запрещалось собираться и совершать богослужение.[22] По отношению к женщинам законы Юстиниана были очень благосклонны. Женщины обладали некоторыми правами наследования, закладов [23] и т.д., однако пользоваться этими привилегиями и правами могли только православные, но не иноверцы[24].

Приведенных выше примеров из законодательства Юстиниана достаточно, чтобы убедиться в том, насколько суровым было его отношение к иноверцам,

Такая позиция вполне соответствовала духу религиозных деятелей эпохи страстно боровшихся со всеми, кто придерживался иных взглядов. Это подтверждают и исторические источники. Приведем отрывок из письма папы Иоанна III Юстиниану от 15 марта 533г, свидетельствующий о полном согласии папы с декретом Юстиниана о богословской формуле "Один из Святой Троицы был распят":

"Ничто не излучает столь славного света, как истинная вера в правителе; ничто не является столь вечным, как истинная религия Поэтому, о славнейший государь, каждый молящийся будет просить Божественную Власть о нерушимом сохранении твоего горячего усердия в вере, твоей сердечной преданности и твердости в истинной религии Ибо мы верим, что это служит интересам святых Церквей. Сердце царя в руке Божией, и Он направляет его, как Ему угодно. В этом основа мощи твоей империи и крепости твоего правления. Ибо мир церковный и единство религии возвышают того, кто утвердил их, и сохранит его в счастьи и в мире. Сила Божья никогда не оставит того, кто защищает Церковь от зла и раскола, ибо написано: Когда справедливый царь сидит на троне, никакое зло не сокрушит его /Притч 20.8/ Мы слышали, что ты, движимый своим религиозным рвением, обратился ко всем верным с эдиктом, чтобы защитить апостольское учение от еретических извращений при содействии наших братьев - епископов. Поскольку твой поступок находится в согласии с апостольским учением, мы подтверждаем его своим авторитетом."[26]

Враждебное отношение Юстиниана к еретикам отвечало требованиям Церкви и соответствовало общему духу эпохи. Как преданный член Церкви, император хотел, выполняя церковные заповеди, достичь спасения собственной души и душ своих подданных. Поэтому не следует удивляться, читая его собственный рассказ о своих усилиях обратить еретиков и вернуть их к православию: "Мы делали все, что было в наших силах, чтобы обратить их

к лучшим мыслям, чтобы они познали и прониклись почтением к истинной и единственной жизнедающей вере христиан."[27] С другой стороны, полное одобрение и участие Церкви в выполнении им этой задачи, убеждало Юстиниана в правильности выбранного пути. Характерны слова благодарности за православие и желание привести своих подданных к истинной вере, с которыми обращается к Юстиниану папа Агапит:

"Мы благодарим тебя, о достойнейший император, за твое горячее усердие в кафолической вере, за то, что, живя в страхе Божьем, ты ежедневно являешь столь преданную решимость сохранить и укрепить мир Церквей; за твое желание, чтобы всем христианским народам была проповедана одна и та же вера, твердо охраняемая и неизменная. Не удивительно, что Твоя Милость должна быть постоянно в столь богоугодных мыслях, ибо нет для империи лучшего стимула, чем укрепление религии."[28]

Если принять во внимания все обстоятельства того времени: церковные раздоры, ереси, расколы и государственные беспорядки, вызванные фанатизмом борющихся партий, - можно заключить, что позиция Юстиниана не только не вредила государству и Церкви, но и приносила им пользу. Даже если она не принесла иных положительных результатов, по крайней мере в империи настал мир и порядок. Если учесть также, что Юстиниан был жесток не только с еретиками и иноверцами, но и с православным духовенством, плохо выполнявшим свои обязанности, можно сделать вывод, что его религиозность носила спонтанный и искренний характер. Она составляла, на наш взгляд, основную направляющую силу религиозной политики императора.

2. Декреты против язычников.

Как одну из своих обязанностей по отношению к Святой Божьей Церкви Юстиниан рассматривал обуздание нехристиан, то есть язычников, иудеев, самаритян и манихеев, а также всевозможных еретиков. Юстиниан

начал с того, что подтвердил законы против язычников и еретиков, изданные его предшественниками." Настоящим законодательством мы утверждаем, что все законы, изданные нашими предшественниками против язычества и в защиту православной веры, сохраняют свою силу и должны быть всегда соблюдаемы."[29] Были изданы также новые законы, направленные на искоренение язычества. В них Юстиниан требовал от префектов и епископов, чтобы " все нарушения, которые допускают языческие религии, были тщательно исследованы."[30] Этот контроль должен был предотвратить совершение языческих обрядов, а нарушители должны были быть проклятыми.[31] Строгость законов была такова, что неповинующимся и сохраняющим приверженность языческим убеждениям угрожала смертная казнь. "Те, кто оставляют истинного и единственного Бога и в неразумном заблуждении приносят жертвы идолам, будут подвергнуты высшей мере наказания."[32] Последняя воля или пожертвования, сделанные язычниками, объявлялись недействительными.[33] Этот факт надлежало довести до сведения всех подданных империи – нехристиан, и после соответствующей катехизации они должны были быть крещены. В случае отказа они могли быть лишены политических прав и собственности и ,возможно, могли понести и более суровое наказание. Это принудительное обращение было всеобщим, то есть распространялось на граждан всех возрастов.

"Те, кто еще не принял святого Крещения, должны познать его, и ,придя к другим членам своей семьи, они должны быть научены истинной вере христиан. Таким образом, научившись и честно отказавшись от прежних заблуждений, они должны получить искупительное крещение.Если же они не повинуются этим правилам, то пусть узнают, что отныне они не смогут пользоваться никакими благами, предоставляемыми государством, но, будучи лишены всего, они будут оставлены в бедности и подвергнуты дальнейшему наказанию"[34]

Если язычники из соображени выгоды становились христианами, на самом деле оставаясь язычниками и воспитывали детей в духе язычества,

36
они подлежали суровому наказанию. Законы Юстиниана жестоко преследовали также тех язычников, которые пытались какими-либо средствами обратить в язычество христиан. "Пусть язычники и предполагают, что они образуют тех, кто идет в ученье к ним; на самом деле они разрушают их души."[37] В Кодексе I.II.I0. мы находим правило, запрещающее язычникам вести обучение: "Мы запрещаем давать какие-либо уроки тем, кто одержим безбожным языческим безумием."[38]

Считается, что в 529 г. Юстиниан закрыл языческую школу философии в Афинах, существовавшую там со времен Платона и Аристотеля. Иоанн Малала по этому поводу сообщает: "Во время консульства Деция тот же император послал в Афины предписание, согласно которому никто не имел права обучать там философии и толковать законы." [39]Историки, сопоставлявшие свидетельство Малалы с приведенным выше запрещением из Кодекса и с предисловием к Дигестам, в котором подразумевается, что законы могут преподаваться только в Константинополе, Риме и Бейруте,[40] пришли к заключению, что Юстиниан действительно закрыл Афинскую школу философии. Однако, как замечает Дж.Бери,

> "Мы не знаем точно, что произошло в 529г. РХ. Можно предположить, что учителя были предупреждены о том, что, если они не крестятся и публично не примут христианства, они не будут допущены до преподавания, и что, когда последовал отказ, собственность школы была конфискована и учителя были лишены средств к жизни."[41]

Создается впечатление, что Школа была закрыта из-за недостатка средств и что учителя и ученики рассеялись в надежде на возобновление занятий в будущем. Как замечает Агафий, учителя ушли в Персию не потому, что они были высланы Юстинианом, как это часто предполагается, и не потому, что Школа была им закрыта, но потому, что "им не нравилась религия /христианство/, преобладающая в Римской Империи."[42] Впоследствии эти учителя, разочаровавшись, вернулись из Персии в Римскую империю.

Лишение Афинской школы философии денежных средств, повлекшее за собой ее закрытие, многими историками рассматривалось как событие мирового значения. Этот поступок Юстиниана вызывал самую жестокую критику. Однако, как пишет К.Крумбахер,

"Неоплатоновская Академия в Афинах была лишь незначительной точкой в огромном греко-римском мире, и ее исчезновение не произвел не только никакого шока, но и никаких существенных перемен в состоянии целого. Кажется, что учителя и учащиеся, то есть те, кто непосредственно пострадал от декрета, были весьма малочисленны и имели совсем незначительный авторитет, утратив контакт с народом еще задолго до этого."[44]

Не преувеличивая значения этого события, мы полагаем, что Юстиниан и в этом случае действовал в соответствии со своими религиозными убеждениями. Как христианский правитель и преданный член Церкви, он не мог финансово поддерживать и защищать людей, преподававших теории, направленные на свержение господствующей религии и способные вызвать народные волнения и беспорядки в государстве.

Законы Юстиниана против язычников, рассмотренные в целом, производят впечатление очень суровых и грубых. Что касается того, применялись ли эти законы полностью или нет, то современники Юстиниана -Иоанн Малала Иоанн Эфесский, Евагрий, Прокопий и др.- сообщают, что Юстиниан всеми средствами добивался обращения язычников в христианство, а в случае их отказа применялись наказания, предусмотренные законами. Однако Прокопий и Евагрий упоминают также, что Юстиниан добивался обращения язычников не только законодательными мерами, но также распространяя среди них деньги.[45] Тот факт, что в высшем аристократическом обществе столицы было немало язычников, такие как юрист Трибуниан, секретарь сокровищницы Иоанн Каппадокийский, историк Прокопий и др., дает нам основания утверждать, что законы Юстиниана против язычников соблюдались не очень строго. Если отдельные язычники не были откровенно настроены против

господствующей религии и если они не скандализировали народ своим поведением, то их оставляли в покое. Но когда язычество проявлялось в виде отдельных групп с организованными празднествами, тогда Юстиниан вмешивался и неумолимо уничтожал эти группы. Так это было в оазисе Аугила в Египте, где существовал храм, посвященный Аммону-Зевсу, и статуя Александра Великого, которой регулярно приносились жертвы. Юстиниан разрушил этот языческий обычай и построил церковь, посвященную Богоматери.[46] Более того, применив силу, он покончил с поклонением Озирису и Изиде, процветавшим на острове Элефантин в Египте.[47] Для этого Юстиниан послал генерала Нарсеса, который захватил жрецов и привез в Константинополь их идолов. В то же время, используя средства просвещения, Юстиниан обратил в христианство язычников провинций Малой Азии – Фригии, Лидии, Карии. Он послал туда епископа Иоанна Эфесского, который писал, несколько преувеличивая, в своей церковной истории, что он обратил там 70 000 человек. Языческие храмы были разрушены, и на их месте были построены христианские церкви и монастыри, на деньги, поступавшие из государственной казны и частично от обращенных язычников.[48]

Юстиниан стремился распространять христианство и за пределами империи. В основе его усилий лежала глубокая вера в Евангелие как в источник спасения человека и цивилизующую силу. Благодаря этим его усилиям германцы и герулы, спустившиеся вниз по Дунаю, стали христианами и союзниками Византии.[49] То же произошло и с разбойничьим племенем Сани или Цани в Малой Азии, соседями лазов.[50]

Из сказанного в данном разделе можно сделать следующие выводы. Юстиниан весьма серьезно занимался проблемой язычества, как внутри империи, так и за ее пределами. В борьбе с язычниками он использовал все средства своего положения. Император понимал, что сила язычества – в его обрядах и философии. Он видел, что языческие обряды и языческая философия в его время уже не являлись противниками, как это было рань

но вместе были противопоставлены христианству.[51] Юстиниан стремился сокрушить язычество в его обрядах и философии по отдельности, и в этом он достиг блестящих результатов. Конечно, полного уничтожения язычества не произошло, и следы его обнаруживаются еще в УIIв.[52] Однако Юстиниан нанес веками устоявшимся структурам язычества решающий удар. Их место в империи было занято живой религией христианства.

3. Декреты против иудеев.

Единственной истинной и благотворной религией для Юстиниана было христианство. В своих усилиях христианизировать всех подданных огромной империи он неизбежно должен был столкнуться с иудейским меньшинством. Однако в начале своего правления император не трогал иудеев и не пытался принудить их к принятию христианства. Таким образом, в начале правления Юстиниана статус иудейского меньшинства оставался таким же, каким он был и до него. Юстиниан подтвердил права иудейских общин, полученные ими от его предшественников. Синагоги были признаны местами поклонения и защищены от разрушения и осквернения.[53] Захват синагог был запрещен. Если какая-нибудь синагога становилась христианской Церковью, христианская община должна была по закону возместить денежную сумму иудейской общине или же построить новую синагогу.[54] Обрезание иудеев разрешалось, но кастрация была запрещена и строго преследовалась.[55] Решения иудейского суда, касающиеся иудейских проблем, признавались и охранялись государством.[56] Никто не имел право принудить иудея осквернить субботу или какой/либо другой иудейский праздник.[57] Не-иудей не имел право определять цену на товары иудейского купца[58] или вмешиваться в его дела.[59] В общем, если иудей не нарушал закона, никто не имел права обидеть его только потому, что он - иудей.[60]

Однако Юстиниан подтвердил не только законы, покровительствовавшие иудейскому меньшинству, но и законы, неблагоприятствовавшие ему.

Так, законодательство Юстиниана подтвердило сложившуюся терминологию, относившую иудеев к той же категории, что и "атеистов" и "еретиков".[61] Мы находим также следующие запреты, относящиеся к иудеям. Так же, как и язычники, самаритяне и вообще все, не являвшиеся православными христианами, иудеи не могли иметь раба – православного христианина. Нарушители этого закона подвергались штрафу в 30 фунтов, а раб отпускался на волю без выкупа.[62] В определенных случаях нарушителям угрожало и более суровое наказание[63]. Запрещалось строительство новых синагог[64], и попытки отремонтировать и перенести синагогу также часто наталкивались на препятствия.[65]

Эти законы не могут оправдать проклятия Юстиниана как преследователя иудеев. Возможно, такая умеренная политика продолжалась бы до конца его правления, если бы сами иудеи не спровоцировали вмешательства Юстиниана в их внутренние дела, которое проявилось в издании новых законов, касающихся иудеев.

7 февраля 553г.[66] была издана Новелла, темой которой были конфликты между иудеями, возникшие из-за разногласий по вопросу о том, на каком языке следует читать Священное Писание в синагогах.[67] Новелла предлагала решение этой проблемы; к тому же ее издание еще раз предоставляло Юстиниану повод выразить надежду на переход иудеев в христианство. В ней говорится : "Для иудеев, понимающих Священные Книги, необходимо не придерживаться строго их буквального значения, но принимать во внимание содержащиеся в них пророчества о пришествии Иисуса Христа, Спасителя рода человеческого."[68] Таким образом, Юстиниан, имея в виду возможность обращения иудеев в христианство, объявлял, что они могут свободно использовать в синагогах тот перевод Ветхого Завета, который им более понятен, дабы избежать появления ложных учений:

"Поэтому мы повелеваем, чтобы иудеям, где бы они ни жили, разрешалось читать священные книги перед собравшимися в синагоге

по-гречески, по-латыни, или на любом другом языке, на котором го
ворят в данной стране, чтобы чтение Священного Писания было по-
нятно собравшимся, чтобы они могли продолжать жить в соответстви
с их заповедями. Однако мы запрещаем еврейским переводчикам ис-
кажать текст, и скрывать свой обман, злоупотребляя невежеством
многих людей."[69]

При этом упоминаются три перевода: Септуагинта, латинский перевод и перевод Акивы, хотя последний и не был произведением иудея и не полностью совпадал с текстом Септуагинты. "Не исключая других вариантов, мы разрешаем иудеям пользоваться переводом Акивы, хотя он и написан иностранцем и в некоторых пунктах расходится с Септуагинтой."[70]

Хотя иудеям и предоставлялась свобода в выборе перевода Ветхого Завета, Юстиниан предписывал знающим греческий язык чтение Септуагинты, поскольку верил, что этот перевод был осуществлен по божественному вдохновению и что пользующийся им мог найти, понять и поверить в пророчества, относящиеся к Христу:

"Тем, кто читает Священное Писание по-гречески, следует использовать Септуагинту, каковой перевод считается наиболее правильным и лучшим, поскольку переводчики, хотя и отделенные друг от друга и находящиеся в разных местах, достигли абсолютного согласия в их версиях. И действительно, кто не удивится, узнав, что Пророки, предвидя появление Господа нашего Иисуса Христа, предсказали события, описанные в Священных Книгах, как если бы они были их свидетелями и были просвещены даром пророчества."[71]

Чтобы отвлечь иудеев от их традиции и постепенно приблизить их к обращению в христианство, Юстиниан строго запрещал использование в синагогах "Девтероса" для толкования Священного чтения. Он заявлял, что "Девтерос" есть человеческое изобретение, призванное, скорее скрыть откровение, чем обнаружить его:

"Мы, однако, полностью запрещаем использовать то, что иудеи называют "вторым изданием", поскольку оно не составляет части

Священных Книг и не было вручено нам Пророками, и о есть лишь изобретение людей, которые только рассуждают о земном, не имея в себе ничего божественного."[72]

В конце второй главы Новелла содержит обращение к религиозным лидерам иудеев, призывающее их повиноваться закону, угрожая в противном случае суровым наказанием.[73] Далее Юстиниан обращается к иудейским еретическим сектам, оказывавшим ему яростное сопротивление. Это были иудеи, отрицавшие Воскресение, будущий Суд и создание ангелов. Поскольку эти еретики выступали не только против иудейской веры, но и против христианства, Юстиниан вводил для них смертную казнь, с целью, как он утверждал, чтобы еврейская нация могла освободиться от таких учителей и учений.[74] Прежде, чем заключить Новеллу перечнем различных наказаний неповинующимся -телесные наказания, конфискация имущества, ссылка[75] и т.д.- Юстиниан снова выражает надежду на обращение иудеев в христианство, которая, на наш взгляд, и побудила императора написать и опубликовать этот декрет. Он призывает иудеев внимательно читать Священное писание, чтобы они могли понять его сокровенный и истинный смысл:

"Вам надлежит понимать не только буквальный смысл слов, но улавливать также Божественное значение, так чтобы те, кто иногда совершает ошибки и согрешает в делах наиболее важных / то есть в том, что касается надежды на Бога / могли быть научены истинной вере и жили в мире."[76]

Соблюдались ли все эти законы ? Современные источники, за исключением Прокопия, не содержат никаких свидетельств на этот счет. Согласно Прокопию, когда генерал Велисарий завоевал Северную Африку и нашел там процветающую иудейскую общину, он получил приказ от императора превратить синагогу в христианскую церковь и силой обратить иудеев в христианство.[77] В своей "Тайной истории" Прокопий, желая представит

Юстиниана как притеснители всех тех – римлян и иудеев–, кто непочтительно относился к святыням, пишет, что в тех случаях, когда христианская Пасха совпадала с еврейской, Юстиниан приказывал иудеям отмечать свой праздник позднее, чтобы избежать осквернения христианской Пасхи. Иудеи, не подчинявшиеся этому распоряжению, наказывались значительными штрафами.[78] Всякий, кто знаком с религиозными обычаями иудеев, знает, что значило бы для них подобное распоряжение. Поскольку другие современные источники не отмечают ничего подобного, мы не решаемся поверить свидетельству Прокопия, "Тайная история" которого была написана с одной целью – обесчестить имя Юстиниана всеми средствами подлога и искажения.

Суммируя сказанное выше, сопоставляя позиции Юстиниана в отношении язычников и иудеев, мы приходим к следующему общему заключению: иудеи не преследовались и не принуждались к обращению в христианство, как язычники. Юстиниан стремился обратить их более умеренными средствами убеждения. Хотя положение иудеев и отличалось от положения православных христиан, им не запрещалось отправление их традиционного культа и они не отлучались от государства.

4. Декреты против самаритян.

Другим религиозным меньшинством, к конфликту с которым пришел Юстиниан, были самаритяне. Как и все иноверцы, самаритяне считались врагами православной веры и государства. Поэтому вышеназванные законы против нехристиан относились также и к ним. Специальный закон запрещал самаритянам иметь синагоги. Существующие синагоги надлежало разрушить, а строить новые запрещалось. Было приказано также, чтобы состояния умерших самаритян наследовались только православными наследниками, а в случае отсутствия таковых – государством. Местные епископы и государственные чиновники несли ответственность за выполнение этого закона.[79]

Известно, что самаритяне считали себя наследниками колен Ефрема и Манассии и что между ними и иудеями существовала сильная вражда.

Самаритяне не признавали ни одной из Книг Ветхого Завета, кроме Пятикнижия. Они отрицали воскресение мертвых. Их верования делали их врагами не только иудеев, но и христиан. Более того, в противоположность иудеям они считали, что Богу надлежит поклоняться на горе Гаразин, а не в Иерусалиме. Они также проклинали все языческие культы оставаясь последовательными в поклонении одному единственному Богу. Таким образом, самаритяне представляли собой в империи Юстиниана религиозное меньшинство, противопоставлявшее себя иудеям, язычникам и христианам. Это делало их всегда бдительными и готовыми бороться за свои права в отношении религиозных убеждений и обрядов. Прокопий сообщает, что из самаритянского меньшинства происходили Фаустин[80] и Арсений[81], достигшие высоких постов в администрации Юстиниана. Тот факт, что многочисленные законы Юстиниана против самаритян были изданы им не в начальный период его правления, может быть объяснен влиянием этих лиц.[82]

Когда вышеназванные законы против самаритян были обнародованы и самаритянские синагоги должны были быть закрыты, озлобленность и раздражение самаритян резко возросли. Они поднялись на борьбу для защиты своих синагог и убеждений.[83] В своем негодовании они обратились против христиан. Под предводительством избранного ими короля Юлиана[84] они сжигали церкви и монастыри и сеяли в Палестине ужас и разрушения. Тогда Юстиниан послал против них генералов Феодора и Иоанна. Результатом сражения явилось полное поражение самаритян и разорение Палестины. О жестокости битвы можно судить по числу убитых самаритян, которое, согласно Прокопию, равнялось 100 000.[85] Согласно свидетельству Малалы, было убито 20 000 и 20 000 было отдано союзникам Юстиниана, сарацинам, помогавшим в битве византийским войскам. 50 000 убежали в Персию, где они были гостеприимно приняты царем Хозроем.[86]

В Церкви всегда были просвещенные пастыри, понимавшие божественную заповедь любви и старавшиеся жить в соответствии с нею. Их идеи

неоднократно оказывали влияние на решения властей. Так, под воздействием доброго и милостивого епископа Кесарии Сергия, убедившего Юстиниана в том, что самаритяне изменились и что отныне он сможет держать их под контролем,[87] Юстиниан 14 июня 551г. издал закон,[88] объявлявший недействительными все прежние законы против самаритян. Отныне самаритя не могли распоряжаться своею собственностью по своему усмотрению, что ставило их даже в лучшее положение, чем иудеев и еретиков.

"С этого дня мы разрешаем самаритянам делать завещания и распоряжаться своей собственностью в соответствии с положениями общих законов. Мы объявляем, что отныне, если они умрут, не оставив завещания, их состояние должно отйти тем, кому оно принадлежит по праву наследования, за исключением случаев, оговоренных в настоящем законе. Мы также предоставляем им право делать дары, предоставлять и получать наследство, а также вступать в иные контракты этого рода совершенно беспрепятственно."[89]

В случае, если среди наследников были христиане, у них был приоритет наследования,[90] хотя другие наследники при этом и не отвергались. Тот факт, что на издание этого закона его сподвигнул епископ Сергий, отмечен самим Юстинианом в предисловии к закону и в конце четвертой главы[91]. В связи с этим он просит самаритян с любовью и уважением относиться к епископу Сергию.[92] Этот факт свидетельствует в пользу нашего утверждения, что в своей религиозной политике Юстиниан испытывал значительное влияние со стороны церковных пастырей. Нам представляется ошибочным мнение А. Кнехта,[93] считающего, что данный закон был издан вследствие обращения самаритян в христианство. Прокопий пишет, что такого рода факты были редкими, а обращение самаритян неискренним.[94] Тот факт, что и после издания закона их волнения продолжались - по иронии судьбы, не без помощи их врагов, иудеев,[95] - противоречит мнению А.Кнехта и еще раз убеждает нас в том, что закон был плодом усилий добролюбивого пастыря Кесарии.

Суровые законы Юстиниана против самаритян были восстановлены его преемником Юстинианом II, что вызвало новое восстание и новый террор. Неподчиняемый и свободолюбивый дух самаритян не терпел чужого господства. При каждой предоставившейся возможности они брали оружие и шли в битву, всегда кончавшуюся их поражением и подчинением.

5. Декреты против манихеев.

Появление манихейства относится к III в. РХ.[96] Его основателем был перс Мани, выросший и обучавшийся в южной Вавилонии. Своим учение Мани пытался перекинуть мост через пропасть, разделявшую христианство буддизм и зороастризм, и объединить в религиозном отношении Запад с Востоком. Под покровительством персидских царей его учение процветало как в самой Персидской империи, так и за ее пределами. Его труды, напи санные по-сирийски, были переведены на иранский, персидский, греческий коптский и латинский языки и распространялись по миру.

Мани считал религии Будды, Зороастра и Иисуса подготовительными стадиями своего учения. Самого себя он считал пророком, посланником Бога Истины. Основной чертой его учения был синкретизм. Он излагал его приноравливаясь к духовному и психологическому складу слушателей. Так, говоря с персами, он постоянно ссылался на Авесту, общаясь с греками, использовал их философию, беседуя с христианами, вводил элементы Нового Завета. Сам он считал, что его учение удовлетворяло требованиям логики[9] Он был последовательным сторонником дуализма персидской религии и признавал власть Бога зла, прямо не называя его. Согласно учению Мани, абсолютный Бог и абсолютное Зло суть борющиеся силы. Человек не обладал свободой воли. Мани стремился истолковать явления природы посредством символической мифологии, создавая таким образом науку фантазии[98]. Другими характерными особенностями религии Мани были докетизм, аскетизм и антисемитизм[99]. Религиозная система манихеев не имела церквей, обрядов

икон, святых и мощей. Единственной формой поклонения признавалась личная молитва. Единственным праздником и днем собраний был день Бема – день смерти Мани, в марте. В этот день осуществлялось поклонение трону Мани. Манихеи разделялись на новообращенных и избранных. Последние имели отдельные собрания с секретным, неизвестным нам обрядом и в свою очередь разделялись на три группы: учителя, епископы и пресвитеры. 100
Первоначально манихейство было преимущественно распространено в аристократических кругах, впоследствии став религией простого народа в местности, откуда происходил сам Мани, в Вавилонии.

После некоторого оживления манихейства в Римской империи оно было вновь атаковано Диоклетианом в 296г., который приказал казнить их учителей, епископов и пресвитеров огнем, а новообращенных – мечом. Императоры Валентиниан I, Гратиан, Феодосий Великий, Феодосий II также принимали меры против манихеев. В VI в. манихейство, еще раз переживее возрождение, было вновь подвергнуто преследованиям Юстинианом. Он издал закон, по которому манихеи не имели права жить на территории империи, а если они где-либо появлялись или обнаруживались, то должны были быть казнены.[101] Эта суровость Юстиниана была обусловлена, очевидно, религиозными причинами. Ему было хорошо известно о растущем влиянии манихеев не только среди христиан, но и среди иудеев и самаритян. 102
/"Поскольку они пытаются посеять многобожие среди греков, иудеев и самаритян"/. Выше уже было сказано, что центром распространения манихейства была Персидская империя, враждебно настроенная к Восточной Римской империи. Поэтому появление и распространение влияния манихеев в империи Юстиниан рассматривал как угрозу государственной безопасности. Можно сказать, что политика Юстиниана в отношении манихеев имела не только религиозные, но и политические основания. Борясь с манихейством, Юстиниан защищал христианскую религию и империю от персидской угрозы.

Казалось бы, после того, как для манихеев была назначена смертная казнь, было излишним издавать против них еще и другие законы. Однако

такие законы, запрещавшие манихейское поклонение и поддержку манихеев православными христианами, продолжали издаваться.[103] Всякая найденная манихейская книга подлежала сожжению.[104] Смерть угрожала не только манихеям, но и тем, кто, лицемерно объявляя себя христианами, оставались верны манихейским убеждениям.[105] Смертной казни подлежали и переведшие в манихейство православные.[106] Закон Кодекса I.5.I5[107] лишал манихеев права делать завещания согласно собственной воле. Если имущество умершего манихея оказывалось ненаследованным, его не имел права получить манихей. Если родственник или дети умершего отказывались от манихейства, они могли получить то, что им принадлежало.[108]

Мы не знаем , сколь строго соблюдались эти законы. Имеется лишь свидетельство монофизитского епископа Иоанна Эфесского /532/, который сообщает:

" Многие были привержены смертным ошибкам манихеев. Они собирались и слушали таинства этого нечистого учения. Арестованных, их приводили к императору, который надеялся обратить их. С сатанинским упорством они бесстрашно кричали, что готовы быть посаженными на кол и претерпеть любые мучения за религию Мани. Император приказывал, чтобы с ними поступили, как они хотели. Их сжигали на море, чтобы они могли быть погребены в волнах, а имущество их конфисковывалось. Среди них были знатные женщины, вельможи, сенаторы." [109]

Отсюда мы узнаем, что манихейская ересь была распространена среди византийской аристократии и что ее последователи были одержимы фанатизмом и бесстрашием.

Кроме рассмотренных выше нехристианских меньшинств- язычников, иудеев, самаритян, манихеев - в Восточно Римской империи жили также борборити, монтанисты, таскодруги и офиты. Мы не рассматриваем специально эти меньшинства, поскольку сказанное о других нехристианах относится и к ним.

ГЛАВА У

ЮСТИНИАН И ХРИСТИАНСКИЕ ЕРЕТИКИ.

I. Позиция Юстиниана касательно проблемы отношений между Церковью и государством.

Проблема отношений между Церковью и государством существовала издавна. Впервые она стала предметом обсуждений во второй половине пятого и начале шестого века, когда византийский трон занимали императоры Василиск, Зинон и Анастасий.[1] Эти императоры хотели государственными декретами кодифицировать веру Церкви, вмешиваясь таким образом в ее внутренние дела. В результате автономия Церкви и авторитет епископов, ответственных за состояние православия, были значительно ослаблены. Предшественники Юстиниана заботились прежде всего о единстве империи, которое в свою очередь основывалось на единстве Церкви. Они не были особо озабочены сохранением единства Церкви в ее православной вере. Чтобы быть успешной, такая политика нуждалась в согласии Церкви, которая, однако, использовалась как государственный орган и стала лишь исполнителем капризов государства. Спорные и антиканонические указы этих императоров вызывали недовольство среди церковных иерархов. Понимая это ,императоры не созывали Вселенского Собора, заранее предвидя, каков будет его результат. Церковь всегда признавала за императором определенные права в отношении церковного порядка. Но она не обязана была с одинаковым уважением относится ко всем их церковным решениям. Прецедентом императорских прав в отношении Церкви было их личное православие, а также тот факт, что они не использовали своей власти для антиканонических действий.[2] В основе решения церковных проблем должна была лежать совесть Церкви, а не выгода и произвол государства.

В результате религиозная политика Василиска, Зинона и Анастасия потерпела полный провал. Они хотели силой и произволом решить церковные проблемы, не принимая во внимание мнение самой Церкви.

В своей церковной политике император Юстиниан не повторял ошибок предшественников. Как богослов, он понимал глубокий смысл святых церковных правил и постановлений Соборов касательно жизни Церкви и ее отношений с государством. Убеждения и принципы Юстиниана, на которых основывалась его религиозная политика, выражены им в богословских сочинениях, и особенно в законодательных декретах.[3]

Свою религиозную политику Юстиниан основывал на принципе гармонии /symphonia/ между Церковью и государством. Согласно этому принципу, оба эти источника власти не созданы людьми, но получены ими свыше, из источника всей власти, то есть от Бога. Происходя от одного источника, эти власти, если их использовать правильно, не могут прийти в столкновение друг с другом. То обстоятельство, что в Византии подданные государства одновременно образовывали и церковную общину, обусловливал необходимость соглашения между Церковью и государством. Немыслимо было иметь для одной и той общности людей две противопоставленные и одновременно действующие власти. Церковь была как бы душой, государство - телом. Здоровый союз этих двух организмов Юстиниан считал необходимым условием функционирования каждого из них, ибо только при этом условии могло осуществиться гармоническое сотрудничество. Цель у обоих организмов была одна - спасение народа и слава Божия. Следовательно, конфликт между ними был немыслим, так как он означал бы разделение целей. В Новелле CIX Юстиниан объявляет:

> Мы убеждены в том, что наша единственная надежда на прочность империи под нашим правлением зависит от милости Божией, ибо мы знаем, что эта надежда есть источник безопасности души и надежности управления."[4]

Император-богослов, зная, что только в такой атмосфере сможет стать реальностью принцип гармонии в отношениях Церкви и государства, подчеркивал в Новелле VI:

"Два великих дара Господь в своей любви к человеку даровал ему свыше: священство и императорское достоинство. Первое служит божественному, второе направляет и управляет делами человеческими. Однако оба они происходят от одного источника и украшают жизнь человечества. Следовательно, ничто не может быть больше заботой императора, чем достоинство священников, ибо именно о благе императора они постоянно молят Бога. Если священники свободны от упреков и молитвы их доходят до Бога, а императоры справедливо и беспристрастно управляют вверенным им государством, возникает общая гармония и всякое благо даруется человеческому роду."[5]

Действительно, это идеальное сотрудничество двух властей могло осуществляться лишь тогда, когда каждая из них действовала в пределах данных ей полномочий:

"Ибо все кончается счастливо там, где было соответствующее начало, согласное с волей Божией. Мы полагаем, что все так и будет, если будут выполняться священные правила Церкви, объясненные нам и сохраненные для нас справедливыми, достохвальными и возлюбленными Апостолами, созерцающими, несущими и служащими слову Божьему, и святыми Отцами."[6]

Таким образом, основаниями принципа гармонии между Церковью и государством являются истинная вера и святые церковные каноны. Иначе эта столь угодная Богу гармония не может быть достигнута.

Из сказанного выше нетрудно заключить, что в своей религиозной политике Юстиниан руководствовался совершенно иными принципами, чем его предшественники. Последние не учитывали мнения Церкви и решали церковные проблемы по собственному усмотрению, тогда как Юстиниан в качестве основы своей религиозной политики рассматривал самоё

Церковь. Юстиниан следующим образом характеризует принцип гармонии между двумя властями: "Отсюда / от гармонии/ должны проистекать законы, они должны быть связаны с нею, ибо она должна быть началом и концом."[7]

Поскольку принцип гармонии исключал возможность расхождения между политическими законами и святыми канонами Церкви, император приказывал в Новелле CXXXI: " Поэтому мы приказываем, чтобы священные церковные правила, принятые и утвержденные четырьмя святыми Соборами, почитались как законы."[8] Таким образом церковные каноны приняли политический характер и стали частью гражданского законодательства. С этих пор каноны Церкви и законы государства составили целостное законодательство Византийской империи и духовно объединенных с нею соседних народов, особенно славян.

Учитывая все вышесказанное, мы не можем говорить о цезарепапизме Юстиниана, поскольку он не составлял законов для Церкви, но, предоставляя ей политическую власть, возводил существующие церковные каноны в ранг законов империи. Инициатива Юстиниана в этих вопросах проистекала из принципа гармонии между Церковью и государством, принципа, опиравшегося на длительную политическую и церковную традицию. Юстиниан последовательно поддерживал этот принцип и осуществлял его на практике, признавая права Церкви и требуя от нее признания прав государства. Поэтому нам представляется неправильным утверждение Ж.Ле Бра, будто "дарование привилегий определенным образом означает утрату автономии."[9] Император-богослов не давал Церкви привилегий , но скорее признавал официально ее место в правовой системе.[10]

В Новелле CXXXVII Юстиниан, говоря о мотивах, побудивших его возвести церковные каноны в ранг государственных законов, заявляет:

"Если мы, ради общего благополучия, предпринимаем меры для более эффективного проведения в жизнь гражданских законов, выполнение которых Господь в своем желании добра роду человеческому доверил нам, сколь больше есть основания следить за соблюдением

священных канонов и божественных законов, провозглашенных для безопасности наших душ."[11]

Поэтому император желал и требовал от всех церковных[12] и политических[13] руководителей знания и практического применения святых канонов. В случае расхождения между церковным каноном и гражданским законом император требовал, чтобы предпочтение отдавалось первому."Мы объявляем недействительными все законодательные меры, противоречащие церковным канонам и введенные в интересах политических интриг."[14]

В целом отношение Юстиниана к церковным канонам и Церкви ясно выражено им в своем исповедании веры: "Мы приемлем догматы Четырех Соборов,как Священное Писание, и рассматриваем их правила как действенное законодательство."[15] Церковь, как самодостаточный и Богом созданный институт была в состоянии сама для себя издавать законы, имея свой собственный высший законодательный орган - Вселенский Собор, власть которого Юстиниан никогда не считал возможным подменять властью государства. Поэтому содержание церковных декретов Юстиниана является полностью заимствованным из святых канонов. Юстиниан неоднократно подчеркивал, что не считает себя в праве создавать, изменять и аннулировать каноны. Таким образом, в процессе его законодательной деятельности Церковь не получала законов от государства, но предоставляла ему основные элементы для совершенствования политического законодательства. Церковь не получала от государства ничего, что бы не содержалось в Божественном праве.

Короче говоря, в своей законодательной деятельности Юстиниан стал основателем принципа гармонии в отношениях Церкви и государства, означающего независимость обоих институтов.

Применялись ли эти теоретические принципы на практике ? Существовала ли в действительности полная гармония ? На эти вопросы невозможно дать однозначный положительный или отрицательный ответ. За время долгого правления Юстиниана ему приходилось принимать участие

в решении многочисленных церковных проблем. Этот интерес императора к жизни Церкви и участие его в церковных делах по-разному объяснялись исследователями. Так, А.Кнехт утверждал, что церковная политика Юстиниана осуществлялась в духе цезарепапизма[16], тогда как Ч.Диль[17] характеризовал ее ак "императорскую тиранию". Х.Гельцер[18] также виде в церковной политике Юстиниана абсолютный цезарепапизм, называя Юстиниана "христианским калифом". Абсолютистский характер приписывали политике Юстиниана также Дж.Бери[19],К.Амантос[20],В.Стефанидос[21],Д.Закитинос[22] и д ругие исследователи. Л.Брейер[23] подчеркивал, что Юстиниан установил теократическое правление. Эта точка зрения была убедительно опровергнута Х.Чадеком[24]. Ф.Г.Савагнине[25] утверждал, что в правление Юстиниана Церковь сделалась слугой государства, особенно благодаря их союзу. П.Батиффол, чьи заключения были в основном восприняты римскими католическими историками, утверждал следующее:

"Юстиниан принял на себя функции законодателя церковных институтов и дисциплины. Он устанавливает новые формулы. Он созывает Вселенский Собор, но лишь затем, чтобы заставить епископов подписать им же самим составленные анафемы. Оказавшись однажды в присутствии папы Вигилия, отказавшегося проклять "Три главы", он демонстративно не преклоняет пред ним главы. Он провозглашает, что остается в общении с апостольским престолом и в то же время ни во что не ставит самого папу. В этот день его цезарепапизм достиг своей высшей точки."[26]

В более умеренной форме эта точка зрения была поддержана Е.Каспаром[27]. Е.Шварц[28] характеризует церковную политику Юстиниана как "деспотическую", хотя и соглашается с тем, что Юстиниан не превзошел своих предшественников во вмешательстве и влиянии на церковные дела. Г. Ле Бра[29] также говорит о подчинении Церкви государству.

В противоположность названным ученым другие историки считают, что церковная политика Юстиниана не находилась в противоречии с традици-

ями Церкви и не ставила своей целью последовательное подчинение Церкви государству. Эту точку зрения разделяют А.Аливизатос[30] и Б.Бионди[31]. Принцип гармонии между Церковью и государством был недавно признан также Дж. Гаудеметом [32]и В.Фидасом[33].

Односторонее изучение правления Юстиниана не может привести к правильному пониманию его церковной политики. Необходимо исследование различных событий в их отношении с теоретическим принципом гармонии между Церковью и государством. Более того, необходимо исследовать религиозные убеждения Юстиниана, которые, на наш взгляд, являлись основной направляющей силой его церковной политики.

Рассмотрев в общих чертах позицию Юстиниана касательно отношений между Церковью и государством, мы теперь детально исследуем его труды по отдельным церковным проблемам. Это исследование поможет нам понять мотивы его действий и прийти к определенным заключениям.

2. Раскол Акакия.

В 482 г. император Зинон издал декрет Энотикон.[34] Целью, которую преследовал этот декрет , было восстановление единства Церкви, покол бленного разногласиями среди христиан, особенно на Востоке. Эти разногласия были вызваны отказом многих восточных христиан признать решения Четвертого Вселенского Собора, его определение о двух природах Христа. Теми, кто принял решения собора, они были названы монофизитами. Декрет был подписан четырьмя патриархами: Акакием Константинопольским, Петром Монгом Александрийским, Петром Антиохийским и Мортирием Иерусалимским. Однако римский патриарх Феликс не принял декрета и прервал церковное общение с четырьмя названными патриархами/484/ [35] Таким образом, вместо восстановления единства церкви, издание декрета вызвало лишь новые разногласия.

Кроме нового расхождения между Западом и Востоком, декрет привел к новому расколу в самом восточном патриархате.[36] Это произошло потому

что Зинон действовал неканоническим образом. Он не созвал Вселенского Собора, не искал согласия всех пяти патриархов, чьи мнения должны были быть согласованы с мнениями поместных соборов. Напротив, император хотел силой утвердить позицию, основанную на мнении большинства патриархов, не прибегая к помощи соответствующего церковного органа.

Негативный результат произвольных действий Зинона сказывался не только на протяжении его правления, но и в правление его преемника Анастасия. В это время среди восточных патриархов, кроме уже существовавшего раскола Акакия, возникло новое разногласие.[37] Правление Анастасия ознаменовалось столь значительным прогрессом монофизитизма что три патриарших престола были заняты монофизитами[38]. Причиной этого были монофизитские увлечения самого императора. Православия придерживался только иерусалимский патриарх. Поддержка православных монахов Палестины, особенно знаменитого монастыря св. Саввы, позволила сохранить православие в этом патриархате.[39] Однако восшествие на трон православного Юстина – дяди Юстиниана – положило конец успехам монофизитов и привело к постепенному переходу власти в руки православных.

Как мы уже отмечали, в период правления Юстина Юстиниан принимал активное участие в управлении империей. В частности, он играл видную роль в формировании религиозной политики Юстина. Молодой и благочестивый Юстиниана не оставался безразличным к наболевшим церковным разногласиям. Он искал решения, которое могло бы примирить разделившихся христиан. Будучи православным, он стремился прежде всего объединить православный Восток и Запад, находившиеся в состоянии раскола еще с 484 г.[40]

Новый константинопольский патриарх, Иоанн II Каппадокиец, подготовил основу для объединительных соглашений. Под нажимом духовенства, монахов и населения столицы он провозгласил с кафедры признание решений Четвертого Вселенского Собора и вновь вписал имена своих православных предшественников –патриархов Евфимия и Македония и папы Льва– в церковные диптихи.[41] Он также предал анафеме монофизита патриарха Севера Антиохийского

Православное население Константинополя с радостью и воодушевлением восприняло это событие.[42] Под председательством патриарха Иоанна был созван собор *endemousa* /518/ в Константинополе, который по требованию православного духовенства и монахов Антиохии[43] извергнул из сана Севера и послал извещение о его деяниях иерусалимскому патриарху Иоанну и "всем митрополитам, не принявшим участия в Соборе."[44] После этого Иоанн Иерусалимский созвал поместный Собор, признавший решения константинопольского Собора, и послал Иоанну Константинопольскому важное и очень взволнованное письмо.[45]

Север и его сторонники бежали в Египет, который стал пристанищем монофизитов. Однако полемика по вопросу о тленности или нетленности тела Христова разделила монофизитов на две партии – сторонников Севера, говорившего о тленности, и сторонников Юлиана, верившего в нетленность тела Христа до воскресения.[46]

После описанных событий так называемый раскол Акакия по существу кончился. Признание решений Четвертого Вселенского Собора и проклятие монофизитизма патриархами Рима, Константинополя, Антиохии и Иерусалима привело к возобновлению отношений между престолами Рима и Константинополя. Юстиниан, который до этого подготавливал почву для достижения желанного и весьма важного единства православной веры, теперь предпринял ряд мер для формального аннулирования раскола. От имени своего дяди, императора Юстина, он послал два письма римскому папе Гормизде, выражая желание Иоанна II, константинопольского патриарха, восстановить общение с римской Церковью.[47] Сам Иоанн II надеялся на восстановление мира в отношениях между Церквами Старого и Нового Рима. Это ясно видно из его собственных посланий Гормизде, отправленных после писем Юстиниана и исполненных миролюбивого духа.[48]

В ответ на требование императора и патриарха прислать из Рима в Константинополь делегацию для обсуждения путей устранения формальных

препятствий к восстановлению мира Гормизда послал делегацию, состоящую из двух епископов, священника и двух дьяконов.[49] Папские представители были приняты в Константинополе с великими почестями. Они привезли с собой письма папы, которые были вручены императору, императрице Софье, Юстиниану, патриарху Иоанну, духовенству Константинополя и другим придворным[50]. Однако когда делегаты были приглашены обсудить проблемы, разделявшие две Церкви, они объявили о своем отказе обсуждать эти вопросы. Вместо этого они предъявили папский пасквиль /Formula Hormisdae/, который должен был подписать всякий желавший иметь общение с римской Церковью. Среди прочего в пасквиле утверждалось следующее: вера сохраняется полностью только на апостольском престоле Рима силою слов Господа апостолу Петру : "Ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою" /Мф.16.18/ Те, кто это отрицает должны быть прокляты, как не обладающие истинной верой. Проклятию подлежат также константинопольский патриарх Акакий и его последователи. Отлученные и проклятые апостольским престолом не должны больше поминаться при совершении Таинств.[51]

Узнав о содержании папского пасквиля, патриарх Иоанн был глубоко потрясен и наотрез отказался подписать подобную бумагу. Если бы не дипломатическое вмешательство Юстиниана, все попытки объединения закончились бы провалом. Оказав сильное воздействие на обе партии, он достиг компромисса. Так, папская делегация согласилась изменить текст пасквиля. Патриарх Иоанн исправил его и придал документу форму личного послания папы. В этом новом варианте особо подчеркивались следующие положения:

А. Равенство престолов Старого и Нового Рима. " Я признаю, что святейшие Божьи Церкви, вашего Старого и этого Нового Рима суть одна Церковь, я определяю, что престол апостола Петра и этого достопочтенного города суть один престол."[52]

Б. Вселенский характер решений всех Четырех Вселенских Соборов. Таким образом, хотя и косвенно, были поставлены под вопрос истинность и

абсолютный характер решений пап Льва I и Геласия, сомневавшихся во вселенской власти и авторитете Второго Вселенского Собора. Более того, был подтвержден 28 канон Четвертого Вселенского Собора, утверждавший в достоинстве престол Константинополя с римским престолом.[53] В. Чтобы сохранить параллелизм, была опущена фраза, в которой патриарх Акакий объявлялся "проклятым апостольским престолом."[54]

В новом варианте документ был подписан патриархом Иоанном, который в присутствии папских представителей вычеркнул имя Акакия из церковных диптихов. Из них были устранены также имена православных патриархов Фравита, Евфимия и Македония только потому, что они сохранили имя Акакия в диптихах константинопольской Церкви. Иоанн сделал это ради мира двух Церквей и чтобы избежать раздражения римской Церкви, а также под давлением Юстиниана, который занимался этим вопросом, заменяя императора Юстина. Однако исключение из диптихов имен православных патриархов вызвало много протестов, особенно в провинциях. Все соглашались с проклятием монофизитов, но не могли принять проклятия православных патриархов, боровшихся с монофизитами. Эти волнения заставили римских представителей отступить. Имена патриархов Евфимия и Македония были вновь вписаны в диптихи, и они были провозглашены святыми.

Из сказанного выше мы видим, что дипломатические способности Юстиниана и понимание, проявленное обеими партиями, помогли восстановить мир между церквами Константинополя и Рима. Таким образом, раскол, существовавший с 484г., прекратился и Рим так и не добился успеха в попытках подчинить своей власти Восточную Церковь.

3. Монофизиты

Церковное общение между Старым и Новым Римом, восстановленное с прекращением раскола Акакия, не восстановило мира и единства во всей христианской Церкви. Напротив, согласие двух Церквей в призна-

нии решений Четвертого Вселенского Собора разозлило монофизитов и еще более увеличило пропасть между ними и православной Церковью. Так из пяти патриарших престолов фактически только три были в полном согласии друг с другом. Престолы Александрии и Антиохии были поколеблены монофизитами. Хотя решения Халкидонского Собора отрицали все монофизиты, среди них выделялись различные догматические течения и различные точки зрения относительно вышеназванного Собора. Этот факт не ускользнул от внимания Юстиниана, который использовал его соответствующим образом в осуществлении своей религиозной политики объединения.

Основываясь в своих действиях на православной вере, он стремился найти точки соприкосновения между православными и монофизитами, всегда рассматривая в качестве своей конечной цели возвращение монофизитов в лоно православия. Однако никакое соглашение между монофизитами и православными не могло быть достигнуто без устранения их разногласий по вопросу о Халкидонском Соборе, что было весьма трудной задачей. Монофизиты были настроены против решений Халкидонского Собора, которые они считали пронесторианскими. Их подозрения и аргументы против Собора были вызваны, с одной стороны, его догматическим определением " в двух природах"[55], а с другой стороны, тем обстоятельством, что собор восстановил в сане Феодорита Киррского и Иву Эдесского.[56] Императоры Зинон и Анастасий были весьма озабочены тем, чтобы найти компромиссное решение, которое бы удовлетворило монофизитов и в то же время не предполагало бы никаких изменений решений Собора. Провал их религиозной политики был вызван прежде всего самой сложностью решения данной проблемы.

Юстиниан уделял очень много внимания проблеме монофизитизма. В своих попытках найти ее решение он старался избегать поспешных усилий своих предшественников и осуществлял свою религиозную политику в пределах собственных полномочий и канонической церковной традиции.

В религиозной политике императора в отношении монофизитов могут быть выделены три стадии, соответствующие тем средствам, которые он применял, стремясь привлечь монофизитов к православной Церкви. Эти стадии таковы:

I. Период 518-536гг., основной характеристикой которого была полемика между православными и монофизитами по поводу богословского тезиса "Один из Святой Троицы пострадал во плоти".

2. Период 536-553г., ознаменованный диспутом о "Трех главах".

3. Период 553-565г., в который Юстиниан старался провести в жизнь решения Пятого Вселенского Собора.

А. Первый период 518-536гг. Полемика о "Пострадавшем во плоти".

Прекращение Акакиевского раскола вызван. тем что им. стр. 83 воодушевило не только Юстиниана, желавшего объединения всех христиан в православной вере, но и многих других церковных деятелей. Так, папа Гормизда обратился с письмом к императору Юстину, а также с письмами к константинопольскому [illegible] и Александрии, посредством чего может быть достигнуто единство всего христианского мира. Из этих посланий ясно, что папа не считал эту задачу трудной и невыполнимой.[58] Однако Юстиниан был хорошо осведомлен о препятствиях к объединению и действовал в большем соответствии с реальными обстоятельствами.

Зная о внутренних разногласиях среди монофизитов, он с самого начала сосредоточил свое внимание на партии Севера, которую составляли умеренные монофизиты /diakrinomenoi/.[59] Возможное решение проблемы было подсказано движением скифийских монахов /519-521/, утверждавших, что согласие может быть достигнуто общим признанием известного утверждения " Один из Святой Троицы пострадал во плоти". Монахи

сопоставляли это положение с догматическим утверждением Кирилла Александрийского "Одна природа Бога Слова вовлотилась", которое также признавалось монофизитами. Они ссылались также на то, что это положение разделял православный архиепископ Прокл Константинопольский. Последний действительно использовал данное положение, особенно в полемике с Феодором Мопсуэстийским, однако без слов " во плоти", которые были добавлены скифийскими монахами, наведшими их в одном из богословских произведений Кирилла Александрийского. Таким образом, в новой формулировке данное положение могло быть истолковано не только в том смысле, который вкладывали в него монофизиты, но и в духе православия, как выражение взаимодействия атрибутов двух природ Христа в результате их объединения в Его личности". Это означало что второе лицо Троицы страдало не в Его божественной субстанции, а во плоти, то есть в человеческой природе, которая в личности Христа объединилась с божественной природой. Подчеркивался, таким образом, союз двух природ в Христе. Монофизиты считали, что этот союз недооценивался в догматической формулировке Халкидонского Собора "в двух природах".

Так называемое теопасхическое движение скифийских монахов [60] привлекло внимание Юстиниана. Вышеназванное положение и поддерживаемая ими идеология укрепили Юстиниана в надежде на то, что наконец может быть найдена точка соприкосновения между монофизитами и православными. Однако это теопасхическое движение отрицалось обеими партиями и было принято с большим неодобрением как на Западе, так и на Востоке. Однако Юстиниан не терял надежды. Он настойчиво писал папе, выражая собственное мнение о теопасхическом тезисе и спрашивая папу о его мнении на этот счет, поскольку чувствовал, что их точки зрения должны совпасть. В одном из писем он подчеркивает:

" О том, кто, по словам величайшего из апостолов , пострадал во плоти, справедливо говорится, что Он, один из Троицы, правит

с Отцом и Святым Духом. Ибо было бы двусмысленно говорить просто "один" из Троицы, не добавляя при этом имени Господа нашего Иисуса Христа. Итак, мы не сомневаемся в том, что Его лицо присутствует в Троице вместе с лицами Отца и Святого Духа, ибо без лица Христа Троица не может быть предметом сознательной веры и преданного почитания. Как говорит св.Августин: " Он, единственный из Троицы воспринял плоть" или, в другом месте:"Он, один из трех" [62]

Двухлетние усилия Юстиниана не принесли никакого результата. Теопасхическая формулировка не была принята, причем не из-за своего богословского содержания, но лишь потому, что ее не было в решениях Четвертого Вселенского Собора. На встрече, произошедшей в Константинополе в 519г., в которой приняли участие император Юстин, Юстиниан и представители папы Гормизды, так и не было принято никакого решения.[63] Папа Гормизда так и не высказал в письмах к Юстиниану своего мнения о теопасхическом движении. В конце концов 27 марта 521г. папа послал обширное письмо не Юстиниану, а императору Юстину. Но и в этом письме он не высказался более определенно по вопросу о полемическом положении скифийских монахов.[64] Безразличие папы заставило Юстиниана прекратить переписку. Однако он не оставлял надежды на обсуждение данной проблемы в будущем. Действительно, когда он занял императорский трон и стал полностью ответственным за религиозную политику правительства, одним из его превых декретов по вопросам веры был декрет 527г.[65], посвященный теопасхической формулировке " Один из Троицы пострадал во плоти". Этот факт свидетельствует о том значении, которое придавал император вышеназванному богословскому течению.

После 531г Юстиниан, чтобы облегчить условия диалога с монофизитами, изменил свою тактику. Высланным монофизитским епископам и монахам было разрешено вернуться на свои места.[66] Многие приверженцы Севера вернулись в Константинополь и , злоупотребляя добротой императрицы Феодоры, образовали в столице мощную монофизитскую фракцию. В так

называемом дворце Гормизды находили предоставляемые императрицей защиту и убежище одновременно более пятисот монофизитов- монахов и священников.[67] Эти люди были столь воодушевлены терпимостью императора, что осмеливались писать ему, проповедуя свою веру.[68]

После подавления восстания Ника в 532г. Юстиниан снова обратился к проблеме теопасхического движения. Было решено созвать съезд, на котором бы представители православных и монофизитов встретились, чтобы преодолеть разногласия относительно догматических определений Четвертого Вселенского Собора. На съезде присутствовали шесть представителей умеренных монофизитов и шесть православных, а также представитель императора Стратегий[69]. Сам Север был приглашен ,но отказался участвовать. Он, однако, направил собравшимся письмо, прося извинить его отсутствие.[70] Обсуждение на съезде шло на высоком и достойном уровне, в духе обоюдного взаимопонимания. Таким образом, разногласия были в значительной мере преодолены. Однако возвращение монофизитов к православию было делом чрезвычайной сложности, и съезд окончился, не приняв на этот счет окончательного решения.

Используя ослабление фанатизма умеренных монофизитов на съезде, Юстиниан 15 марта издал декрет, обращенный к населению Константинополя и Малой Азии. Этот декрет утверждал теопасхический тезис скифских монахов и проклинал несогласных с ним несториан и монофизитов.[71] По своему содержанию этот декрет почти полностью совпадал с декретом 527г. Однако совершенно неожиданно этот декрет вызвал энергичный протест монахов монастыря "неспящих" / akoimetoi / в Константинополе. В ответ на это император издал новый декрет /26 марта/, адресованный патриарху Епифанию и посланный также папе Иоанну II.[72] Этот декрет пояснял и дополнял предыдущий. Он был принят патриархом Епифанием, епископами, находившимися в Константинополе, и папой Иоанном II /25 марта 534г./, как не противоречащий решениям Халкидонского Собора.[74] В письме

к Юстиниану папа Иоанн хвалил императора за издание декрета. Он использовал весьма лестные слова, говоря о православии императора, е религиозной политике, с которой папа был полностью согласен. Среди прочего папа писал:

"Ничто не излучает столь славного света, как истинная вера в правителе; ничто не является столь вечным, как истинная религия... Поэтому, о славнейший государь, каждый молящийся будет просить Божественную власть о нерушимом сохранении твоего горяче го усердия в вере, твоей сердечной преданности и твердости в истинной религии. Ибо мы верим, что это служит интересам святых Церквей. Сердце царя в руке Божьей, и Он направляет его, как Ему угодно. В этом основа мощи твоей империи и крепости твоего правления. Ибо мир церковный и единство религии возвышают того, кто утвердил их, и сохраняют его в счастии и мире. Сила Божья никогда не оставит того, кто защищает Церковь от зла и раскола, ибо написано:"Когда справедливый царь сидит на троне, никакое зло не сокрушит его " /Притч.20.8/ Мы слышали, что ты, движимый своим религиозным рвением, обратился ко всем верным с эдиктом, чтобы защитит апостольское учение от еретических извращений при содействии наших братьев-епископов. Поскольку твой поступок находится в согласии с апостольским учением, мы подтверждаем его своим авторитетом."[75]

Однако, поскольку сопротивление монахов монастыря"неспящих" и некоторых примкнувших к ним православных епископов продолжалось, Юстиниан обратился к патриарху Евфимию с письмом, содержащим гневный протест. Монахи были объявлены несторианцами и высланы. Однако вмешательство императора облегчило им наказание.[76]

Подтверждение и принятие православием теопасхическо го декрета Юстиниана не сильно изменило положение, особенно в Египте. Монофизит и продолжали настаивать на своих взглядах. Со смертью антиохийского патриарха Тимофея III / 7 февраля 535г./ они разделились на две

на две партии. Наиболее последовательные из них предлагали в патриархи Гайана, тогда как более умеренные избрали Феодосия, дьякона Севера. Юстиниан поддержал умеренного Феодосия, полагая, что это будет способствовать его политике объединения. Однако Феодосий ничего не делал для возвращения монофизитов к православию. Он также отказался подписать решения Четвертого Вселенского Собора. Поэтому в 536г. он был выслан в Дерку.[77]

Как мы уже говорили, используя терпимость Юстиниана и доброту Феодоры, монофизиты сформировали в Константинополе собственную сильную фракцию. Монофизитизм стал процветать в аристократических кругах столицы. В 533г. монофизиты попытались истолковать землятресение, потрясшее Константинополь, как наказание Божьего Суда за признание решений Халкидонского Собора, посеять панику и спровоцировать демонстрации.[78] Положение монофизитов еще более укрепилось с прибытием в Константинополь знаменитого Севера, приглашенного Феодорой продолжить дискуссию, начатую на съезде в 532г.

5 июня 535г. умер константинопольский патриарх Епифаний. Юстиниан, желая продолжить диалог с умеренными северианцами, настаивал на том, чтобы преемником Епифания стал человек, которому бы доверяли монофизиты. Таким человеком был Анфим, митрополит Требизонда. Он принимал участие в съезде 532г. и был известен своей терпимостью и пониманием последователей Севера. Однако, когда отношения между Анфимом и Севером стали слишком дружескими и первый стал открыто потворствовать сторонникам второго, положение приняло характер, прямо противоположный тому, на который рассчитывал Юстиниан. В то же самое время Агапит, только что избранный на папский престол, прибыл в Константинополь как представитель Феодата, короля остготов, с целью убедить Юстиниана оставить свои планы и приготовления к войне в Италии. Относительно событий, происходивших в Константинополе, и убеждений Анфима Агапит уже был информирован монахами, посланными с этой целью в Константинополь.[79] Поэто

му, приехав в Константинополь, он не встретился с Анфимом, но только с императором, тем самым продемонстрировав официальные сомнения в православии патриарха.[80] Хотя Агапит и был уверен в промонофизитской настроенности Анфима, он не стал проклинать его, поскольку суд над Анфимом требовал созыва Собора, на котором должны были быть представлены все патриаршие престолы.[81] Однако константинопольское монашество предлагало Агапиту немедленно свергнуть Анфима с престола, воспользовавшись, как предлогом, тем обстоятельством, что он был переведен в Константинополь с другого престола / из Требизонда/, что запрещалось церковными канонами. Приняв предложение монахов, Агапит потребовал изверження Анфима из патриаршего сана. Последний, понимая, в чем состояло истинное обвинение , отрекся от престола, оставив мантию в руках императора. Юстиниан, разочарованный неспособностью Анфима содействовать диалогу между православными и монофизитами, не хотел защищать человека, обвиненного в монофизитизме. Собор *endemousa* под председательством Агапита низвел Анфима с константинопольского престола. Однако было решено, что он может вернуться на прежний престол в Требизонде, если письменно откажется от монофизитизма и признает решения Четвертого Вселенского Собора.[82] Анфим лицемерно разыграл раскаяние перед лицом Юстиниана и пообещал дать требуемое письменное подтверждение своей веры. Однако он систематически уклонялся от выполнения своего обещания. По предложению Юстиниана новым константинопольским патриархом был избран Мина, который был рукоположен в сан папой Агапитом[83] Новое назначение было с воодушевлением воспринято населением столицы. Папа Агапит получил возможность подчеркнуть важность посвящения в патриарший сан его руками.[84] Однако неожиданно, после внезапной и непродолжительной болезни папа Агапит скончался 22 апреля 536г.

Тем временем население Константинополя было охвачено сильным волнением. Еретики проявляли крайний фанатизм и отсутствие понимания. Православные осуществляли контроль над положением в столице и под председательством вновь избранного патриарха Мины созвали собор

endemousa в Константинополе. На Соборе были представлены Римский, Антиохийский и Иерусалимский патриархаты.[86] Одним из центральных пре метов обсуждения было письменное подтверждение веры, обещанное Анфим только что сведенным с патриаршего престола. Еще при жизни папы Агап та монахи и епископы составили петицию к нему, настойчиво требуя, чт бы Анфим прислал письменное подтверждение веры, в противном случае угрожая ему извержением из сана. Они обоснованно опасались, что если Анфим действительно являлся еретиком, то он в той же степени мог быт спасен и как митрополит Требизонда. Папа Агапит направил эту петиция Юстиниану. Теперь, после смерти папы Агапита, монахи писали Юстиниану прося удовлетворить их прежнее прошение. Собор под председательством Мины пытался установить связь с Анфимом через своих представителей и дать тому возможность доказать свое православие. Однако Анфим скры ся и представителям не удалось его найти. После всего этого Анфим был извергнут из сана и проклят заочно.[86]

Присутствие на Соборе представителей четырех патриархатов /Римского, Иерусалимского, Антиохийского и Александрийского/ сделало возможным новое проклятие монофизитов. Это было необходимо из-за присутствия в столице Севера и интенсивной пропагандистской деятельности ег сторонников, Петра и Зоары. О возобновлении проклятия впервые попросили константинопольские монахи в письме, адресованном патриарху Мине Собор вновь проклял монофизитов Севера, Петра и Зоару. Этому событию все придавали большое значение, поскольку оно означало объединение че тырех патриарших престолов в борьбе против монофизитства.

Все эти события делали положение Юстиниана весьма сложным. Его упорные попытки примирить православных с умеренными монофизитами, используя теопасхический тезис скифских монахов, не дали результата. Теопасхический декрет 533г., с одобрением воспринятый Римом и Константинополем и значительным числом православных иерархов, декрет, на к который император возлагал большие надежды в своей политике объединения, не принес плодов. Ни умеренность и терпимость, проявленные к

монофизитам, ни издание декрета, в котором было достигнуто общее догматическое истолкование решений Четвертого Вселенского Собора, ни возведение на патриарший престол промонофизитски настроенного Анфима, ни поддержка умеренного монофизита патриарха Феодосия Александрийского не в состоянии были вернуть монофизитов к православию. Тепе Юстиниан оказался лицом к лицу с новыми решениями Собора, которые ему предстояло утвердить или отклонить. Если бы он отклонил эти реше ния, возникла бы опасность нового раскола с западной Церковью, что было опасно как для Церкви, так и для государства. Поэтому он предпо чел принять и подтвердить решения Собора декретом от 6 августа 536г.[8] В этом декрете проклинался монофизитизм и его лидеры – Север, Петр, Зоара, а также проклятый собором бывший константинопольский патриарх Анфим. Юстиниан требовал изгнания названных лиц из Константинополя, а также запрещал распространение их сочинений и требовал изъятия их из всех церковных учреждений. На патриарха Мину была возложена ответственность за доведение содержания декрета до сведения всей Церкви.

Проклятые монофизиты покинули Константинополь. Север снова бежал в Египет и там написал богословский трактат против диофизитов.[90] Там он и умер два года спустя 8 февраля 538г.

В целом Собор и декрет значительно укрепили позиции православия. Однако, как мы увидим в дальнейшем, Юстиниан не оставил своей религиозной политики объединения и богословских попыток достичь возвращения монофизитов к православной Церкви. Он попытался найти новую основу, на которой православные и монофизиты могли бы преодолеть свои разногласия, сохраняя при этом уважение к решениям Четвертого Вселенского Собора.

Б. Второй период. 536–553гг. Полемика о "Трех главах"

Собором 536г. и декретом Юстиниана, подтвердившим решения Собора, монофизитизму был нанесен мощный удар, подобный которому монофизиты получили разве только после прекращения раскола Акакия, когда

православные объединились против них в общий фронт. В это время /в 536г./ была совершена попытка назначить на все церковные должности лиц православных убеждений, верных императору. Однако выдвижение сторонников императора на эти должности, особенно на патриаршие престолы породило много проблем. Так, когда александрийский престол был занят тавеннсиотским монахом Павлом, предложенным папским представителем Пелагием и рукоположенным в сан константинопольским патриархом Миной, население Александрии не приняло его.[91] Вскоре Павел был обвинен в убийстве. Юстиниан послал в Александрию папского представителя Пелагия, получив ему созвать поместный Собор -при содействии патриарха антиохийского Ефрема- и исследовать обвинение. С другой стороны, прямое вмешательство императора было вызвано явно неудовлетворительной религиозной политикой Павла.

Собор состоялся в Газе в 540г. Среди прочих в нем приняли участие папский представитель Пелагий, Ефрем Антиохийский, Петр Иерусалимский, Иоанн Эфесский и обвиненный Павел Александрийский. Павел был сведен с престола и на его место был поставлен Зоил.[92]

После смерти Агапита в Константинополе 22 апреля 536г. жители Рима при содействии готского короля Феодата избрали преемником Агапита дьякона Сильверия. Поскольку Юстиниан не доверял Сильверию, он, с помощью Феодоры, приложил усилия к тому, чтобы римский престол был занят Вигилием, представителем папы в Константинополе. Вигилий заставил Сильверия освободить престол и сам стал правителем Римской Церкви.[93] Это произошло в 537г.

Тем временем внимание Юстиниана привлекла тянувшаяся уже долгое время среди палестинских монахов полемика по поводу учения Оригена.[94] Начало полемики относится к 507г., когда значительная часть наиболее образованных монахов покинула монастырь св.Саввы и основали новый монастырь - Новую Лавру. Свой уход из монастыря св.Саввы и основание Новой Лавры монахи объясняли недостатком образованности и недостойным

поведением настоятеля монастыря Саввы. Новая Лавра стала оплотом оригенистов в Палестине./514/ Отсюда они распространяли свое учение, завоевывая сторонников в основном среди наиболее образованных монахов.[95] Они принимали учение Оригена о предсуществовании души, перевоплощении и восстановлении всего.[96] Они ссылались на то, что эти взгляды разделяли Григорий Нисский и Дидим Слепой. Положение оригенистов укрепилось после смерти знаменитого св. Саввы и отправления в Константинополь двух своих наиболее выдающихся представителей – Домециана, настоятеля монастыря св.Мартирия, и Феодора Аскиды, настоятеля Новой Лавры. Оба они приняли участие в константинопольском соборе 536г. Следует предполагать, что Юстиниан принял оригенистов без тщательной проверки их взглядов – иначе трудно было бы объяснить их быстрое продвижение и возведение в ранг епископов: Домециан стал епископом Анкары, а Феодор Аскида – епископом Кесарии.

Патриарх Петр Иерусалимский оказался в безвыходном положении. Хотя он и был антиоригенистом, но не хотел открытой конфронтации с мощной партией оригенистов. Он даже делал вид, что благоволит им. Однако тайно он призывал архимандритов Великой Лавры Геласия и монастыря св. Феодосия Софрония послать Юстиниану пасквиль, направленный против оригенистов. Такой пасквиль был составлен. Он содержал требование, чтобы имя антиохийского патриарха Ефрема не было вычеркнуто из диптихов иерусалимской Церкви. Как мы скоро увидим, Ефрем, пользуясь своей властью принимал меры для проклятия сторонников Оригена.[97] Общественная позиция патриарха Петра раздражала антиоригенистов. Шесть из них явились к патриарху Петру с выражением своего недовольства. Ефрем созвал поместный собор и проклял оригенистов./542/ В отместку за события в Антиохии оригенисты требовали исключения имени Ефрема из церковных диптихов Иерусалима.. Эти события, естественно, ухудшили отношения между двумя патриархатами. Это положение, чреватое разрывом их церковного общения, весьма озаботило Юстиниана. Поэтому он предпринял ряд

мер для устранения этого яблока раздора. Следуя советам[99] константинопольского патриарха Мины и папского представителя в Константинополе Пелагия, он в 543 г. издал декрет против оригенистов. Декрет был послан пяти патриархам с указаниями созвать поместные соборы и попытаться ратифицировать его. Так и было сделано. Декрет был подписан пятью патриархами и утвержден соответствующими соборами. Его подписали и все епископы иерусалимского собора, за исключением Авиллы Александра. Он был подписан также известными оригенистами епископами Феодором Аскидой Кесарийским и Доментианом, епископом Анкары.[100] Не принявшие декрет оригенисты были отлучены иерусалимским собором и с большой строгостью были принуждены покинуть их центр – Новую Лавру.[101] Позднее, благодаря вмешательству Феодора Кесарийского и Юстиниана, они вернулись в свои монастыри. Впоследствии некоторые из них были назначены на высокие церковные должности.[102]

Утвержденный поместными соборами, декрет Юстиниана приобрел значительную силу и нанес последний смертельный удар по полемике оригенистов. В постепенном разложении полемики оригенисты распались на две группировки – *isochristoi* и *protoktista*. Первые были сосредоточены на учении Оригена о предсуществовании, исходном равенстве и конечном восстановлении всех духов. Они считали, что в будущей жизни души человеческие будут уравнены с душой Христа. Вторые, напротив, признавали превосходство души Христа, как первого творения. Узнав об этих новых идеях от настоятеля Великой Лавры Конона, Юстиниан написал богословские трактаты, направленные против учения Оригена и его последователей.[103]

С возвращением *isochristoi* к Церкви в 552г. и проклятием оригенистов Пятым Вселенским Собором в 553г. оригенистское движение постепенно сошло на нет.[104]

I/ Первый декрет против "Трех глав".

Тесно связанной с полемикой и движением палестинских оригенистов была полемика вокруг "Трех глав". Эти "Главы" в течение долгого

времени служили предметом раздоров среди христиан. Как мы сказали выше, палестинское монашество раскололось на две группировки – оригенистов и антиоригенистов. Авторитетом для первых был Ориген, они проклинали Феодора Мопсуэстийского, тогда как вторые проклинали Ориге на, ссылаясь на авторитет Феодора Мопсуэстийского. Оригенисты боролись против Феодора Мопсуэстийского не потому, что он был признан антиоригенистами, но потому что сочинения Феодора были неисчерпаемым источником аргументов против учения Оригена. Кирилл Скифопольский пишет, что св. Савва не принимал этих монашеских крайностей, полагая что ни Ориген, ни Феодор Мопсуэстийский не могут быть авторитетами для истинно" веры.[105]

Феодор Аскида хотел нанести удар по антиоригенистам для собственного удовлетворения и удовлетворения своих друзей-оригенистов в Палестине. Поэтому он желал проклятия Феодора Мопсуэстийского. Такое проклятие, кроме удовлетворения оригенистов, могло иметь своим результатом также частичное удовлетворение монофизитов, давно желавших проклятия Феодора Мопсуэстийского.[106]

Как мы видели, Юстиниан посредством теопасхического тезиса "Один из Троицы пострадал во плоти" хотел покончить с критикой монофизитами догматического определения Халкидонского Собора "в двух природах". На съезде в 532г. критицизм монофизитов в отношении пронесторианских тенденций Четвертого Вселенского Собора не был преодолен полностью. К прежнему отрицанию определения "в двух природах" монофизиты добавили упреки Собору в потворстве ученикам Феодора Мопсуэстийского несторианцам Феодориту Киррскому и Иве Эдесскому.[107]

Четвертый Вселенский Собор не рассматривал сочинений Феодора Мопсуэстийского. Он был занят преимущественно проклятием монофизитов.[10] Однако несправедливо утверждение, будто Собор потворствовал Феодориту Киррскому и Иве Эдесскому, приобщив их к Церкви. Как разъяснили православные представители на съезде в 532г., эти лица были приняты Собором только после того, как они проклянли Нестория. Поэтому после собора

Кирилл Александрийский восстановил полное общение с Феодоритом.[109]

Чтобы покончить с этими обвинениями в адрес Халкидонского Собор и удовлетворить оригенистов, Юстиниан в 545г. издал декрет против "Трех глав". В этом декрете проклинались личность и сочинения Феодора Мопсуэстийского, произведения Феодорита Киррского, направленные п тив двенадцати анафем Кирилла Александрийского и Третьего /Эфесского/ Вселенского Собора, а также письмо Ивы Эдесского персу Марию.[110] Декрет этот был послан пяти патриархам для утверждения, что вызвало сопроти ление как на Востоке, так и на Западе.

2/ Реакция на Востоке.

Как мы отмечали выше, Юстиниан, прежде чем писать богословский трактат или издать законодательный декрет, обычно совещался с придвор ными богословами и епископами. Мнение константинопольского патриарха и представителей других патриархатов играли существенную роль в приня тии решений по религиозным вопросам. Кроме того, неоднократно провозглашенный императором принцип гармонии в отношениях между Церковь и государством требовал учета мнения церковных деятелей. Согласно этому принципу, ответственность за дела веры нес исключительно весь корпус епископов. Их решение выражал Вселенский Собор. Однако в данном случае Юстиниан не стал созывать собора. Он не был против созы ва собора, но действовал по практическим соображениям.[111] Созыв Вселе ского Собора всегда был связан с множеством проблем, в том числе и экономического характера. Чтобы избежать этих трудностей ,Юстиниан по пел по более простому пути, издав декрет. Он надеялся, что патриархи одобрят этот акт, как это было в случае декрета против оригенистов. /543г./ Однако на этот раз ожидания императора не оправдались.

Все, что произошло в Константинополе после издания декрета о "Трех главах", убеждает нас в том, что прежде, чем издать декрет, Юстиниан советывался с патриархом Римой и пришел к соглашению с ним.

Создается впечатление, что Мина одобрял издание декрета и даже подта кивал к нему Юстиниана. После опубликования декрета Мина собрал епис копов в Константинополе, чтобы обсудить и одобрить его.[112] Собор об- судил и одобрил декрет.[ср 105] Патриархи Антиохии, Александрии и Иерусалима колебались. Это заставило подписавших - патриарха Мину и епископов, собравшихся в Константинополе - пересмотреть свои действия. Патриарх Мина заявил императору, что он аннулирует свою подпись, если другие патриархи не подпишут декрета.[113]

Вопреки ожиданиям издание декрета о "Трех главах" породило много проблем и в центре монофизитизма - Александрии. Патриарх Зоил, от которого ожидалось, что он подпишет декрет первым, отказался с самого начала. Однако, вызванный в Константинополь, он под нажимом отступил и подписал документ. Его несогласие с религиозной политикой Юстиниана было, очевидно, причиной его изверження из сана и ссылки в 547г. Чет ре года спустя его преемник Аполлинарий признал декрет против "Трех глав" и принял участие в Пятом Вселенском Соборе./553/[114]

Отсутствие исторических свидетельств не позволяет точно сказать, что происходило в это время в Антиохии. Известно, что антиохийский пр стол занимал тогда последовательный православный антиоригенист Ефрем, чьи сильные антиоригенистские настроения вызвали даже раскол между патриархатами Антиохии и Иерусалима. Он ни коим образом не мог одобри умаления значения решений Халкидонского Собора. К тому же среди про- клятых императорским декретом были и богословы, принадлежавшие к анти охийской богословской школе.[115] Поэтому патриарх Ефрем, согласно един ственному, но заслуживающему доверия свидетельству Факунда Германско го, сначала отказался подписать декрет.[116] Позднее, когда Юстиниан пригрозил ему изверженим из сана, он согласился подписать. После смерти Ефрема /545/ Домн /или Домнин/ признал декрет и также принял участие в Пятом Вселенском Соборе.

Декрет против "Трех глав" был с неодобрением воспринят и в Иеруса

лиме. Две сильные партии -оригенисты и антиоригенисты- убедили патр
арха Петра занять осторожную позицию. Согласно свидетельству Кирилла
Скифопольского, патриарх Петр подговаривал монахов -антиоригенистов,
единомышленником которых он был сам, сочинить и представить ему доку
мент в защиту Феодора Мопсуэстийского.[117] С другой стороны, Факунд I
мианский сообщает, что Петр испытывал нажим со стороны монахов и об
явил, что всякий, принявший декрет , тем самым противопоставит себя
Халкидонскому Собору.[118] Это противоречие легко может быть объяснен
если принять во внимание характер патриарха. Как и в случае декрета
против Оригена, он и в данном случае хотел, очевидно, снять с себя
ответственность за позицию в отношении императорского декрета.

Мы представляем себе развитие событий в Иерусалиме следующим обра
зом. Получив декрет, Петр занял сперва отрицательную позицию. Об этом
стало известно императору. Он пригрозил патриарху лишением сана и вы-
звал его в Константинополь для разъяснений.[119] Боясь лишиться патриар
шего престола, Петр подговорил монахов представить ему пасквиль в
защиту Феодора Мопсуэстийского. Таким образом, свидетельство Кирилла
Скифопольского верно. Так Петр оправдал свою позицию в отношении дек-
рета в глазах императора. Он изобразил свои действия как вызванные да
влением со стороны монахов. В подтверждение этого он представил импера-
тору документ, который на самом деле он сам подговорил составить
монахов. Вскоре после этого патриарх принял и подписал декрет.

Слухи о насилии, учиненном монахами над патриархом, быстро
разошлись по Константинополю. Поэтому Факунд лишь излагает то, что
он слышал, и следовательно, его свидетельство неточно.[120] Когда в
552г. патриарх Петр умер , его престол был занят настоятелем Новой
Лавры оригенистом Макарием. Однако из-за сильного сопротивления мона-
хов- антиоригенистов он через два месяца был заменен Евстатием, пресви-
тером антиохийской Церкви. Оба признали декрет против "Трех глав."
Представители Евстатия участвовали в Пятом Вселенском Соборе. [121]

3/ Реакция на Западе.

Как мы видели, декрет против "Трех глав" встретил на Востоке сопротивление, вызванное прежде всего боязнью принижения авторитета Четвертого Вселенского Собора. В результате вмешательства Юстиниана декрет был признан патриархами Константинополя, Александрии, Антиохии и Иерусалима. Решение патриархов подписать декрет могло быть обусловлено также осознанием или того, что он ни в коей мере не умаляет значения Четвертого Вселенского Собора.[122]

В отличие от позиции Востока, позиция Запада с самого начала была край не отрицательной. Первой реакцией Запада был отказ папского представителя в Константинополе Стефана подписать декрет. Он даже прервал церковное общение с патриархом Миной.[123] Так же повели себя и находившиеся в Константинополе западные епископы, среди которых был выдающийся митрополит Дации.[124] Однако неожиданно самое сильное сопротивление декрет встретил в Северной Африке. Если бы не сопротивление африканской Церкви, конфликт вокруг "Трех глав", возможно, не получил бы такого мощного резонанса в империи и не сыграл столь выдающейся роли в истории Церкви.[125] Хотя при принятии декрета о теопасхической полемике/532/ и декрета против Оригена /543/ североафрикиская Церковь не оказала никакого сопротивления, теперь ее лидеры заявили о своих уже известных и признанных церковных принципах и потребовали их применения при решении религиозных проблем. В письмах архидьякона Карфагена Ферранда к дьяконам Рима Пелагию и Анатолию императорский декрет был отвергнут. В этих письмах было выражено общее мнение североафриканской Церкви.[126]

Согласно Ферранду, ответственность за составление и провозглашение истинных утверждений и за отвержение ложных лежит целиком и исключительно на корпусе епископов, мнение которых может быть выражено только на Соборе.:

" Никто не может, заручившись множеством подписей, придать

собственной книге авторитет, признаваемый католической Церковью только за каноническими книгами. Для спокойствия Церквей было бы полезно, если бы никто не предписывал Церкви, что она должна делать, но всякий придерживался бы того, чему учит Церковь."[127]

Конечно, если императору угодно, он может высказывать собственные суждения, однако он не имеет права навязывать свои взгляды другим. Ферранд считает, что декрет должен быть признан недействительным, ибо только таким образом императору удастся избежать умаления божественного вдохновения Халкидонского Собора.[129] С другой стороны, аннулирование декрета предотвратит волнения в церкви, которые бы вызвало проклятие мертвых.[130] Последний аргумент, относительно проклятия мертвых, был главной причиной, по которой декрет был отклонен епископом Понтианом провинции Византены в Северной Африке. В письме к Юстиниану епископ Понтиан подчеркивал: " Мы можем осудить утверждения, но мы не можем гневно проклять авторов этих утверждений, когда они уже умерли."[131]

Эти аргументы североафриканского духовенства впоследствии использовались всеми, кто отвергал декрет и сопротивлялся религиозной политике Юстиниана. Император понимал, что для того, чтобы стать общеобязательным законом, декрет должен быть признан всеми пятью патриархами. Поэтому он и послал им его для подписания и утверждения.

В то время, когда был опубликован императорский декрет, политическая ситуация в Риме стала критической. Армии готов, предводительствуемые Тотилой, осадили Рим.[132]

Как уже отмечалось, папа Вигилий занял престол при помощи Юстиниана и Феодоры, свергнув Сильверия, избранного королем готов Феодатом.[13] Боясь с захватом Рима лишиться престола и жизни, Вигилий оставил осажденный город и бежал в Сицилию. Управление римской Церковью он поручил своим доверенным лицам - дьяконам Пелагию и Анатолию. Находясь в Сицилии, он пытался помочь осажденному городу, однако безуспешно: корабли,

которые он посылал, перехватывались готами.[134] Он заботился о нуждах Церкви, назначая пресвитеров и дьяконов для итальянских церквей.[135] В Сицилии он принял представителей церквей Италии, Сардинии, Африки и Константинополя. От них он узнал о декрете Юстиниана против "Трех глав".[136] Если это то свидетельство Факунда точно, следует считать, что декрет достиг Рима, когда папа уже был в Сицилии. Поэтому он не мог узнать о нем раньше.[137]

Сложная ситуация в Италии и приглашение императора побудили папу отправиться в столицу. Конечно, решение о поездке в Константинополь было принято Вигилием без всякого давления со стороны.[138] По пути в столицу папа посетил Патру, где рукоположил в сан митрополита Равенны Максимиана, известного по его знаменитому креслу и мозаичному изображению в церкви Сан-Витале.[139] Отправившись далее через Фессалоники, он прибыл в Константинополь в январе 547г. Там он был встречен самим Юстинианом с великими почестями и великолепием. Как сообщает биограф Вигилия,[140] при подъезде его к св. Софии люди скандировали: " *Ecce advenit dominator dominus*".

Узнав от своего представителя Стефана и западных епископов, находившихся в Константинополе, о происходивших там событиях, Вигилий сперва согласился с их мнением и прервал на четыре месяца церковное общение с патриархом Миной и другими епископами, подписавшими декрет императора.[141] В ответ патриарх Мина поступил точно также, со своей стороны прервав общение с Вигилием на четыре месяца. Перед нами, таким образом, первый раскол между Римом и Константинополем, вызванный борьбой вокруг "Трех глав".[142]

Борьба, начатая Вигилием, была непростой. Она требовала от человека сильного характера и ярко выраженного собственного кредо. Ни того, ни другого у Вигилия явно не было. Поэтому часто начатые им дела не увенчивались успехом. Еще находясь в Сицилии, он послал делегацию в

Константинополь , чтобы оповестить императора о сопротивлении, которое декрет вызвал на Западе. Вигилий требовал также отмены декрета.[143] Юстиниан отвечал папе, что церковный мир может быть достигнут лишь путем подписания декрета всеми епископами,[144] а не путем аннулирования уже поставленных подписей. На эти рассуждения императора Вигилий ответил суровым письмом к патриарху Анне, в котором отмечал, что важно сохранить истинную веру, а не капитулировать перед ересью.[145] Он также дал ясно понять, что согласен со своим представителем в Константинополе Стефаном и с миланским епископом Дацием в их отношении к декрету и разрыве церковного общения с Константинополем. Поэтому позиция Вигилия стала известна в Константинополе еще до прибытия его в столицу. Однако через некоторое время эта позиция изменилась. Что было причиной этого изменения, точно не известно.[146] Очевидно, император и его богословы просветили папу относительно "Трех глав". Поэтому он изменил свое первоначальное мнение и принял декрет.[147] Соглашением между императором и папой было решено пригласить всех неподписавших и сопротивляющихся епископов под председательством Вигилия обсудить предмет в деталях и решить, какую позицию должен занять Вигилий относительно всей проблемы. Однако этот собор, созванный в Константинополе, был распущен через три дня председательствовавшим Вигилием в виду полного отсутствия оснований для какого бы то ни было соглашения.[148] Североафриканский епископ Факунд ни на каких условиях не желал признать декрет против "Трех глав". Он настойчиво утверждал, что декрет принижает авторитет Четвертого Вселенского Собора. Тогда папа решил действовать иначе. Он попросил епископов письменно высказаться по данному вопросу. В результате большинство епископов признало декрет. За время , отпущенное для написания ответа, епископ Факунд составил и написал декларацию, которая впоследствии была им дополнена и издана под названием : Pro defensione trium capitulorum concilii Chalcedonensis ad Justinianum Imperatorem ". Это значительное богословское сочинение, не только потому, что оно приоткрывает завесу над событиями, происходившими вокруг декрета о "Трех главах", но и потому, что его автор обнаруживает широкое

знание церковной литературы как Запада, так и Востока.[149] Оно стало важным источником аргументов для противников декрета и церковной политики императора.

Хотя некоторые западные епископы, и среди них Факунд, и отвергал декрет, папа 12 апреля 548г. опубликовал и послал константинопольско му патриарху Мине *Udicatum* , в котором он проклинал "Три главы". С другой стороны, в этом папском декрете отмечается, что проклятие "Трех глав" не означает принижения авторитета Четвертого Вселенского Собора, чьи решения по-прежнему остаются основой православной веры.[15

После приз ания декрета папой Вигилием император решил, что про клятие "Трех глав" удалось и что остальные епископы последуют примеру папы. С другой стороны, папа рассчитывал что издание *Udicatum* повы сит его авторитет в западной Церкви. Однако ожидания императора и па не оправдались. *Udicatum* вызвал на западе возмущение не только пр тив папы, но и против императора. В Северной Африке состоялся собор п председательством Факунда, принявший решение прервать общение с Вигил ем.[151] Решения собора, содержащие отказ от принятия декрета, были пос ны императору.[152] Африканские монахи, особенно монахи монастыря Гилли под предводительством их настоятеля Феликса организовали шумные демон страции против папы. В результате папа предал Феликса анафеме.[153] Из верхен из сана был племянник папы дьякон Рустик, активно участвовав ший в сопротивлении папскому *Udicatum* .[154]

В то же самое время сопротивление возникло и среди монахов Иллирика, которые, созвав собор, прокляли на нем архиепископа Юстини аны Примы Бенената, принявшего декрет против "трех глав".[155]

В Галле и Скифии *Udicatum* также вызвал возмущение епископов, которые потребовали от папы объяснений.[156]

Немедленное и всеобщее возмущение, которое вызвал на Западе папский *Udicatum* , подтверждает приведенное выше мнение Ферранда,

ПРОДОЛЖЕНИЕ СМ. ЧЕРЕЗ ДВЕ СТР. →

кида Кесарийский и другие западные и восточные епископы и государственные чиновники.[159] На съезде было принято решение официально отменить папский *Udicatum*, вызвавший столь большое негодование на Западе. Было решено также созвать большой Собор, на который должны были быть приглашены среди прочих также епископы тех районов, которые оказывали сопротивление декрету.[160] Решено было также до созыва большого Собора ничего не писать ни за, ни против декрета. Последнее решение было принято Юстинианом, хотя оно и шло в разрез с его религиозной политикой и личным кредо. Император был твердо убежден в еретичности "Трех глав", поэтому он чувствовал, что должен настойчиво добиваться их церковного проклятия.

Обсуждение на съезде заставило Юстиниана занять нейтральную позицию в период, предшествовавший созыву Собора. В этот период нейтралитета император был озабочен тем, чтобы придать ходу событий новое направление. Ему удалось получить от папы Вигилия секретное клятвенное подтверждение того, что он и впредь будет поддерживать политику императора, направленную против "Трех глав".[162] Хотя папа и император и пообещали сохранить нейтралитет в период подготовки Собора, они не сдержали своих обещаний. Вигилий вел закулисную борьбу, стремясь восстановить свой авторитет в Западной Церкви.[163] Он предпочел окружить себя прежними врагами и открыто противостоять императору, чем поставить под угрозу свое положение на Западе. С другой стороны, небездействовал и Юстиниан. Он старался использовать время для укрепления собственной позиции. П[illegible]

ществляли руководство государственной деятельностью.[35] Они также должны были следить за проведением в жизнь закона о спекуляции.[36]

Многочисленные почести и значительная власть, предоставленные епископам законами Юстиниана, показывают, сколь сильна была его забота о том, чтобы на этот пост избирались наиболее достойные граждане. Как преданный Церкви христианин, Юстиниан глубоко уважал епископов, которым надлежало утвердить христианство во всей ег огромной империи и таким образом осуществить его искреннее желание.

Б. Система церковного управления.

Как независимый и самодостаточный организм, Церковь обладала независимой и самодостаточной системой управления. Согласно давней церковной традиции, эта система была соборной. Собор нес ответствен ность за все церковные дела и особенно за выражение и определение веры Церкви. Конечно, отношения между Церковью и государством были таковы, что императоры обладали определенными прерогативами в отнош нии внешних обстоятельств проведения Соборов. Они созывали Соборы, поддерживали порядок на их заседаниях и утверждали их решения. Но они не имели права вмешиваться во внутренние дела Соборов и определять веру Церкви. Иными словами, императоры не могли использовать Соборы как орудие исполнения собственной воли. Наоборот, они были призваны помогать Соборам формулировать веру Церкви, а также принимать и утверждать их решения.

Как богослов, Юстиниан был хорошо знаком с этой системой церков ного управления. Своим законодательством он желал развить и узакони ее. Из законов Юстиниана мы узнаем, что он разделял церковные Собс на две категории: *поместные Соборы* и Вселенские Соборы.

I/ Поместные Соборы.

Возникновение Поместных Соборов может быть в значительной степен связано с разделением Римской империи на провинции. Церковные общин

вместе с их епископами, находившиеся в одной провинции, составляли церковную провинцию. Хотя теоретически все епископы были равны, они различались по своим обязанностям. Епископ столицы провинции, носивший титул митрополита, экзарха, архиепископа или патриарха, был своего рода главой церковной провинции. С годами он приобретал определенные права в отношении других епископов. Юстиниан принял это церковное деление и законодательно установил старшинство епископов, митрополитов, экзархов, архиепископов и патриархов различных провинций империи. Кроме того он законодательно учредил новую церковную провинцию, так называемую "Юстиниана Прима" с центром в месте его рождения,[38] возведя ее епископа в ранг митрополита или архиепископа и отдав под его юрисдикцию некоторые другие небольшие провинции.[39]

Для решения разнообразных проблем провинций Юстиниан приказал главам церковных диоцезов созывать Поместный Собор один или два раза в году.[40] Таково было, по Юстиниану, указание самих апостолов,[41] способствующее сохранению церковных порядков и священных канонов Церкви.[42] На патриарших или митрополичьих Соборах должны были присутствовать все епископы, находившиеся под юрисдикцией патриарха или митрополита и особенно епископы, не имеющие право рукополагать других епископов. Тематика этих Соборов была связана прежде всего с внутренней жизнью поместных Церквей. Юстиниан относил сюда проблемы веры, церковного административного порядка, дисциплины епископов, пресвитеров, дьяконов и монахов и моральные проблемы. Рассмотрение этих проблем Соборами и их решения должны были соответствовать церковным канонам и законам государства.[44] Хотя Юстиниан и приказал, чтобы Собор созывался один или два раза в году, ничто не мешало епископам собираться чаще, особенно если возникали проблемы, требовавшие немедленного разрешения.[45] Если Поместный Собор должен был изучить обвинение выдвинутое против духовного лица и затем вынести оправдательное или обвинительное решение, при этом должны были быть соблюдены

следующие условия. Если обвиняемый был пресвитером, дьяконом, настоятелем, монахом или занимал какую-либо низшую церковную должность, ответственность нес местный епископ. Если обвинялся епископ, то ответственность лежала на митрополите провинции. Если, наконец, обвинялся митрополит, ответственность лежала на патриархе.[46] Юстиниан считал, что эти правила будут способствовать укреплению веры и морали верующих.[47] Если в ходе обсуждения возникали противоречивые мнения, митрополит с двумя епископами должен был принять решение. Если решение митрополита не устраивало обе партии, принять решение должен был патриарх. Его решение должно было соответствовать церковным канонам и законам Государства и не могло быть оспорено.[48] Из сказанного ясно, что Юстиниан с уважением относился к сложившейся до него системе церковного управления и предоставил церкви каждой провинции право самоуправления. Его законодательство было направлено к одной цели - моральному и духовному совершенствованию народа.

2/ Вселенские Соборы.

Юстиниан не издавал специальных законов по поводу Вселенских Соборов. Однако в его сочинениях мы находим много замечаний, позволяющих судить о том, что он думал на этот счет. Так, в письме императора Пятому Вселенскому Собору о "Трех главах" говорится:

"Всегда, когда возникала ересь, наши предки - православные императоры противостояли ей, созывая на Собор усерднейших священников и сохраняя таким образом мир в святой Божьей Церкви проповедью истинной веры."[49]

После этого он упоминает четыре Вселенских Собора, на которых Святые Отцы прокляли заблуждения еретиков. Он подчеркивает, что все эти Соборы были созваны императорами.[50] В законе Кодекса I.I.7. от 26 марта 533г.[51] Юстиниан говорит, что его вера находится в согласии с верой всего священства "Святой Вселенской /katholike/ и Апостольской Церкви."[52] Проклиная еретиков, он и те, кто подписал проклятие

просто исполнили завещанное четырьмя Вселенскими Соборами.[53] В письм против Феодора Мопсуестийского Юстиниан подчеркивает, что, хотя хотя сам он и был уверен в еретичности "Трех глав", он не стал посту пать по своему усмотрению, но спросил мнения священства вселенской Церкви. Полученный от них ответ состоял в том, что учение "Трех глав противно вере и потому проклинается святыми отцами.[54] Сходные рассуж дения можно найти и в других произведениях Юстиниана. [55]

Из этих нескольких свидетельств можно заключить следующее: I. Все Вселенские Соборы созывались императором; 2.Их участники представлял священство Церкви; 3/ на них обсуждались вопросы догматического характера; 4. Вселенских Соборов было всего четыре /Никея 325, Константинополь 38I, Эфес 43I, Халкидон 45I /

Согласно Юстиниану, никто не может даже незначительно отклоняться от решений Вселенских Соборов, ибо, с одной стороны, он таким образо облегчит распространение в Церкви учения еретиков,[56] а с другой стороны, сам автоматически отпадет от истинной веры и станет еретиком.[57] Император заявлял, что сам он остается преданным и могущественным защитником решений четырех Вселенских Соборов. и проклинает все учения, проклятые ими. [58] Как мы видели выше,[59] в Новелле CXXXI, изданной в 545г., Юстиниан объявил, что считает решения Вселенских Соборов столь же святыми, как Священное Писание, и приравнивает их каноны к законам государства.[60] Еще раньше, законом Кодекса I.3.44 от I8 октября 530 г. он придал абсолютную силу канонам Соборов, возведя их в ранг государственных законов.[61] Поэтому все, что запре-[62] щалось священными канонами, запрещалось и государственными законами. Поэтому всегда, когда собор епископов принимал решение, его решение обладало абсолютной силой и должно было быть принято всеми. Объявляя решения Собора 536г., на котором были извержены из сана константинопольский патриарх монофизит Анфим и его сторонники, Юстиниан провозглашал:

" Не превышая традиционных прав царской власти, мы издаем настоящий закон. Всегда, когда приговор священников смещал с престолов недостойных, таких как Несторий, Евтихий, Арий, Македоний, Евномий и других, не менее виновных, царская власть всегда поддерживала решения и авторитет священников, дабы человеческое и божественное действовали согласованно при объявлении правых решений."[63]

Из сказанного выше очевидно, что Юстиниан сохранял за собою право созывать Вселенские Соборы и утверждать их решения. Тот факт, что он, как мы видели, не издал никакого декрета, утверждающего решения Пятого Вселенского Собора, был вызван, возможно, его желанием подчеркнуть независимость Собора и не спровоцировать реакции оппозиции.[64] Юстиниан утверждал, что император должен подчиняться решениям Собора, а не Собор решениям императора. Соответственно, на Собор выражалась и формулировалась воля Церкви, но не воля государства. Решения Соборов должны были стать канонами веры для всех верующих.

3/ Положение пяти патриархов в церковной организации.

Хотя император и признавал за Вселенскими Соборами полноту церковной власти, он в практических целях все же основывал свою церковную политику на власти пяти патриархов.[65] Его декреты о теопасхической полемике /533/, против оригенизма /543/ и против "Трех глав" были посланы пяти патриархам с указаниями созвать подчиненных им епископов, чтобы они выразили свое мнение по поводу названных декретов. В соответствии со сложившейся традицией Юстиниан различал пятерых патриархов по старшинству. Первым из них был епископ старой столицы - Рима.[66] В своем сочинении против монофизитов Юстиниан говорит о постоянной приверженности епископов Рима православной вере Церкви. "Епископы Старого Рима во всем следовали апостольскому

учению, никогда не разделялись между собой и до нынешнего дня сохранили истинную и правую веру."[67] Поэтому Юстиниан хотел, чтобы Рим был главным центром христианства.[68] Император уважал римского епископа и оказывал ему всевозможные почести.[69] Единство Церкви требовало единства с Церковью этого центра христианства.[70] В этом отношении мы не разделяем мнения Ф.Дворника,[71] полагающего, что Юстиниан признавал первенство римского епископа во всей Церкви и что папе он отводил руководящую роль в решении всех догматических проблем. В отличие от Ф.Дворника мы считаем, что об отношении Юстиниана к папе красноречиво свидетельствует его позиция по отношению к Вигилию в период конфликта вокруг "Трех глав". Юстиниан и отцы Пятого Вселенского Собора не только не предоставили папе права окончательного решения, но сами приняли решение в отсутствие папы и затем отлучили его. Что́ касается благосклонности Юстиниана к папе, то это было лишь проявление этикета, поскольку в действительности власть папы распространялась лишь на западные провинции. Как мы видели, Юстиниан даже вывел из-под юрисдикции папы некоторые провинции и создал независимую архиепископию /Юстиниана Прима/[72] К тому же те же слова учтивости он использовал и в отношении константинопольского патриарха. Для Юстиниана римская Церковь была лишь западным патриархатом, а ее епископ – просто одним из пяти патриархов.

Во второй главе Новеллы CXXXI о патриархе Нового Рима мы читаем следующее:

"В соответствии с определениями четырех Соборов мы объявляем, что святейший папа старого престола Рима является первым среди всех священников, а благословеннейший архиепископ Константинополя – Нового Рима – вторым после святейшего апостольского престола Старого Рима, хотя и председательствует над всеми священниками."[73]

Согласно этому закону, второе почетное положение в Церкви зан

мал епископ Константинополя. Положение и власть константинопольского епископа в Церкви со временем становились все значительнее, в то время как роль римского епископа уменьшалась. Возможно, чтобы избежать антагонизма между епископами Старого и Нового Рима, Юстиниан издал пространный указ, определявший для каждого из них свое положение в Церкви и государстве. Это положение уже было определено 28 каноном Четвертого Вселенского Собора.[74] Юстиниан обращается к епископу Константинополя "блаженнейший архиепископ Константинополя и патриарх"[75], "блаженнейший архиепископ Константинополя -Нового Рима"[76] "святейший и блаженнейший архиепископ царского города и вселенский патриарх"[77]. Эти титулы не лишены значения. Своим законодательством Юстиниан наделял епископа новой столицы огромной властью. Так, как мы уже говорили, ни один из епископов не мог приехать в Константинополь и встретиться с императором без ведома константинопольского патриарха.[78] По сути дела, константинопольский патриарх был вторым могущественнейшим лицом в империи.

Юстиниан не издавал специальных указов , определяющих положение трех других патриархов – Александрии, Антиохии и Иерусалима. Тот факт, что он посылал им декреты для ратификации их епископами, показывает, что он с уважением относился к их традиционному положению. По некоторым замечаниям, содержащимся в его сочинениях и законах, можно предположить, что порядок следования патриархов по распределению почестей был таков: третьим после патриархов Старого и Нового Рима был патриарх Александрии, четвертым – патриарх Антиохии и пятым – иерусалимский патриарх. К этим трем патриархам Юстиниан обращал те же слова почтения, что и к епископам Старого и Нового Рима. Он называл их "блаженнейшие архиепископы и патриархи".[79]

Подробно остановившись на положении высшего разряда духовенства в системе церковного управления, рассмотрим теперь кратко законодательство Юстиниана касательно пресвитеров и дьяконов.

В. Пресвитеры и дьяконы.

Большая часть сказанного о выборах и рукоположении епископов относится, с небольшими отличиями, к пресвитерам и дьяконам. Для них как и для епископов, обязательным было следование священным канонам. Избираться пресвитерами и дьяконами могли только люди образованные, с лучшей репутацией.[80] Они не должны были происходить из политических или военных кругов, должны были вести благочестивую жизнь и верить в православное учение Церкви.[82] Как и при выборе епископов, при выборах пресвитеров и дьяконов недопустимо было взяточничество.[83] В противном случае высокая миссия священника могла бы стать предметом коммерции и профессией. Избранные таким образом, священники были бы недостойны их высокого положения.[84] Кандидаты в пресвитеры и дьяконы не должны были быть моложе соответственно 31 и 25 лет.[86] Так же как и епископы, пресвитеры и дьяконы после рукоположения становились свободными, если до этого они были рабами. Если по какой-то причине они лишались сана, они возвращались к прежнему состоянию.[87] Однажды приобщенный к духовенству, человек уже не мог самовольно оставить свою должность и заняться каким-либо делом.[88] Если против кандидатов в дьяконы или в пресвитеры появлялось какое-либо обвинение, должны были быть соблюдены те же правила, которые выше были рассмотрены применительно к кандидатам в епископы.[88] Жизнь священника всегда должна была служить достойным примером для жизни мирянина. Поэтому им запрещалось играть в азартные игры, присутствовать на ипподроме смотреть непристойные театральные представления и т.д.[89] Вышесказанного, думается, достаточно, чтобы составить представление об отношении Юстиниана к духовенству.

Г. Монахи и монашеские институты.

Юстиниан проявлял большую заботу о монашеской жизни своего времени. В период его правления и без того большое количество монастырей еще более увеличилось. К 536г. только в Константинополе и его

окрестностях было 67 мужских монастырей.[91] Количество монахов было особенно велико в Сирии, Иерусалиме и Египте. Своей аскетической жиз монахи оказывали влияние не только на жизнь простого народа, но и на жизнь аристократического общества. Довольно часто экстремизм монашес ких идеалов становился причиной раздоров в Церкви и государстве. Че вертый Вселенский Собор канонами 4 и 8 пытался ограничить этот экстр мизм, поставив монастыри под управление епископов. Новый монастырь мог быть основан только с разрешения епископа.[92] Однако монастыри бы не только центром ссор и бед, испытываемых Церковью и государством. Они были также центрами учености, внешних и внутренних миссий, а так же местами оказания помощи нуждающимся. Редкий монастырь не имел при себе какого-либо филантропического учреждения: дома для бедных или для путешественников, больницы или сиротского дома. Личные труды мон хов и многочисленные дары граждан - от самых бедных до богатейших - приводили к росту благосостояния монастырей. Нередко монастырская со ственность становилась предметом злоупотреблений, и дело доходило даже для того, что некоторые люди становились монахами для того только, чтобы с большей легкостью совершать эти злоупотребления.

Свою заботу о монашестве Юстиниан проявил в Новеллах У /543/[93], IXXIX[94], CXXXIII /539/[95] и CXXIII /546/[96]. Из этих законов мы можем составить представление о том, что думал император о монашестве, его роли в Церкви и государстве, а также обнаружить мотивы, побудившие его издать эти законы.

Согласно законодательству Юстиниана, основание нового монастыря должно быть предварительно одобрено епископом. Епископ должен присутствовать при основании монастыря и прочитать специальную молитву при заложении креста в его основание.[97] Глава монастыря носит звание настоятеля /hegoumenos/ или архимандрита. В главе 9 Новеллы У Юстиниан указывает, чтобы выборы и назначение настоятеля производились местным епископом. При этом надлежит учитывать прежде всего личные достоинства человека и его способности, а не количество проведенных им в монашестве лет.[97]

Кажется, однако, что это указание вызывало недовольство монахов, поскольку вмешательство епископов во внутренние дела монашеского сообщества немогло способствовать и духовному возвышению. Епископ мог назначить настоятелем человека, не пользовавшегося уважением среди монахов. Поэтому в главе 33 Новеллы CXXIII объявлялось, что выборы настоятеля осуществляются исключительно монахами монастыря, а утверждаются местным епископом. При этом монахи обязывались выбирать настоятеля не по личной дружбе, но за правую веру, благочестие и административные способности. Избранный таким образом игумен устраивал как каждого отдельного монаха, так и все сообщество в целом.[99] Настоятель отвечал за духовный прогресс, порядок и дисциплину монахов монастыря.[100] Монахи не имели права ничего делать без разрешения настоятеля.[111]

Вступлению человека в монашескую жизнь должна была предшествовать следующая процедура. Настоятель в течение трех лет должен был содержать кандидата в монастыре, чтобы определить , годится ли он для монашеской жизни. Если за это время кандидат проявил себя послушным, исполнительным и дисциплинированным, он мог стать монахом[10] Если кандидат был лично знаком настоятелю, тот мог сократить испытательный срок.[103] В противном случае срок должен был быть строго соблюден.[104] Человека, ставшего монахом, никто не имел права беспокоить.[105] Если он по какой-либо причине оставлял монастырь, он должен был вернуться к прежнему состоянию.[106] Довольно часто с уходом одного из членов семьи в монастырь заинтересованные родственники могли растратить часть или всю его долю наследства. Поэтому Юстиниан указывал:

"Мы не разрешаем родителям лишать наследства своих детей, а детям - родителей, и в неблагодарности лишать их доли в своем имении, если кто-то из них оставляет мирскую жизнь для жизни монашеской."[107]

Кроме того, родители не могли силой заставить своих детей покинуть монастырь.[108] Обручение и брак могли быть расторгнуты, если один из супругов вступал в монастырь. Они были свободны распорядиться своим имуществом в пределах, предусмотренных государственными законами.[109] Если монах обладал собственностью до вступления в монастырь или получал ее уже находясь в монастыре, эта собственность оставалась за монастырем.[110] Вступив в монастырь и став его монахом, человек не имел права покинуть свой монастырь и перейти в другой. Смена монастырей была плохим примером монашеской дисциплины и твердости и"доброты права". Она рассматривалась как проявление духовной слабости. Настоятели и епископы не должны были допускать таких переходов.[111] Монахи должны были постоянно жить в монастыре. Путешествия в провинции и города были им запрещены.[112] Если монастырю приходилось вести какие-то дела, он должен был делать это через своих представителей.[113]

Юстиниан считал, что все монастыри должны быть или мужскими, или женскими. Совместная жизнь монахов и монахинь не только запрещалась, но и даже простые визиты одних к другим не служили укреплению монашеской репутации. Сожительства и свидания нередко становились причиной скандалов, принижавших идеал монашеской жизни в глазах мирян.[115] Женские монастыри могли иметь при себе двух или трех пресвитеров, для выполнения необходимых обязанностей: литургий, погребений и ведения некоторых других дел с разрешения местного епископа. Ни при каких обстоятельствах эти пресвитеры не могли жить в монастыре.[116] Если монастырь был окружен стенами, их вход и выход из него контролировался привратниками.[117] Привратниками назначались монахи безупречного поведения, так что обо всех подозрительных делах немедленно должно было стать известно настоятелю.[118] Управление монастырским хозяйством было делом настоятеля монастыря или назначаемого с этой целью монаха , эконома. Когда в монастыре предстояла покупка

или продажа земли или зданий, требовалось не только согласие монахов, но и одобрение епископа.[119] Таким образом предотвращалась возможность злоупотребления монастырской собственностью.

Юстиниан рассматривал монашество как весьма важный христианский идеал. "Монашеская жизнь,- писал он - столь почетна и делает вступившего в нее столь угодным Богу, что может освободить его от человеческих слабостей, от покорности естественным нуждам, обогатить его знания, очистить и возвысить его помыслы."[120] В другом месте он подчеркивает:

"Уединенная жизнь и размышления суть священные занятия, возводящие разум к Богу, и приносят огромную пользу не только тем, кто сам ведет такую жизнь, но и всем остальным, благодаря своей чистоте и молитвам, которые эти люди обращают к Богу."[121]

Всякий желавший стать монахом, чтобы достичь внутреннего преображения и освободиться от страстей, должен был подчиняться монашеским канонам и жить действительно монашеской жизнью. В монастыре монахи стремились усовершенствоваться, участвуя во всех службах, изучая Священное Писание - всегда в присутствии настоятеля или монахов, известных своими добродетелями:

"Если в монастыре нет церкви, то, поскольку монахам не достоит совершать прогулок и общаться с другими людьми, мы приказываем, чтобы они присутствовали в церкви только во время службы, в сопровождении настоятеля, дьякона и старших монахов, и чтобы после окончания службы они возвращались в монастырь и оставались там, славя Всемогущего Бога и посвящая себя изучению Библии. Поэтому в монастырях всегда должно быть достаточное количество этих книг, чтобы каждый мог очистить свою душу и омыть ее водой Священного Писания, ибо частое и внимательное его изучение освобождает от искушения, обмана и всех человеческих забот."[122]

Обязанности настоятеля касательно служб, порядка и дисциплины могли выполняться четырьмя или пятью опытными и хорошо образованными монахами, которые являлись пресвитерами или дьяконами.[123] Другой обязанностью монахов был труд. Изучение Священного Писания и труд должны были всегда занимать их воображение, охраняя от всех опасностей, проистекающих от лени. Об этом император говорит следующее: "Монахи должны не только изучать Священное Писание, но также и укреплять себя телесно физическим трудом, таким образом, постоянно трудясь и размышляя, ибо ленивый ум не приносит ничего доброго."[124] Такие добродетельные результаты могла дать только система киновии (κοινοβιον), в которой монахи жили, ели и посещали церковь вместе. Таким образом, монахи, преуспевшие в добродетели, могли оказывать помощь более слабым. Юстиниан приказал поэтому, чтобы общежительная система была принята всеми монастырями.[125] Если количество монахов монастыря было велико, а количество общих спален недостаточно, надлежало построить новые спальни.[126] Конечно, опытные, известные своими добродетелями монахи могли с одобрения настоятеля жить в отдельных кельях.[127] Это уединение должно было рассматриваться как награда за достигнутые ими добродетели.[128] Они должны были служить примером для более молодых и менее опытных монахов.[129] В системе киновии вся собственность была общей.[130]

Поскольку монахи должны были всегда жить в монастыре, проводя время в чтении, труде и молитве, они не могли быть ничьими опекунами и попечителями.[131] Им запрещалось посещать театр, участвовать и наблюдать за азартными играми.[132] Конечно, монах мог стать дьяконом, священником или епископом и оставить свой монастырь, но, живя в обществе, он должен был строго следовать правилам своей прежней монашеской жизни.[133]

Никто не безгрешен в этом мире. Совершали грехи и монахи. Раз согрешив, монах должен был прилагать усилия к тому, чтобы грех не повторился.[134] Если же и после того, как были приняты меры, монах

продолжал нарушать каноны монашеской жизни, он мог быть изгнан из монастыря. Однако это было лишь самое крайнее средство.[135] Обвиняемые монах или монахиня подлежали не государственному суду, а суду местного епископа.[136] Мирянам было запрещено вмешиваться в дела монашеской общины. Закон требовал от них абсолютного уважения и преклонения перед монашеским порядком. Нарушители наказывались штрафами и ссылкой.[137] Закон требовал смертной казни для всякого, пытавшегося похитить или изнасиловать монахиню, дьякониссу или любую женщину, благочестиво живущую в миру или в монастыре.[138] Собственность обвиненного в таком преступлении конфисковывалась и передавалась "филантропическим институтам по месту жительства жертвы."[13

Из сказанного выше о монашестве очевидно, что своим законодательством Юстиниан стремился как-то упорядочить монашескую жизнь, ставшую в период его правления источников ссор и беспорядков в церкви и государстве. Он стремился нанести суровый удар по тем, кто злоупотреблял монашеской собственностью или носил монашеские одежды, используя уважение и почтение к ним в своих корыстных целях. Более того, он стремился сделать монастыри местами поклонения и благотворительности, где бы души могли обрести убежище, уединение и покой. Превращение монастырей в центры изучения Священного Писания и практического осуществления христианской любви несомненно должно было принести пользу как Церкви, так и государству. Юстиниан верил, что благодать и благословение Божие сойдут на народ, государство и все его начинания, если монахи будут вести благочестивую жизнь, постоянно молясь Богу:

" Однако, если эти святые люди с чистыми руками и душами, свободными от порока, будут молить Бога о благосостоянии государства, нет сомнения в том, что наши армии будут одерживать победы, а города - хорошо управляться. Ибо, если Господь будет ублажен и расположен к нам, то почему бы нам не насладиться

всеобщим миром и преданностью наших подданных? Земля дарует нам свои плоды, море - свое богатство, а молитвы нашего народа должны низвести благословение Божие на всю империю."[140]

Придерживаясь таких убеждений относительно монашеских идеалов, Юстиниан построил или обновил многочисленные монастыри в различных местах империи: в Армении,[141] Малой Азии,[142] Палестине,[143] Финикии,[144] на Синае,[145] в Константинополе.[146] Примером его почтительного отношения к монашеству может служить радушный прием, оказанный им в Константинополе знаменитому св.Савве.[147]

Из сказанного выше ясно, что Юстиниан активно вмешивался в дела монашеских общин и всеми возможными способами стремился оказывать им помощь и поддержку. Причина этого заключалась в его религиозных убеждениях, в его вере в высокий идеал монашеской жизни. Своими законами он пытался исправить пороки монашества, чтобы оно более полно могло осуществить свою святую миссию. Законы Юстиниана не только легли в основу жизни византийского монашества, но и сегодня составляют важнейшие принципы организации православной монашеской жизни.

2. Филантропическая деятельность.

Как мы уже говорили, император Юстиниан желал не только быть преданным христианином, но и подтвердить свою веру трудами. Его личное участие в обсуждении проблем догматического характера, издание декретов, сочинение богословских трактатов, созыв Соборов - все говорит об этом. Однако Юстиниану этого было мало. Он чувствовал, что догматических дискуссий и выражения православной веры в трактатах и декретах будет недостаточно, чтобы проявить себя истинным христианским царем. Теоретическое знание веры и ее защита - ничто в глазах

Бога без практического осуществления его заповедей. Его ортодоксальности нужно было проявиться в ортопраксии, то есть в трудах любви к ближнему. Как богослов, он знал слова Христа, обращенные к Его ученикам: "Новую заповедь даю вам: да любите друг друга...Потому все узнают, что вы - мои ученики, если будете иметь любовь между собою."[148] Эта христианская любовь должна распространяться на всех, даже на врагов.[149] Юстиниан хорошо знал, что при втором пришествии Христа христиане будут судимы не только за веру, но и за поступки в отношении своих ближних. Накормить голодного, дать напиться жаждущему, одеть нагого , оказать гостеприимство путешественнику, посетить больного и заключенного - все эти действия Христос рассматривал как необходимые условия спасения каждого отдельного человека.[150] Сколь же более обязан был поступать таким образом христианский император со всеми средствами своего положения! Юстиниан уделял большое внимание осуществлению на практике христианской заповеди любви. Он помогал бедным, сиротам, жертвам стихийных бедствий, больным, пленникам и вообще всем действительно нуждающимся. Он делал это, насколько позволяли финансовые рессурсы государства. В подтверждение вышесказанного приведем некоторые свидетельства из современных и некоторых позднейших источников. Мы укажем некоторые из декретов Юстиниана, регулировавших филантропическую деятельность государства , церкви и отдельных граждан. Хотя эти свидетельства и не могут дать полной картины филантропической деятельности Юстиниана, они позволят составить о ней общее представление.

Согласно изданному Юстинианом закону, бедным считался человек с годовым доходом менее 50 номисм.[151] Закон предусматривал бесплатное питание для бедных и нетрудоспособных.[152] Однако закон был строг к тем, кто занимался бродяжничеством, и особенно к тем, кто, будучи в состоянии работать, оставлял провинции и отправлялся в большие города чтобы жить там на счет государственной казны.[153] Неоднократно, когда случались стихийные бедствия, особенно землетресения, Юстиниан исполь-

зовал деньги, предназначенные для императорских празднеств, для помощи жертвам катастроф.[154] Как сообщает Прокопий, император строил новые богадельни и обновлял уже существующие. Он построил новую богадельню в Бостре[155] и отремонтировал богадельни в городе Курике[156], богадельни св. Конона[157] и св. Романа в Апамии.[158] Он построил также "богадельню св. Михаила в Эмпории в портовом городе Перге в Памфилии."[159]

Путешествия во времена Юстиниана были сопряжены со значительными трудностями из-за слабого развития транспорта, опасности ограбления, природных условий и т.д. Для удобства путешествующих на пересечении основных дорог император строил странноприимные дома. Так, по свидетельству Прокопия, в Константинополе Юстиниан и Феодора "построили очень большой странноприимный дом, который должен быть служить временным жилищем для путешественников."[160] В Константинополе Юстиниан при помощи императрицы основал и два других странноприимных дома для бедных путешественников, названных "дом Исидора" и "дом Аркадия".[161] Он основал странноприимный дом в Ерихоне[102], построил гостиницы, общественные бани, церкви в Мосесе в Каппадокии, которую он возвел в ранг митрополии.[163] Большой странноприимный дом был построен им также в Антиохии.[164]

Многие богадельни и странноприимные дома одновременно использовались как больницы и дома престарелых, и наоборот. Как сообщает Прокопий, в Иерусалиме были построены два странноприимных дома. "В одном из них получают приют странники, тогда как другой предназначен для бедных людей, страдающих от болезней."[165] Возможно, второе здание было сооружено Юстинианом по совету св. Саввы, находившегося в это время в Константинополе.[166] Эта вторая гостиница-больница была предназначена прежде всего для заболевших паломников. Сначала она была рассчитана на сто коек, затем, с ростом числа больных, она была расширена и могла вместить уже двести человек. Юстиниан ежегодно отводил на нужды больницы 1850 солидов.[167] Рост числа странноприимных домов,

построенных и поддерживаемых государством, Церковью и гражданами, заставил Юстиниана включить их в систему своего законодательства.[168] Многие из них, получавшие большие доходы, обязаны были платить налоги.[169]

В правление Юстиниана население империи, особенно больших городов, страдало от многих болезней. Это заставляло применять строгие меры и осуществлять их по возможности быстро. Выше мы уже сказали о гостинице-больнице для паломников в Иерусалиме. В Константинополе в течение многих лет действовала гостиница-больница, названная по имени ее благочестивого основателя Самсона.[170] Она была полностью разрушена и сожжена во время восстания Ника в 532г. По свидетельству Прокопия, "император Юстиниан восстановил ее , создав здание, еще более благородное по красоте своих форм и большее по числу помещений."[172] В 563г. здание снова было разрушено, но, как свидетельствует Кедрин,[173] Юстиниан снова отстроил его. Большую заботу проявлял Юстиниан о жителях Антиохии, испытывавших наиболее сильные страдания от землетрясений, персидских вторжений и смертоносных болезней.[174] Как свидетельствует Иоанн Малала, Юстиниан вслед за своим предшественником Юстином продолжал проявлять большую заботу об антиохийцах. Он внес значительный вклад в благоустройство города, строя церкви, странноприимные дома, бани и [175] Антиохийская больница ежегодно получала от Юстиниана 4000 номисм.[176] Евагрий сообщает, что, когда в 544г. город пострадал от чумы,[177] Юстиниан построил новую больницу в пригороде Антиохии Дафни. Прокопий пишет, что больницы в Пафии и Вифинии, известные своими горячими источниками, были расширены и реконструированы.[178] Лепрозорий на берегу Черного моря, в районе Аргирония, едва не был закрыт, однако Юстиниан " с присущей ему энергией отстроил его практически заново"[179] Юстиниан правил государством, граждане которого гордились своими греко-римскими и иудейско-христианскими принципами. Классическая греческая цивилизация,[180] Ветхий Завет,[181] также, как и христианская церковь особое внимание и уважение оказывали пожилым людям. Естественно предполо-

что соответствующие заведения также были построены императором, поскол ку историки, часто указывая, что Юстиниан основал много церквей, моне стырей и филантропических заведений, редко называют их конкретно.[183] Однако об уважении Юстиниана к престарелым людям красноречиво свидетельствуют законы Юстиниана, в которых также регулируются имущественные отношения и управление домами престарелых.[184]

То же самое может быть сказано и о вкладе императора в заботу о сиротах и оставленных детях. Постоянные варварские вторжения, длительные войны за возвращение Африки и Запада, землетрясения - все это выбрасывало на улицы множество сирот и беззащитных детей. Долгая греческая,[185] римская,[186] иудейская [187] и христианская [188] традиция заставляла современников Юстиниана и его самого заботиться об этих детях. Церковь, монастыри, государство и отдельные граждане - все принимали в этом участие. На основании законов Юстиниана можно заключить, что числю сиротских домов в империи было очень велико[189] и что они существовали в самых разных ее местах.[190] В своих Новеллах Юстиниан часто говорит о сиротах и предусматривает меры для их защиты.[191] В Новелле CXXXI, гл.15 Юстиниан предоставляет значительные права управляющим сиротскими домами в том, что касается распоряжения собственностью сирот и сиротских домов.[192]

Юстиниан проявлял христианское человеколюбие и по отношению к гражданам империи, захваченным в плен в результате варварских нашествий. По свидетельству Агафия, когда варвары брали в плен жителей империи и угрожали их убить, если за них не будет выплачен выкуп, Юстиниан посылал варварам большие суммы золота, чтобы спасти пленников.[193] Хотя в Новелле XVII гл.8 Юстиниан и запрещал продажу священных церковных сосудов, он разрешал продажу всего церковного имущества, если это было нужно для освобождения пленных:

"Наказанию должен быть подвергнут всякий, кто, в нарушение нашего закона, закладывает, продает или меняет церковные сосуды, ибо мы полагаем, что тот, кто осмеливается совершать столь неблагочестив

поступки в отношении церковной утвари, посвященной Богу, должен понести наказание. Исключение может быть сделано для названного нами случая выкупа пленных, когда человеческие души могут быть спасены от смерти и цепей путем продажи неосвященных сосудов." 1

Юстиниана глубоко заботили также проблемы нравственности. Законодательными и другими средствами он стремился защитить тех несчастных девушек, которые становились добычей сводников, называемых PORNOVOSKOI. В этом ему содействовала его жена Феодора, которая в юности сама оказалась жертвой этих безнравственных людей. Из Новелли XIV[195] и Хронографии Иоанна Малалы мы узнаем, что в те времена по провинциям ездили обманщики, обещавшие девушкам всевозможные чудеса или предлагая деньги их родителям. Они привозили девушек в большие города, включая и Константинополь. Там они становились проститутками и жили в ужасных условиях. Заработанные ими деньги шли хозяину. Законы Юстиниана были чрезвычайно строги к таким лицам:

"Мы указываем, что, если отныне кто-либо увезет девушку против ее воли и силой заставит при себе остаться, и не корми ее надлежащим образом, будет присваивать себе доходы от ее проституции - такой человек должен быть арестован и приговорен к смерти."[197]

Хотя преступники и могли искать убежища в церкви, Юстиниан в Новелле XVII/535/ приказывал, чтобы это убежище не предоставлялось прелюбодеям, насильникам и торговцам проститутками, так как, согласно его убеждениям, убежище Церкви создано не для злодеев, а для невинных:

"Вы не должны предоставлять убежище убийцам, прелюбодеям и насильникам, но должны изгонять их и добиваться их наказания, ибо не надлежит оказывать снисхождения преступникам этого рода, так как право это создано для тех кто пострадал от несправедливости, и призвано защитить их от обид несправедливых людей. Привилегия получения убежища в храмах дается не преступникам, но несправедливо пострадав-

ним. Нельзя, чтобы в священных местах могли получать защиту и те, кто творит зло, и те, кто от него страдает."[198]

Законы Юстиниана, столь строгие к проституции как таковой, были очень терпимы и снисходительны к самим проституткам.[199] Более того, усилиями Юстиниана и Феодоры были приняты меры для защиты женщин, вовлеченных в занятие проституцией. По свидетельству Иоанна Малалы, Феодора собрала всех константинопольских торговцев проститутками вместе с самими девушками и заставила их открыть, сколько они заплатили за девушек их родителям. Затем она дала им по 5 номисм за каждую из девушек и таким образом освободила их. Освобожденным девушкам она раздала по одной номисме, чтобы они могли начать новую жизнь.[200] Согласно свидетельству Агафия, Юстиниан последовал примеру своей супруги.[201] Прокопий сообщает, что Юстиниан и Феодора использовали и другое средство для устранения этого зла. Они устроили в одном из дворцов на берегу Черного моря женский монастырь, названный Метанея /раскаяние/, в который могли идти раскаявшиеся женщины, нуждавшиеся в духовной и материальной помощи.[202] Чтобы сделать жизнь этих женщин более счастливой, чтобы помочь им расстаться со своими порочными привычками, "эти правители /Юстиниан и Феодора/,- сообщает далее Прокопий,- щедро снабжали монастырь деньгами и построили в нем много зданий, замечательных по красоте и богатству, которые могли бы служить утешением для женщин, чтобы ничто не могло их заставить сойти со стези добродетели."[203] В этом монастыре, если верить Прокопию, жило одновременно 500 женщин.[204]

Благотворительность Юстиниана распространялась не только на живых, но и на умерших. Изданный им закон требовал, чтобы всех бедных хоронили на предназначенных для этого кладбищах.[205]

Из всего сказанного выше ясно, что Юстиниан, насколько это было возможно, стремился воплотить свои христианские убеждения в конкретных делах. Его вера в евангельские принципы открывала перед ним - чело

веком и императором- новые горизонты и давала ему новые средства и способы выражения христианской любви к ближнему. В душе Юстиниана нашел отзыв слова, обращенные к нему его учителем, дьяконом св.Софии Агапитом: "Добродетель государя состоит в том, чтобы оказывать милость тем кто в ней нуждается."[206] Юстиниан считал повсеместное утверждение справедливости и человеколюбия своей важнейшей задачей. В Новелле CXXIII он , в частности, говорит:

"Справедливость и благотворительность суть прекраснейшие свойства человечества: первая дает каждому то, на что он имеет право, и не позволяет желать собственности другого; вторая внушает сострадание и избавляет бедствующих должников от бремени их обязательств Эти две добродетели служат украшению и укреплению империи и правительства и улучшению жизни людей. Поэтому, получив от Бога императорский скипетр, мы были одержимы желанием стать известными своими благими делами и были убеждены, что, чем больше сможем мы сделать для своих подданных, тем большая слава и доблесть будут нам наградой."[207]

Не может быть сомнений в том, что филантропическая деятельность Юстиниана имела своим источником его религиозные убеждения, на которых в течение всего его продолжительного правления основывалась вся религиозная политика императора. Это не исключает,однако, других, вторичных мотивов личного или политического характера.

3. Память о Юстиниане в Церкви.

Долгое правление Юстиниана было ознаменовано продолжительной борьбой за утверждение господства православия и повышение авторитета Церкви в глазах верующих. Как замечает У.Х.Хаттон,"едва ли можно найти церковный догмат, который бы он не отстаивал, или, ересь, с которой бы он не боролся."[208] Словом и делом Юстиниан стремился сделать свои

собственные православные религиозные убеждения убеждениями всех граждан империи. В этом он в значительной мере преуспел. Поэтому естественно было бы ожидать, что он будет по достоинству оценен Церковью и церковными писателями прошлого и настоящего как столп и защитник православной веры. Однако память об императоре-богослове, столь усердно трудившемся на благо православной веры и столь много сделавшем для Церкви своими филантропическими трудами, тяжело пострадала от искаженных свидетельств историка Евагрия и чудовищной лжи "Тайной истории" Прокопия. С тех пор и до настоящего времени многие церковные писатели и историки, доверяя свидетельству Евагрия, называли Юстиниана еретиком. Другие, учитывая уникальность свидетельства Евагрия и принимая во внимание славные государственные труды Юстиниана, пытались оправдать его, говоря, что он принял ересь афтартодокетов по незнанию, как это случалось и с другими святыми, например, с Григорием Нисским.

Свидетельства о ереси Юстиниана после Евагрия располагаются в следующем хронологическом порядке. Георгий Амартол пишет в своей "Хронике"/IXв/: "На склоне лет он стал обсуждать догмат о тленности и нетленности и умер вдали от православной веры".[209] Феофан Исповедник в "Хронографии" /IXв./ повторяет то же самое почти слово в слово:" В то же году император Юстиниан стал обсуждать догмат о тленности и нетленности и, издав декрет, умер вдали от православной веры."[210] Патриарх Никифор I /806-815/ Евтихий в своей "Краткой хронографии" говорит в связи с низложением Евтихия, что тот был низложен Юстинианом на тридцать восьмом году его правления, "потому что не признал афтартодокетического декрета".[211] В биографии патриарха Евтихия, написанной неким Евстратием, говорится о приверженности Юстиниана афтартодокетической ереси, издании еретического декрета и низложении Евтихия, не принявшего его.[212] Произведение Евстратия представляет собой поздний агиографический текст. Он весьма эксцентричен и не оставляет ни одного эпизода из жизни патриарха не украшенным цитатами из Писания и чудесами.[213]

Георгий Кедрин в XI в. повторяет сведения из вышеназванных хроник в своем "Историческом компендиуме". он замечает: "В конце ж император стал обсуждать догмат о тленности и нетленности и, издав декрет, умер вдали от православной веры."[214]

К XIII в. относятся следующие упоминания. Иоанн Зонара в своей "Хронике" пишет: " Юстиниан на склоне лет обратился к ереси афтартодо кетов, утверждавших, что Христос не получил тленного тела, но что его плоть была нетленной с момента зачатия. Но никто не принял этого учен Против него выступил патриарх Евтихий, после чего он был выслан в Ама сеи... Юстиниан умер еретиком."[215] Константин Манас в своем "*Compen dium Chronicum* " выражает уверенность в том, что Юстиниан был обр щен в афтартодокетическую ересь.[216]

В XIIIв. Иоель в своей "Хронографии" повторяет слово в слово ут верждения Феофана Исповедника, Георгия Амартола и Георгия Кедрина.[217] Другой дошедший до нас текст этого времени принадлежит перу Михаила Глики, который в своих "Анналах" сообщает: "Юстиниан на тридцать вось мом году своего правления стал утверждать, что тело Христово было не- тленно и непо властно естественным нуждам и что он ел и пил до крест- ных страстей так же , как и после. Патриарх Евтихий, не принявший это го учения, был выслан в Амасею..."[218]

Все перечисленные авторы черпают сведения о ереси Юстиниана из о ного источника – свидетельства Евагрия.

Оценка личности и веры Юстиниана в церковном сознании всегда дале отстояла от утверждений вышеназванных хронистов. Церковь с благодарно тью вспоминает о любви и преданности Юстиниана. Свидетельство Евагри не может очернить его памяти. Отдельные выдающиеся церковные деятели и вся Церковь соборно воздали Юстиниану должное. В актах Шестого Все- ленского Собора отмечается, что отцы Собора испытывали к Юстиниану бол ее уважение, чем к любому другому императору. Всякий раз при упомина- нии имени Юстиниана в актах Собора употребляются выражения вроде:

"свято почивший",[219] "благочестиво скончавший дни свои",[220] "благочестивейший",[221] "благочестивейший государь",[222] "пребывающий среди святых".[223] Тот же Собор следующим образом приветствовал созвавшего его Константина IУ /667-685/: "Да здравствует Константин, новый Юстиниан, защитник православия!"[224] Или в другом месте: "Да будет вечной память о Константине, новом Юстиниане!"[225] На четвертом заседании того же Собора было зачитано письмо папы Агафона /678-682/ к императору Константину, в котором о Юстиниане говорится в самых хвалебных выражениях:

"Блаженную память Юстиниана хвалят ныне все народы. Из всех государей он более, чем кто-либо другой, стал ревнителем правды и апостольской веры. Его правая вера была столь угодна Богу, и с столь много сделал для христианской державы. Его православная вера, распространившаяся по всему миру с его почтенными эдиктами, ныне прославлена. Достаточно вспомнить только один из этих эдиктов, который был послан главе александрийской Церкви, Зоилу, и направлен против ереси "акефалов" и в защиту истинности православной веры."[226]

В том же письме Агафон подчеркивает:

"Сей великий Юстиниан, последний, но величайший из императоров, чьи добродетели и благочестие послужили ко всеобщему благу, стал примером, по которому управляется империя Вашего Могущественнейшего Величества и по которому эт наша христианская держава направляется к лучшему."[227]

На девятом заседании того же Собора было зачитано письмо знаменитого иерусалимского патриарха Софрония/634-638/ к константинопольскому патриарху Сергию /610-638/. Хотя в письме перечисляются все ереси, в этой связи имя Юстиниана не упоминается. Однако оно восхваляется в связи с упоминанием о Пятом Вселенском Соборе.[228]

Епископ миланский Мансуэтий в письме к императору Константину

/679/ восхваляет Юстиниана за его православные убеждения и труды на благо Церкви. Он называет его "самым христианским императором."[229] Десять лет спустя Собор в Константинополе, созванный Юстинианом II /685–695/, упоминая имя Юстиниана, использует выражения, аналогичные приведенным выше из актов Шестого Вселенского Собора: "свято почивший",[230] "благочестиво скончавший дни свои".[231]

Мудрый и критичный до щепетильности константинопольский патриарх Фотий в письме к болгарскому царю Михаилу по поводу Вселенских Соборов пишет: "Юстиниан, могущественнейший из императоров, правил Римской империей и его вера совпадала с верой Церкви."[232]

Таково было в целом отношение к личности и вере Юстиниана в ранней Церкви. С XIIв. Юстиниан был причислен к лику святых. Согласно свидетельству Никифора Каллиста /XIVв./ официально признание Юстиниана как святого впервые праздновалось при константинопольском патриархе Иоанне Иеромнемоне /IIII–II34/[233] Он утвердил день памяти Юстиниана 2 августа. В этот день в Святой Софии при стечении огромного числа верующих совершалось торжественное богослужение.[234] Согласно Парижскому кодексу I62Iг. память Юстиниана и его супруги Феодоры праздновалась в Великой Церкви в воскресенье,[235] а также в Эфесе, в церкви Иоанна Богослова.[236]

В большинстве рукописей соответствующий день отмечен следующим образом: "Память благочестивого царя Юстиниана и Феодоры".[237]

В некоторых Синаксарях /например, в парижских кодексах I582 и I578гг./ и Минеях вместо имени Юстиниана стоит имя Юстина. Это отличие, на наш взгляд, может быть обусловлено существованием двух церковных традиций – одной, приписывающей Юстиниану еретические взгляды, и другой, признающей его христианским императором. Противоречие между свидетельством некоторых хронистов, принимавших свидетельство ~~хетиков~~ Евагрия как истинное, и высказываниями знаменитых церковных писателей и акто

Соборов, особенно Шестого Вселенского Собора, поставило в затруднительное положение позднейших церковных авторов. Иногда они пытались выразить собственное мнение о Юстиниане, изменив церковный текст. Это, в частности, ясно из кодекса 1621г. Парижской Библиотеки в котором текст, посвященный Юстиниану, заключают две строки с упоминанием имени Юстина. В других рукописях эти строки отсутствуют:"

"Память православного царя Юстиниана/ 16 ноября/: Он, преуспевший в войнах и ревнитель православной веры, созвал Собор в Константинополе и поразил еретиков. Он издал новые декреты /Новеллы/ а также издал декрет, запрещавший епископам, хранителям казны, содержателям гостиниц и сиротских домов присваивать что-либо, кроме того, что они имели до вступления в должность. Он построил Великую Церковь и украсил ее, потратив много денег и усилий, золотом и серебром, святыми дарами и шитыми золотом пеленами. Он построил повсюду множество Церквей. Блаженной памяти государь основал прекрасный монастырь на горе Синай и дивно украсил построенные в нем святые церкви. На той же горе он построил церковь на Святой Вершине, которая и по сей день у всех вызывает восхищение. Он щедро раздавал большие суммы денег монастырям, основанным на горе Синай. Он приказал, чтобы в Церкви праздновался день введения во храм Девы Марии. И после всех трудов, совершив много достойного памяти и восхищения, он оставил эту жизнь. Правитель всего вознес на небеса царя Юстина и Феодору."[239]

Никифор Каллист , зная об обеих церковных традициях в отношении к Юстиниану и пытаясь разрешить противоречие между ними, пишет:

"Не утверждая определенно, я полагаю, что, если он и заблуждался, его следует возблагодарить за бесконечную преданность Господу и за все то, что он сделал в согласии с Божьей волей. Также, думая о нем, нельзя не вспомнить о Святой Софии, великом творении

ГЛАВА УII

ИТОГИ И ВЫВОДЫ.

С восшествием Юстина I на трон Восточной Римской империи в 518г. антихалкидонская религиозная политика, которую проводили императоры Зинон и Анастасий, была оставлена. Новая прохалкидонская политика Юстина была в значительной степени делом рук его племянника Юстиниана, который уже тогда принимал самое активное участие в управлении империей. Ту же политику Юстиниан проводил и взойдя на императорский трон. /527-565/

Юстиниан был глубоко религиозной натурой и со всей энергией отдавался решению религиозных проблем своего времени. Эти проблемы он изучал изнал намного глубже, чем все византийские императоры до него. Его естественная религиозность и богословская образованность сделали его проницательным богословом.

Юстиниан был убежден в том, что православие является единственной истинной религиозной верой. Поэтому он считал своим долгом предан ного христианина и христианского императора распространять ее повсюд в своей империи и за ее пределами. С этой целью он сочинял богослове трактаты, писал догматические послания и издавал законы. Почти все л тературные и законодательные труды Юстиниана носят богословский и це ковный характер. Несмотря на то, что среди них есть сочинения частно и публичного характера, все литературное наследие Юстиниана характер зуется значительным внутренним единством, подтверждающим подлинность авторства Юстиниана. В его сочинениях мы находим ясное изложение и страстную защиту православных убеждений автора.

В шестом веке, когда жил, богословствовал и осуществлял свою

религиозную политику Юстиниан, в Церкви господствовал весьма консервативный дух. Приверженность прошлому была непременным требованием предъявляемым к церковным писателям. Любое новшество рассматривалось как ересь и отступление от православной веры.

Православная вера и богословие Юстиниана были обращены к прошлом Поэтому его богословская концепция не содержит никаких новшеств, но представляет собой лишь истолкование и защиту уже сложившегося богословского учения Церкви, и прежде всего учения четырех Вселенских Соборов и великих отцов Церкви.

Император стремился к тому, чтобы его православная вера стала верой всех подданных его огромной империи. В достижении этой цели он использовал как средства убеждения, так и меры законодательного характера. Суровыми декретами он боролся с язычниками, самаритянами, манихеями и в некоторой степени – с иудеями. Тот факт, что Юстиниан преследовал не только еретиков и не-христиан, но и недостойных представителей православной Церкви, доказывает, что его религиозность была искренней и чистой.

На первый взгляд законы, изданные Юстинианом против нехристиан, могут показаться слишком строгими. В действительности, однако, они не всегда применялись буквально, поскольку их целью было не уничтожение граждан государства, а их обращение в православную веру. Понимая что в его время языческие обряды и философия не противостояли друг другу, как раньше, а вместе служили защитой уходящего язычества, Юстиниан боролся и с теми, и с другой.

Его попытки привлечь иудеев к христианству основывались не на с ле, но на более умеренных мерах, прежде всего – на убеждении.

Более строго Юстиниан преследовал самаритян, часто поднимавших на восстания против императорской власти. Однако, когда они, наконец благодаря увещеваниям кесарийского епископа Сергия, проявили лояльно Юстиниан отменил свои суровые законодательные меры против самаритян.

Юстиниан боролся также с манихейством. Это религиозное движение своим центром имело Персию, враждебно настроенную ко всему римскому миру. Активное распространение манихеями своего учения делало их в глазах императора опасными врагами не только Церкви, но и государств Религиозные и политические причины заставили императора со всей стро гостью вести борьбу с манихеями.

Осуществляя свою религиозную политику, Юстиниан избегал новшест предпочитая следовать примеру своих предшественников. Он, однако, в отличие о т. них более серьезно принял на себя роль защитника веры. Его вмешательство в дела Церкви было основано на прекрасном принципе согласия, имевшем за собой долгую традицию в истории Церкви и государства. Не все в этой традиции было ясным и сформировавшимся, что нередко приводило к столкновению двух властей. Юстиниан внес ясность в отношения между Церковью и государством, заложив основы гармоничес кого сотрудничества между ними.

Согласно Юстиниану, Церковь и государство представляют собой две самодостаточных и самоуправляемых организации, и поскольку обе проистекают от одного божественного источника и имеют одну цель - спасение народа и славу Божию,- они не могут и не должны быть несогла ны друг с другом. Таким образом, не дух цезаропапизма /деспотическое вмешательство государства в дела Церкви/ и не дух папоцезаризма /деспотическое вмешательство Церкви в государственные дела/, а дух сотрудничества и взаимопомощи должен определять отношения между двумя властями. Осуществляя на практике этот теоретический принцип, Юстиниан приказал, чтобы законы Церкви, т.е. ее священные каноны, бы ли одновременно признаны и государственными законами. В случае расхож дения между теми и другими Юстиниан приказал следовать церковному пр канону. Таким образом, Юстиниан не слагал законов для Церкви. Он изда вал лишь государственные законы. Если же он и издавал законы для Цер ви, то их содержание определялось не его собственной волей, но тради-

циями самой Церкви. Поэтому гражданское законодательство не служило источником церковного законодательства, но само испытывало на себе в яние церковного учения и традиций. Законодательство Юстиниана ни в кое мере не принижало священного церковного законодательства и не изменяло его. Это обстоятельство, на наш взгляд, служит доказательством того, что вмешательство Юстиниана в законодательное регулирован отношений между Церковью и государством имело своим источником его религиозные убеждения. Конечно, этот источник мог быть не единственным: могли действовать также и другие побуждения-политические, национальные и т.д.

Главной целью религиозной политики Юстиниана было объединение в христиан в единой вере - православии. Уже вскоре после восшествия на трон дяди Юстиниана Юстина антихалкидонская религиозная политика была оставлена и были приняты меры для проведения в жизнь постановлений Халкидонского Собора. Благодаря дипломатическим усилиям Юстиниана был улажен затянувшийся /488-519/ раскол Акакия между римской и константинопольской Церквами. Однако окончание раскола не принесло мира и единства во всю Церковь, особенно на восток. Проблема разногласий восточных христиан занимала Юстиниана всю жизнь.

Особое внимание Юстиниан уделял монофизитам, отрицавшим решения Четвертого Вселенского Собора. Юстиниан считал, что церковное объединение может быть достигнуто не путем принесения в жертву православной веры, как действовали Зинон и Анастасий, а лишь на основе общего признания решений Халкидонского Собора. Поэтому предстояло выработать план, который бы, с одной стороны, не принижал решений Собора, а с другой стороны, мог бы удовлетворить отрицавших их монофизитов. Богословские попытки Юстиниана дать новое толкование решений Халкидонского Собора получили название "неохалкидонизма" или "юстинианизма".

Наученный опытом прошлого и хорошо знающий канонический церковный

порядок. Юстиниан решил избегать применения силы, широко практиковавшегося его предшественниками, Зиноном и Анастасием. Он осуществлял свою религиозную политику, не выходя за пределы императорских прав и церковной традиции.

В период с 519 по 526 г. Юстиниан основывал свою религиозную концепцию на теопасхической богословской формулировке "Один из Троицы пострадал во плоти", посредством которой он надеялся примирить утверждение Кирилла Александрийского "Одна природа Бога Слова воплотилась" и догматическое определение Халкидонского Собора "в двух природах". Этот теопасхический тезис мог быть интерпретирован не только в том смысле, который вкладывали в него монофизиты, но также и с православной точки зрения, как выражение взаимодействия атрибутов двух природ во Христе, вызванного их объединением в Его лице. Истолкованная в православном духе, эта формулировка означала, что второе лицо Святой Троицы пострадало не в лице Христа, не в его божественной природе, но во плоти, то есть в объединившейся с нею человеческой природе. Соответственно, подчеркивался союз двух природ - божественной и человеческой- в личности Христа. Монофизиты считали, что этот союз был принижен определением Четвертого Вселенского Собора "в двух природах".

Строя свои планы привлечения монофизитов к православию, Юстиниан возлагал большие надежды на теопасхическую фразу. Хотя он и пытался добиться от Церкви, особенно Западной, принятия официального решения по этому вопросу, его попытки не увенчались успехом. Состоявшаяся в 532г. в Константинополе встреча представителей православных и монофизитов также не принесла положительных результатов. Обе партии вели себя крайне эмоционально, проявив недостаток взаимопонимания. Позже, воспользовавшись более спокойным расположением духа обеих партий, а также воодушевленный тем, что на встрече в 532г ими не было высказано серьезных аргументов против теопасхического тезиса, Юстини-

ан ввел ее декретом 533г. Однако эта попытка объединения провалилась поскольку декрет не был принят ни монофизитами , ни православными. Таким образом, Юстиниан лишился догматического основания, на которо он собирался строить свою религиозную политику объединения и привлечения монофизитов к православной Церкви.

Хотя император, начиная с 531г., и занимал довольно умеренную по цию в отношении монофизитов, он предпринял ряд суровых мер против ни осуществляя решения православного Собора 536г., на котором был прок ляят промонофизитски настроенный константинопольский патриарх Анфим и было подтверждено проклятие лидеров монофизитов Севера, Петра и Зоары. Однако, несмотря на это, Юстиниан не оставлял своих прежних замыслов и продолжал искать возможностей для продолжения диалога между православными и монофизитами.

В 543г. Юстиниан издал декрет проти оригенизма. Этот акти был продиктован острым конфликтом, разделившим монахов Палестины на сторо ников и противников учения Оригена. Напряженные диспуты были чреваты расколом Церквей Антиохии и Иерусалима. Кесарийский епископ Феодор Аскида, сторонник оригенизма, предложил Юстиниану проклять Феодора М суэстийского, чтобы ослабить обиду палестинских монахов-оригенисто Палестинские монахи-антиоригенисты ссылались на авторитет Феодора в своей полемике с оригенистами. В проклятии Феодора Мопсуэстийского Юстиниан увидел возможность дальнейшего развития своей объединительной политики, поскольку этот акт мог удовлетворить не только палестинских оригенистов, но и монофизитов. Последние добивались проклятия Феодора Мопсуэстийского и его учеников Феодорита Киррского, Ивы Эдесского, Диодора Тарского и других, и обвиняли Четвертый Вселенский Собор в потворстве несторианам, ссылаясь на то, что он благоволил Феодориту Киррскому и Иве Эдесскому. Юстиниан хорошо разбирался в намерениях монофизитов еще со времени константинопольской встречи 53

Теперь, чтобы освободить Четвертый Вселенский Собор от обвинений монофизитов и одновременно удовлетворить палестинских монахов-оригенистов, он в 545г. издал первый декрет против "Трех глав". В нем провозглашалось проклятие личности и сочинений Феодора Мопсуэстийского, сочинений Феодорита Киррского, направленных против Кирилла Александрийского и Третьего Вселенского Собора, а также письма Ивы Эдесского некоему Марию в Персию. Декрет был послан пяти патриархам с указанием созвать подвластных им епископов и принять соответствующее решение. Сначала восточные епископы колебались, боясь подвергнуть сомнению авторитет Четвертого Вселенского Собора, однако, убежденные Юстинианом в том, что его декрет ни в коей мере не противоречит принципам Халкидона, они подписали декрет. Напротив, на Западе, особенно в Северной Африке, издание декрета вызвало бурю негодования, и выдающиеся богословы, такие как Факунд, Ферранд и Либерат, выступили против него с богословскими трактатами.

Папа Вигилий узнал о новом императорском декрете, находясь в Сицилии, куда он бежал, опасаясь последствий захвата Рима готами, считавшими его своим врагом. Сначала он занял в отношении декрета негативную позицию. Затем папа, очевидно, по приглашению императора отправился в Константинополь. Оповещенный своими представителями о происходивших там событиях, папа на четыре месяца прервал церковное общение со всеми, подписавшими декрет. Однако вскоре он изменил свою позицию и 12 апреля 548г. издал Udicatum, в котором одобрялась богословская инициатива Юстиниана. Эта перемена была, очевидно, вызвана тем, что Юстиниан убедил папу в том, что его декрет никак не принижает авторитета Четвертого Вселенского Собора, а также что вмешательство императора в церковные дела было совершено в пределах традиционных императорских прав.

Издание папского Udicatum вызвало на всем Западе яростное возмущение не только против папы, но и против императора. В результате по обоюдному согласию папы и императора, Udicatum был отменен.

Тогда же, на встрече в Константинополе в 550 г. было решено созвать Общий Собор, который бы принял окончательное решение по данному вопросу. Хотя на встрече и было решено, что папа и император не будут предпринимать никаких действий в отношении "Трех глав" до созыва Собора, это соглашение ими не было соблюдено. Вигилий в собственных эгоистических целях пытался восстановить свой авторитет на Западе. Нарушив данное Юстиниану клятвенное обещание содействовать его религиозной политике, Вигилий занял противоположную позицию. Юстиниан в свою очередь, убежденный в правоте своих взглядов, стал их отстаивать

Чтобы просветить западное духовенство относительно "Трех глав", Юстиниан составил на основе сочинений отцов Церкви обширный богословский трактат. Однако он совершил ошибку, издав этот трактат в качестве императорского декрета. Вигилий примкнул к позиции западного духовенства и проклял не только декрет, но и содействовавших императору восточных епископов. Затем Вигилий удалился из своей резиденции сначала в базилику св.Петра во дворце Гормисды, а затем в церковь св.Евфимии в Константинополе Халкидоне, где в свое время состоялся Четвертый Вселенский Собор. Таким образом Вигилий не искал спасения собственной жизни, но желал продемонстрировать, что он является наследником св.Петра и защитником принципов Халкидона. Понимая причины побудившие папу покинуть свою резиденцию, и считая, что тот своими действиями наносит оскорбление императорской власти, Юстиниан потребовал возвращения папы в его резиденцию. Последовавшие затем печальные для папы и его свиты события не были спровоцированы Юстинианом, но были вызваны недостойным поведением самого Вигилия и неловкостью посланных к нему офицеров гвардии.

Юстиниан осознал ошибку, которую он совершил, издав свой богословский трактат как императорский декрет, отступил и признал его недействительным. Казалось бы, Вигилий одержал победу. Однако император не оставил своих богословских взглядов относительно еретичности "Трех

глав". Он предоставил решать этот вопрос самой Церкви. Юстиниан договорился с папой о созыве Собора и принял участие в нормализации отношений между ним и восточными епископами. Переговоры по поводу задуманного Собора - между папой и западными епископами, с одной стороны, и между императором и восточными епископами - с другой, - не были успешными. Причиной тому была слабость Вигилия, не умевшего должным образом использовать свою власть и боявшегося, что восточные епископы будут иметь большинство на Соборе. Чтобы защитить свой авторитет, он предложил вместо общего Собора организовать небольшую встречу, на которой Западная и Восточная Церкви были бы представлены равным числом представителей. Это антиканоническое предложение Вигилия было отвергнуто, как основанное на мнимом делении единой Церкви на две части. В конце концов был созван Вселенский Собор, которому предстояло принять окончательное решение, обязательное для всей Церкви. Все сказанное подтверждает, что Юстиниан не считал ни себя, ни римского епископа, ни пятерых патриархов в праве выступать в качестве высшей церковной власти. Это право он признавал только за всеми епископами вместе, которым теперь, на общем Соборе, и надлежало выразить веру всей Церкви.

Вселенский Собор, подготовка к которому заняла три года /551-553/, был созван 5 мая 553г. в Константинополе. Папа Вигилий не участвовал в его заседаниях. Также, вопреки обычаю, не присутствовал ни император, ни его представители. Подавляющее большинство участников Собора составляли восточные епископы. Присутствовали и некоторые епископы западных провинций. Основываясь на втором декрете против "Трех глав", Собор составил четырнадцать анафем, в которых проклинались "Три глав". Тот факт, что из четырнадцати анафем Собора тринадцать были заимствованы из императорского декрета, не означает, что император диктовал свою волю Собору, но значит лишь, что богословие Юстиниана совпадало с верой епископов Собора.[3] Собор проклял также папу Вигилия, сохранив,

однако, церковное общение с римской Церковью.

Еще до завершения работы Собора папа Вигилий пытался повлиять на его окончательное решение, навязав Собору свое мнение и мнение западных епископов. 14 мая он издал первый *Constitutum*, в котором проклиналось еретическое учение Феодора Мопсуэстийского. Однако пап запретил кому бы то ни было проклинать личность Феодора. Он запрети также проклинать Феодорита Киррского и Иву Эдесского, ссылаясь на т первый проклял Нестория и подписал решения Четвертого Вселенского Собора, а второй подписал решения Третьего Вселенского Собора. Несколько месяцев спустя папа, желая вернуться в Рим, освобожденный от готов, еще раз изменил свою позицию. Он послал письмо константинопо скому патриарху Евтихию /553/ и издал второй *Constitutum* /22 фе раля 554г./, где отказывался от прежних взглядов и признавал решени Константинопольского Собора. Таким образом, позднейший догмат римско католической Церкви о непогрешимости папы получает серьезнейший уда причем удар этот наносит сам глава Римской Церкви, папа Вигилий. Ва нейшую роль в описанных событиях сыграл император-богослов Юстиниан, ревностно защищавший каноническую традицию Церкви.

Можно заключить с уверенностью, что перед отправлением Вигилия в Рим секретариат императорского суда внес изменения в акты Пятого Вселенского Собора, чтобы защитить от нападок личность папы. В новой редакции актов было указано, что папа не участвовал в заседаниях Собора с ведома епископов и подтвердил его решения уже после завершения Собора. Такое изменение текста актов должно было помочь папе побороть оппозицию западных епископов. Существование двух вариантов латинского перевода актов подтверждает высказанную гипотезу.

Вопреки традиции, установленной его предшественниками, издававшими декреты, подтверждавшие решения Соборов, Юстиниан ограничился тем, что послал акты Собора главам Церквей провинций с указанием созвать поместные Соборы, обсудить и утвердить их. Несомненно, он сделал это для того, чтобы избежать возможной реакции противников

его политики объединения и его богословской концепции, а также для т го, чтобы продемонстрировать независимый характер решений Собора. Юстиниан не хотел навязывать Церкви решений Собора, используя свое личное вмешательство. Он предпочел предоставить право решать этот вопрос руководителям поместных Церквей, полагая, что такая умеренная политика может принести большую пользу, чем применение силы. Несколько исключений отмечены только хронистом Виктором, который, впрочем, был врагом религиозной политики Юстиниана.

Вместо того, чтобы пойти навстречу богословию Юстиниана, монофизиты продолжали упорствовать в своей ереси. С другой стороны, затянувшиеся попытки Юстиниана вести диалог между монофизитами и православными показались сомнительными некоторым православным, считавшим их бессмысленными. В результате Юстиниан был обвинен врагами своей религиозной политики в афтартодокетизме, то есть в крайнем монофизитизме. Мы считаем это обвинение ложным. В сочинениях Юстиниа в его религиозной политике, наконец, в других современных источниках мы не находим никаких подтверждений этого обвинения. Единственное свидетельство Евагрия о том, что Юстиниана стал приверженцем афтартодокетической ереси и издал декрет, которым хотел навязать эту ересь Церкви, обязано своим появлением лишь сплетням врагов Юстиниана и ничему больше.

Юстиниан был верным и преданным членом православной Церкви и многое делал не только для защиты ее учения, но и для повышения духовного и морального уровня ее представителей. Он верил в то, что высокая духовность церковных деятелей не может не способствовать духовному и моральному возвышению народа, прогрессу государства и успех у всех его начинаний. Особое внимание Юстиниан уделял епископам. Он издал закон о выборах, хиротонии и образе жизни епископов. Своими законодательными мерами он стремился добиться того, чтобы епископами становились лучшие представители черного духовенства. Он вменял в обязанность епископам совершение суда, руководство филантропическими

институтами и другие государственные функции.

Юстиниан играл значительную роль в формулировании и проведении в жизнь церковных и канонических законов. Своими декретами он возвел церковные каноны в ранг законов государства. В качестве примера укажем на законы, определяющие отношения между государством и духовенством, отношения в среде самого духовенства и его положение в христианской общине. Своим церковным законодательством Юстиниан не вводил в церковную практику никаких новшеств. Он просто узаконивал уже сложившийся церковный порядок. Так, Юстиниан узаконил практику созыва один или два раза в год Поместных Соборов для решения разноос разных вопросов жизни Церкви. Догматические проблемы и другие вопросы, имеющие значение для всей Церкви, должны были обсуждаться на Вселенских Соборах. Юстиниан считал Собор высшим законодательным и судебным церковным органом. Никто не имел права подвергать нападкам решения Вселенского Собора.

Юстиниан с уважением относился к традиционным правам пяти патриархов -Рима, Константинополя, Александрии, Антиохии и Иерусалима. Иногда в практических целях он опирался в своей религиозной политике на авторитет пяти патриархов. Так это было при издании теопасхического декрета в 533г., декрета против оригенистов в 543г. и в ряде других случаев. Хотя все епископы и были равны между собою, а следовательно, и пять патриархов были равны со всеми остальными епископами, Юстиниан, следуя установившейся в Церкви традиции, утверждал, что наиболее почетным является патриарший престол в Риме, старой столице империи. Однако император не признавал за римским епископом ни первенства во власти, ни непогрешимости. Вторым в этой иерархии почетей был епископ новой столицы, Константинополя, которому Юстиниан в созданной им законодательной системе отводил второе место в государстве после императора. Далее следовали епископы Александрии, Антиохии и Иерусалима.

Священники и дьяконы занимали весьма важное положение в церков-

ной организации. Церковь доверила им в значительной степени свою миссию проповеди, совершения Таинств и филантропической деятельнос Поэтому Юстиниан требовал в своем законодательстве, чтобы пресвитер и дьяконы избирались из числа лучших и благочестивейших людей.

Огромный интерес император проявлял к монашеской жизни своего времени и поддерживал ее морально и материально. Его вмешательство в дела монашеских общин было вызвано его искренней верой в высокий идеал монашества. Он считал, что монастыри должны быть прежде всего местами молитвы и покоя, удаленными от проблем и трудностей повседне ности, местами, где собирались бы люди, стремящиеся к духовному и моральному совершенству. С другой стороны, Юстиниан видел в монасты рях центры религиозного и морального образования граждан и центры организованной филантропической деятельности. Другой причиной вмеша- тельства Юстиниана в монашеские дела было его стремление упорядочить все более интенсивную и часто неконтролируемую жизнь монастырей. Крайний экстремизм монашеских идеалов и их огромное влияние на массы мирян иногда становились причиной столкновений и расколов, опасных не только для Церкви, но и для государства. Своим законодательством Юстиниан стремился поставить монашескую жизнь под контроль епископов и внести определенный порядок во внутреннюю жизнь монастырей.

Еще одним следствием религиозных убеждений Юстиниана была его обширная филантропическая деятельность, постоянная забота о нуждающи ся гражданах государства. Свою веру Юстиниан воплотил в активной любви и заботе о ближних. Он издавал специальные законы в защиту прав бедных, сирот, вдов. Он всячески поддерживал благотворительност Церкви и граждан. Более того, он сам, как частный человек и как прави тель империи, стремился постоянно оказывать помощь нуждающимся в ней. Он помогал бедным, больным, рабам, пленникам, жертвам стихийных бед- ствий и варварских нашествий. Он строил и ремонтировал богадельни, больницы, сиротские дома и т.д. Его законы обеспечивали также хорошее

управление всеми этими филантропическими институтами и охрану их собственности.

Православная Церковь никогда не забывала трудов, любви и преданности Юстиниана. Несмотря на сомнения, высказывавшиеся некоторыми историками в православности Юстиниана, сомнения, основанные на единичном свидетельстве Евагрия, Церковь всегда высоко оценивала труды и личность Юстиниана и справедливо причислила его к лику святых. Православный мир и по сей день отмечает его память 2 августа.

Завершая наше исследование, сделаем несколько заключительных замечаний по поводу отношений между религиозными убеждениями и религиозной политикой Юстиниана.

Наше глубокое убеждение, которое мы хотели доказать в настоящем исследовании, состоит в том, что религиозные убеждения и религиозная политика императора Юстиниана находились в тесном единстве и постоянной внутренней взаимозависимости. Действия императора в отношении различных религиозных проблем его времени полностью соответствовали его православным убеждениям. Внутреннее взаимодействие, обнаруживаемое между православием и религиозной политикой Юстиниана, позволяет заключить, что первое было причиной и движущей силой второй. Причинные отношения между верой и политической практикой императора проявляются во многих его поступках. Его активное участие в обсуждении религиозных проблем его времени, его законодательные религиозные труды, его филантропическая деятельность – все это может быть объяснено лишь как следствие и результат веры. Кроме того, некоторые общие черты веры и практики императора, такие, как, например, свойственный обеим абсолютный характер и определенный консерватизм, свидетельствуют об их внутреннем взаимодействии и взаимозависимости. Мы считаем, что все это подтверждает правильность наших взглядов и заключений о религиозной политике и религиозных убеждениях Юстиниана, изложенных в настоящей работе.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава II Юстиниан и его время.

47. Прокопий "О постройках" IУ.I.I7 : "В области европейских дардан-нийцев, по ту сторону от Эпидамна, недалеко от крепости Бедериана находилась деревушка Тавризион, откуда родом император Юстиниан, основатель цивилизованного мира." Согласно Агафию, Бедериана была г родом, которому Юстиниан дал имя Юстиниана Прима. Н.Вулич полагает, что Бедериана находилась в районе Ниша, а не в районе Скопье.

60. Прокопий "Тайная история" УIII,I2: "Он был не высок и не низок а среднего роста. Он также не был худ, а скорее несколько полон; имел круглое и довольно привлекательное лицо, остававшееся румяным и после двух дней поста."

65. Прокопий "Тайная история" XII,27: "Он не знал сна, как такового и никогда не наедался и не напивался, но обычно, только тронув пищу кончиками пальцев, он шел по своим делам..." "О постройках" I.УII: "Он мог два дня совсем обходиться без пищи, вставая при этом с восх дом, чтобы продолжить свои заботы о государстве, словом и делом управляя его жизнью с ранней зари до поздней ночи. Ихотя поздно ночью он удалялся ко сну, он сразу же вставал опять, как будто пос-тель его была ему невыносима. В питании своем он воздерживался от вина, хлеба и других продуктов и ел только травы, и то исключитель-но дикие, приправленные солью и уксусом, а единственным питьем его была вода. И даже этих продуктов он никогда не ел вдоволь , но, са-дясь за стол только пробовал любимые кушанья и оставлял их, не наев-шись."

75. "Я клянусь всемогущим Богом, его единородным сыном Господом наш Иисусом Христом и Святым Духом ... быть верным нашим Императорским

Величествам Юстиниану и Феодоре, его супруге; выполнять в величайше преданностью те обязанности управления империей, которые они в сво доброте доверили мне. Я клянусь посвятить все свои силы этой цели, без всякого обмана и хитрости."

84. Как пишет К.Эсмарх," Пандекты и по сегодняшний день являются классическим произведением римского права. Они суть тот ковчег, в котором духовное юридическое богатство спасается от потопа и дико варварства."

87. Новеллы Юстиниана рисуют характерную картину его религиозной по тики. Из 168 Новелл 99 касаются проблем религии. Они дают возможнос исследовать отношения между Церковью и государством, а также улови дух законодательной деятельности Юстиниана. Их изучение позволяет лучше понять Corpus Juris Civilis и отношение римского права к христианской духовности. К сожалению, однако, Новеллы до сих пор привлекали меньше внимания, чем остальные части Corpus Juris Civilis . Причина этого заключается в отсутствии непосредствен- ной близости между содержанием Новелл и римским законодательством прежних эпох. Поэтому они до сих пор не были переведены на англий- ский язык. Существует,правда, неполный и неточный перевод, выполне ный С.П.Скоттом.

Как замечает П.Н.Юр ,"возможно, наиболее привлекает в Новеллах то, как в них постоянно прорывается допущение подверженности чело- века ошибкам. Те, кто черпает вдохновение в пророках, священных и мирских, не найдет в законодательстве Юстиниана свежего источника божественного огня, но,может быть, станут с больше симпатией отно- ситься ко времени, которое знало пророков и искало спасения в законе

Глава III Юстиниан как писатель и богослов.

I. "Мы верим, что истинная и незапятнанная христианская вера есть первое и величайшее благо, которым может насладиться человек; что

ее должно всячески укреплять и что священники всей земли должны объ
единиться для ее проповеди и не допускать никаких ложных учений, ка
это предписано нашими законами и эдиктами."

5. А.Кнехт: "Слово "автор" применительно к императорским указам
следует понимать только в том смысле, который в него издавна принят
вкладывать. Автор - человек, который работает над произведением,
издает его под своим именем и несет за него ответственность."

3I. Точная датировка декрета связана с многочисленными трудностями.
Е.Шварц полагает, что декрет был написан между 543 и 546гг., то ест
в период между написанием предыдущего декрета /543/ и смертью Гела-
сия, настоятеля Великой Лавры в Палестине. В том же году умер анти
хийский патриарх Ефрем, принявший декрет. Впрочем, точная дата смер
Ефрема неизвестна, поэтому некоторые исследователи датируют декрет
546г. /.../ Другие датируют произведение 545г./.../ Эта датировка
представляется более обоснованной, так как больше соответствует
их
описанию последовательности событий современниками.

4I. Недавно Х.Хунгель исследовал вопрос о степени участия импера
в подготовке и написании императорских законов и пришел к заключе-
нию, что некоторые документы были написаны или продиктованы лично
императорами.

46. "Во имя Отца, его единородного Сына,Господа нашего Иисуса Христ
и Святого Духа. Император кесарь,христолюбивый Юстиниан ...., всем
верующим католической и апостольской Церкви"

89."Когда этот закон будет издан и станет известным всем, Вам надле
жит поместить его в церкви вместе со священной утварью, как посвяще
ный Богу и написанный для охранения созданных Им людей. Ваше высо-
чество поступит е еще большей пользой для подвластных Вам лиц, если
прикажет начертать его на плитах или на камне и поместить на церков-

ных дверях, чтобы людям была предоставлена возможность прочитать указ и ознакомиться с его содержанием."

98."Настоящим законом мы решаем вопрос, нередко возникающий при управлении общественной жизнью. Когда церковный приговор смещает не достойного священника ... правительство всегда подтверждает этот акт Церкви."

III. Церковное учение о Троице прошло через много стадий, прежде чем было окончательно сформулировано. Почти все богословы первых четырех веков занимались этим вопросом. Основное направление, однако, было задано Афанасием Великим, который дал систематическое изложение учения о Троице. Источниками, по которым можно судить о его учении, являются его четыри "Проповеди против ариан" и его произведения против ариан и арианства. Окончательную форму это учение православной Церкви обрело в сочинениях трех каппадокийцев. Дальнейшего развития оно на Востоке не получило. Их учение об этом церковном догмате изложено в следующих произведениях: Василий Великий, пять "Проповедей против Евномия", Григорий Назианзин, пять "Богословских проповедей" Григорий Нисский, двенадцать "Проповедей против Евномия". На Западе учение о Троице в основном развивал Августин в своем трактате "О Троице."

II[?].

II[?].

Глава IУ Юстиниан и нехристиане.

I. "Мы убеждены, что истинная и незапятнанная христианская вера есть первое и величайшее благо, которым может насладиться человек."

35. Вполне естественно, что при таких условиях обращение в христианст было не всегда искренним. Глубоко укоренившиеся обычаи и убеждения не могли быть сразу оставлены. Характерно следующее замечание Прокопи относительно неискренних обращений нехристиан: "Он /Юстиниан/ тогда н стал преследовать так называемых "греков", подвергая их физическим ли-шениям и грабя их имения. Но даже те из них, кто на словах решили принять христианство, надеясь таким образом избавиться от гонений , и они вскоре были заставаемы за своими возлияниями, жертвами и другими нечистыми делами." /"Тайная история XI,3I-32/.

72. В прошлом имела место длительная дискуссия о термине Deuterosis и его значении. Согласно мнению С.Крауса, Юстиниан, употребляя этот термин, имел в виду всю устную традицию иудеев. Дж.Абрахамс полагал, что Юстиниан имел в виду "традиционный раввинский перевод Закона - Таргум." Кипрский епископ Епифаний считал, что термин Deuterosis обозначает толкование некоторых текстов Ветхого Завета, объявляемое раввинами в синагогах. А.Кнехт убежден, что "Deuterosis" значит нечто иное, как разъяснение Писания с опорой на традицию в сочетании с определенными правилами применения учения к современности."

73.87. Новелла CXXIX,I: "Мы полагаемся на справедливые утверждения Святейшего епископа кесарийского Сергия об улучшении их поведения и обещаниях не нарушать мира в будущем."

92. "Пусть все, заслужившие наше снисхождение, благодарят Бога, нас и святейшего Сергия, сподвигнувшего нас оказать его."

Глава У. Юстиниан и христианские еретики.

[illegible]. "Когда судьи нашей империи будут оповещены обо всех деталях настоя-щего закона, им надлежит использовать все средства, предписанные церковными правилами, чтобы этот закон соблюдался . ибо проявившие [illegible]"

69. О том, как проходила встреча, нам известно со слов Иннокентия, епископа Маронии, одного из представителей партии православных. В первых заседаниях Юстиниан не участвовал, чтобы не стеснять своим присутствием свободы дискуссии. "Я не желаю ни присутствовать на собрании ни оставлять его в пренебрежении, но пусть заседает вместе с вами славнейший патрикий Стратегий." Однако после того, как на первых четырех заседаниях так и не было достигнуто удовлетворительного результата, Юстиниан сам взял на себя функции председательствующего.

107. Этот критицизм монофизитов впервые проявился в 511г., когда епископы Исаврии и Каппадокии собрались на поместный Собор в Сидоне. Они предали анафеме Диодора Тарского, Феодора Мопсуэстийского, Феодорита Киррского, Иву Эдесского и других писателей, в сочинениях которых обнаруживались несторианские тенденции. За этот экстремизм монофизитов православные отплатили той же монетой. Когда православный епископ Киррский Сергий вернулся из ссылки, он организовал торжественную процессию, участники которой провезли на колеснице портрет его предшественника Феодорита. Он также установил специальный праздник в честь Феодорита Киррского, Диодора Тарского, Феодора Мопсуэстийского и Нестория. За это он был извергнут из сана.

110. "Главами" в то время называли положения, в которых предавались анафеме отдельные идеи и личности.

111. Нежелание Юстиниана менять установившегося церковного порядка подчеркивалось им в декрете против Оригена /543/

113. Согласно свидетельству Факунда, который был наиболее яростным противником декрета, события разворачивались по-другому. Патриарх Анна, узнав об издании декрета, сначала пребывал в сомнениях. Он чувствовал, что декрет нацелен против Четвертого Вселенского Собора. Подписавшие декрет константинопольские епископы послали пасквили папским представителям в Константинополе, утверждая, будто они подписали

декрет под нажимом патриарха Мины. Прежде чем подписать декрет, Мина заявил, что его подпись будет аннулирована, если декрет не будет подписан также и римским епископом. Сообщение Факунда заслуживает внимания. Однако в то, что патриарх еще до подписания декрета требовал от Юстиниана аннулирования своей подписи в случае неподписания его другими патриархами, поверить едва ли возможно. В противном случае было бы невозможно объяснить перерыв в отношениях между папским представителем Стефаном и патриархом и разрыв отношений папой Виталием после его прибытия в Константинополь. Чувствуется, что Факунд сознательно опускает упоминание о поместном Соборе, поскольку решения Собора существенно ослабили бы его аргументацию. В то же время созыв Собора есть несомненный факт, ибо император всегда следовал обычаю утверждать свои декреты собором епископов. Так он поступил, например, издав декрет против Оригенистов /543/ или теопасхический декрет/533/. Свидетельство Факунда, что Мина обещал аннулировать свою подпись, если папа не подпишет декрета, также недостоверно, поскольку, когда все патриархи, кроме папы, подписали декрет, Мина не отменил своей подписи.

II5. В александрийской школе, основанной Пантеном и развитой Климентом и Оригеном, сформировался особый тип богословского мышления. Александрийские богословы использовали аллегорию для толкования Священного Писания. В рамках этой школы получил развитие монофизитизм. Александрийской школе была противопоставлена антиохийская. Основанная пресвитером Лукианом и развитая Диодором Тарским, она стала центром толкования Священного Писания. Ее представители делали акцент на буквальном и историческом толковании текста. В христологическом отношении антиохийские богословы пытались доказать, что в Христе было две природы, которые существовали, не смешиваясь и не изменяясь, будучи различными и противоположными - тленной и нетленной. Отсюда берет свое начало несторианство.

116."Ефрем Антиохийский, когда декрет был впервые ему представлен, чтобы он подкрепил его своей подписью, не дал своего согласия. Но после того, как ему было объявлено, что он будет низложен, если не сделает этого, он проявил себя ставящим сан выше истины."

117. Это свидетельство должно согласоваться с проповедью настоятеля Великой Лавры Геласия, прочитанной им монахам перед его отправлением в Константинополь.

118. Факунд, В защиту... IУ:"А Петр Иерусалимский? Разве он публично не заявлял, что, когда с ним встретилась большая группа монахов, он поклялся, что всякий, сочувствующий новому декрету будет действовать против Халкидонского Собора? И все же он не удержался от согласия с ним."

122. То, что Юстиниан пытался побороть страх епископов, боявшихся принижения авторитета Халкидонского Собора, видно из текста Новеллы CXXXI /545/ в которой подчеркивается его вера в четыре Вселенских Собора. "Поэтому мы приказываем, чтобы священные церковные правила, принятые и утвержденные четырьмя Соборами -Собором 118 епископов в Никее, 150 епископов в Константинополе, первым Собором в Эфесе, на котором был проклят Несторий, и Халкидонским Собором, предавшим анафеме Евтихия и Нестория, -чтобы правила этих Соборов почитались бы как закон. Мы принимаем учение этих четырех Соборов как священное писание и рассматриваем их правила как действенное законодательство." Действительно, Факунд сообщает, что Юстиниан сделал следующее заявление относительно Халкидонского Собора: "Если кто говорит, что мы постановили это ради уничижения или низложения святых отцов, бывших на Халкидонском Соборе, да будет анафема:"

126. Ферранд, письмо к Пелагию и Анатолию, дьяконам Рима: "Поэтому каждый, придерживающийся особого мнения и считающий свое мнение правильным, должен спорить, говорить, писать -особенно по религиозным

вопросам -с такой благочестивой набожностью, чтобы не заставлять другого, против его воли, подчиняться своим словам. И он не должен думать, что мнение одного человека столь ценно, что составляет высший авторитет для тех, чье мнение отлично. Всякий, кто исповедует истинное учение, может письменно выражать свои чувства, но не таким образом, чтобы заставлять других подписываться под тем, что было им написано."

I28. "Пусть каждый будет свободен, прочитав приказанное другим человеком, не воспринимать его утверждение как если бы это было каноническое писание."

I29. "Все, что связано с Халкидонским Собором, есть истина; ни в одной своей части его установления не содержат ошибки. Все сказанное, постановленное и подтвержденное там, было создано несказанной и тайной властью Святого Духа."

I30."Так что живым не следует устраивать скандалов вокруг имен наших умерших братьев."

I37. Е.Шварц полагает, что декрет против "Трех глав" не был послан папе Вигилию. Такое упущение со стороны Юстиниана немыслимо. Оно полностью противоречило бы его практике посылать декреты пяти патриархам.

I38. Согласно биографии папы Вигилия в Liber Pontificalis , его визит в Константинополь был обусловлен совершенно иными причинами. В время божественной литургии в церкви св.Цецилии посланные Юстинианом лица вошли в церковь и,схватив папу, увезли его в Константинополь. Юстиниан был вынужден применить насилие, поскольку римляне обвиняли папу в свержении его предшественника Сильверия, плохом обращении с жителями Рима и в смерти двух человек. Поэтому папа Вигилий прибыл в Константинополь не по своей воле, но,скорее, как обвиняемый. Однако эта информация противоречит известным фактам. Вигилий отправился в Константинополь не из Рима, а из Сицилии. В Константинополе он был

встречен с великими почестями, а отнюдь не как обвиняемый. Факунд /"В защиту..." I6-I8/ и епископ тунунский Виктор, также противник императорского декрета, утверждают, что Вигилий отправился в Константинополь, чтобы быть принужденным принять декрет. Это свидетельство не заслуживает особого внимания. Если бы Факунд и Виктор могли его как-то подтвердить, они, несомненно, сказали бы по этому поводу намного больше, а не ограничились кратким замечанием.

I44. Письмо Юстиниана не сохранилось. Информация о нем содержится в письме Вигилия патриарху Мине.

I46. "Мы же, напротив, свидетельствуем, что он погрешил обещанием из-за тщеславия, и не вынеся оков, которым, как говорят, был предан." Согласно миланскому духовенству, Вигилий уступил под сильным давлением императора. "Но когда папа Вигилий, со своей стороны, не пожелал принять декрет, тогда к нему было применено насилие, так что он публично воскликнул на заседании: "Свидетельствую, что хотя меня вы держите пленником, блаженного апостола Петра пленником сделать не можете! "

I47. Согласно Парижскому кодексу I682/IXв./, 28 мая 547г. Юстиниан послал папе Вигилию следующие документы: письмо императора Константина I Церквам Александрии и Антиохии, оправдывающее вмешательство императора в церковные дела; вступительные замечания императора Маркиана к участникам Четвертого Вселенского Собора. Этими документами Юстиниан хотел подтвердить свое право вмешательства в дела Церкви.

I47. Факунд указывает, что количество участников было "около 70".

I50. *Iudicatum* не сохранился. Информация о нем содержится в письме императора Пятому Вселенскому Собору.

I55."Сенат Иллирика писал к императору, защищая "Три главы" и прокля
епископа Юстиниана Примы Бенената, с пренебрежением говорившего о них

I60."Мы обсуждали это на соборе епископов Африки, Иллирика и других
областей, ощущая необходимость присутствия тех, кто был наиболее воз-
мущен."

I64.Юстиниан не отправлял в ссылку противников своей религиозной по-
литики, как утверждает В.Певесин. Возможно, он освобождал епископ-
ские престолы, возводя на них своих единомышленников. Так, на престол
Карфагена он возвел константинопольского представителя,дьякона При-
моса, вместо низложенного по политическим причинам архиепископа
Репарата. Император убедил Примоса отменить решения африканского
Собора.

I65. Эти акты были зачитаны на Пятом Вселенском Соборе и включены в
его акты.

I66. В.Певесин утверждает, что это произведение императора представля
ет собой систематическое опровержение аргументов Факунда, изложенных
в его трактате "В защиту..."

I68. В прологе отсутствует обычное в других декретах слово *Hespizomen*
/мы приказываем/.Его стиль напоминает стиль других богословских со-
чинений. Просветительский характер декрета проявляется также в его
эпилоге.

I73. Декрет был подписан Вигилием, Дацием Миланским и десятью италь
скими и африканскими епископами.

I74.Миланское духовенство утверждает, что Вигилий бежал в базилику
св.Петра, чтобы избежать императорского гнева, вызванного его реакци
на декрет.Сам Вигилий, однако, не объяснил своих мотивов.

I75. Ч.Диль говорит, что Юстиниан приказал захватить папу.

I78. О преследованиях упоминает только Вигилий в своих письмах. Поэто
му с уверенностью нельзя сказать, имели ли они место в действительно
сти.

179. Значение этого факта может быть правильно понято, если учесть, что еще с четвертого века закон запрещал всем, кроме императора и высших имперских сановников, пользоваться колесницами в столице.

180. "Мы действительно попросили убежища в этой базилике не из корыстных и личных соображений, но только из-за разразившегося в Церк скандала, ставшего известным уже всему миру за его грехи."

187. "Но из Иллирика никто не пожелал приехать."

191. Вигилий сам указывает дату: "Как и остальные епископы, он отправил нам послание в день Богоявления."

194. Правда, Четвертый Вселенский Собор действовал, основываясь на патриаршеской системе.

195. Об этом свидетельствует духовенство Милана: "Тогда он сказал светлейшему императору: "Пусть братья наши прибудут сюда из всех провинций, по пять епископов из каждой, и мы мирно все обсудим и вынес заключение, удовлетворяющее всех." "Если кто-нибудь из греческих епископов, хотя бы и на Вселенском Соборе, предпримет какие-либо действ в отношении этих глав или согласится с поступающими таким образом, будет отлучен апостольским престолом."

198. об этом мы узнаем из первого *Constitutum* папы."Когда это было установлено, мы пожелали, о достопочтенный император,/ как мы просил о том часто в наших молитвах/, отправиться в Италию или в Сицилию и собрав там латинских священников Африки и других провинций, находящихся в священном подчинении нашей Церкви, обсудить этот вопрос согл но обычаю и послать Вашему Благочестию тщательно подготовленное реше ние по вопросу о трех главах."

199."Поскольку Ваша Светлость отклонила наш план, мы предлагаем й е снова. Мы назовем Вашей Милости имена епископов из вышеназванных про ций, которые вместе с нами примут участие в обсуждении, а Ваша Мило позволит им прибыть сюда. На это мы даем согласие из любви к церкви миру. Наши братья епископы недавно с радостью узнали, что незадолго

до святого дня Пасхи Ваше Благочестие приняло решение, чтобы мы, в том количестве епископов, которое находится в Константинополе, принялись за обсуждение трех глав, согласно вышеизложенной позиции наших братьев епископов."

200. Об этом мы узнаем из "Слова" императора, посланного Пятому Вселенскому Собору: "А теперь честнейший Вигилий пришел в разлад с собственной волей, не желая встретиться со всеми, как о том было договорено, но лишь с тремя патриархами и одним епископом." Подтверждение этому находим в ответе, данном Вигилием посланным к нему представителям Собора: "Однако он сказал нам: "Я не могу встретиться со всеми, но лишь с равным числом. Поэтому пусть со мной будет три епископа, с другой стороны - три патриарха и еще один епископ, и тогда нас будет четверо против четверых, и мы сможем договориться между собой о том, что решить относительно "Трех глав".

201." Узнав об этом, мы часто предлагали ему, посылая к нему наших чиновников и некоторых из вас, собраться вместе со всеми и прийти к общему заключению, согласному с истинной верой."

202."Если он на это не согласен,может быть, он согласиться, чтобы дело было решено посредством контрадикции, путем назначения судей согласно обычаю соборов и наших предшественников. Они/судьи/ заслушав каждую из сторон, примут заключение; ибо один и тот же человек не может участвовать в споре и быть судьей этого спора."

205. "Или,если кто-то считает свою позицию правильной, пусть ему будет предоставлена возможность ясно объявить ее."

206. О неприятии его предложения о встрече "exaequato numero" Вигилия было доложено судебным чиновником Феодором.

207. "К нашим братьям епископам, от которых вы, как говорят, потребовали ответа, мы послали нашего дьякона со следующим указанием. Поскольку предложенный метод обсуждения был отвергнут, пусть они,по крайней мере

принимая во внимание мою физическую слабость, о которой им известно, подождут двадцать дней до получения моего решения относительно "Трех глав". Таким образом будет соблюдено древнее установление, чтобы они не вздумали принять своего решения, пока не будет объявлено мнение апостольского престола, на котором мы председательствуем милостью Божией. Иначе скандал, уже утихший, может возобновиться опять."

213. Как известно, Константин Великий присутствовал на Первом Вселенском Соборе; Великий Феодосий - на Втором Вселенском Соборе, Кандидиан был представителем императора ФеодосияII, высокопоставленные государственные сановники и сенаторы участвовали в заседаниях Четвертого Вселенского Собора. Это дало основание Х.Гельцеру назвать Соборы "имперским парламентом" и сравнивать их с заседаниями римского сената.

216. Е.Штайн говорит об очевидной независимости Собора: "Расчитывая на единодушное подчинение Собора, Юстиниан мог позволить себе скрупулезное уважение ко его независимости." Р.Хааке утверждает также, что этот Собор больше, чем все остальные, испытывал влияние со стороны: "В действительности до сих пор еще не было Собора, который бы находился под столь сильным влиянием двора, как Собор в Св.Софии. Юстиниан был совершенно уверен в своих епископах и управлял их действиями издалека. Таким образом он был в состоянии придать Собору видимость независимости и достичь тем самым своей цели."

217. В качестве примеров укажем, хотя бы, на Разбойничий Собор 449г. и иконоборческий Собор 754г., решения которых были приняты под нажимом со стороны. Позднее, однако, они были отвергнуты Церковью/ первый - 451г., второй - в787г./

218. Усилия моих предшественников, православных императоров, были все направлены на улаживание споров по вопросам веры путем созыва Соборов. С этой целью Константин собрал 318 отцов в Никее и сам председательствовал на Соборе, Феодосий - 150 отцов в Константинополе, Феодосий Младший - Собор в Эфесе, император Марциан - епископов в Халкидоне;

219. "Когда благодать Господня возвела нас на трон, мы сочли своим первейшим делом вновь объединить святые Церкви и добиться всеобщего признания Халкидонского Собора, а также трех, ему предшествовавших."

220. "Несториане хотят навязать Церкви свою ересь. А поскольку с этой целью они не могут использовать имя Нестория, они попытались воспользоваться учением Феодора Мопсуэстийского, учителя Нестория, проповедывавшего еще большую ересь, чем сам Несторий. Он утверждал, например, что БогСлово - это одно, а Христос - другое. С этой же целью они использовали и неблагочестивые сочинения Феодорита, направленные против первого Собора в Эфесе, Кирилла и его двенадцати глав, а также позорное письмо Ивы..."

221. " Мы далее заявляем, что прочно держимся решений четырех Соборов и во всем следуем святым отцам Афанасию, Илариу, Василию, Григорию Богослову, Григорию Нисскому, Амвросию, Феофилу, Иоанну/Златоусту/ Константинопольскому, Кириллу, Августину, Проклу, Льву и их сочинениям об истинной вере."

222. "Ибо он, который, будучи спрошен об истинной вере, откладывает надолго свой ответ, тем самым отрицает истинную веру. Ибо в том, что касается вопросов и ответов о вере, Богу угоден не почитаемый первый или второй, а тот, кто с наибольшей готовностью предъявляет ему свое правое исповедание."

226. " Он /Виталий/ ответил, что не встретится с нами. Он сказал, что здесь много восточных епископов, а при нем находятся немногие. Поэтому он еще раз попросил благочестивейшего императора пригласить из Италии еще и других епископов."

227. "Встреча не может быть отложена под удобным предлогом ожидания прибытия других епископов, и нельзя отделять западных епископов от восточных, ибо все они едины друг с другом."

228."Теперь, однако, действительно, здесь присутствует много епископов из Италии, а также приехавших из Африки и Иллирика."

229."Ибо и на четырех Вселенских Соборах никогда не было много западных епископов, но только два или три епископа и еще несколько духовных лиц."

230. "Мы, однако, ответили ему, что никогда не обещали ждать западных епископов, и что, насколько нам известно, благочестивейший император не давал такого обещания."

231. "При столь столь значительном количестве собравшихся епископов не достоит только трем или четырем из них встречаться и обсуждать дела между собой, в отсутствие других епископов и при неуважении к ним. "Лучше, когда [illegible] священники встречаются, чтобы объединиться в мил сердии и выработать общее заключение о предмете обсуждения, чтобы затем, ознакомить с ним остальных священников."

232. "К тому же не достоит патриархам, чтобы при их встрече присутствовал только один епископ."

233 "Но если вы хотите, чтобы было по-вашему, необходимо, чтобы каждый из патриархов имел при себе столько же епископов от своего диоцеза, сколько будет при Вашем блаженстве."

236. Многие исследователи пытались установить истинность или подлинность этих фрагментов из сочинений Феодора. Р.Девресссе доказывал, что фрагменты из толкований Феодора не являются подлинными. Того же мнения придерживался и М.Ричард. В противоположность названным ученым Х.Восте защищал подлинность данных фрагментов. Однако до сих пор не было исследовано отношение этих фрагментов к ереси Нестория, мнениям Кирилла Александрийского, Прокла Константинопольского и тех Отцов, которые писали об учении Феодора Мопсуэстийского.

238. О.Гюнтер сопоставил первый *Constitutum* с актами Собора и установил, что из 71 главы актов 60 включены в *Constitutum* .

241. Фрагменты из произведений Августина и актов африканских соборо

были представлены на Соборе Секстилианом, как специальный вклад африканской Церкви. Секстилиан, встав в центре, сказал:"Поскольку было провозглашено святое Евангелие и необходимо, чтобы каждый объявил, что он знает о вещах, относящихся к предмету обсуждения, я заявляю...Дьякон и секретарь взяли из его рук документ и прочли его вслу

244. "Поскольку мы уже достаточно изучили "Три главы", давайте на следующем заседании решим, как нам поступить с ними."

246."Итак, после всего того, что он сделал, мы сочли его имя чуждым христианам и недостойным быть занесенным в священные диптихи, дабы н не упрекнули в том, что мы разделяем неблагочестие Нестория и Феодор Поэтому мы сначала устно передали вам , а теперь и письменно заявля с нашими префектами, что его имени не место в священных диптихах.Сами мы при этом сохраняем общение с апостольским престолом, и вы так же, несомненно, сохраните его. Ибо перемена к худшему в отношении к Вигилию или какому-либо другому лицу не может никогда повредить миру Церквей."

248."Священный Собор заявляет: решения,принятые благочестивейшим императором, находятся в полном соответствии с его трудами для укрепления единства святых Церквей. Давайте поэтому сохраним единство с апостольским престолом Церкви древнего Рима, во всем действуя согласно содержанию этого почтенного предписания."

253. "Мы приняли такое решение, поскольку эти люди были законно пров ти по всем правилам православной веры властью апостольского суда."

254. Вигилий получил от Факунда тексты Отцов, чтобы подкрепить свою позицию, хотя сам он об этом и не упоминает.

255."Мы не осмеливаемся проклять его своим судом и не можем допустить чтобы он был проклят кем-то еще."

256."Мы приняли решения по этим вопросам, тщательно изучив их. Итак, Мы запрещаем делать или утверждать что-либо несправедливое или пре небрежительное по отношению к честнейшему из участников Собора р

кидоне, Феодориту, епископу Киррскому. Во всем должно быть соблюдаемо почтительное отношение к его личности. Мы также предаем анафеме и пр клинаем все писания или учения, в которых высказываются идеи, согласные с ошибками неблагочестивых Нестория и Евтихия."

257. "Поэтому данные вопросы обсуждались со всем вниманием и предосторожностями, дабы соблюсти абсолютное уважение к достопочтенным решениям вышеназванных соборов. Памятуя предписание не преступать предел положенных нашими предшественниками, мы решили и приказываем, чтобы отныне никто в Церкви не смел высказывать мнений, противных изложенному в настоящем постановлении относительно столь часто упоминаемых трех глав, а также учить, писать и вообще разрабатывать дальше данный вопрос после настоящего определения. Все, что было сказано или будет сказано и написано об этих трех главах, противное настоящему постановлению, мы отвергаем властью апостольского престола, на котором мы по Божьей милости председательствуем."

258. Из 152 епископов 3 не поставили своих подписей. Однако позднее акты подписали еще 16 епископов. Как считает Е.Хрисос, порядок следования подписей в сохранившемся списке показывает, что этот список возник не на последнем заседании, а несколькими месяцами позже.

260. Евагрий свидетельствует, что Собор интенсивно занимался заблуждениями Оригена и его последователей и что все его решения подлежали утверждению императором. Кирилл Скифопольский в биографии св. Саввы говорит более конкретно: "Общей и соборной анафеме был подвергнут Ориген...за учение о предсуществовании и восстановлении, а вместе с ним Евагрий Понтийский и Дидим Пустынник."

268. Недавно О.де Урбина подверг сомнению подлинность письма, сославшись на то, что оно дошло до нас в единственном списке, как будто это единственный документ, который вообще дошел до нас из прошлого! К тому же, как показал Е.Хрисос, письмо содержится также в рукописи XIIIв. из монастыря Ивирон на Афоне.

273. "Тогда собралось духовенство, и один из них попросил Нарсеса, чтобы они вместе с ним обратились к императору с просьбой вернуть домой папу Вигилия, если он еще жив, а также дьяконов и священников и других духовных лиц, высланных вместе с ним."

274. Подлинный греческий текст актов Пятого Вселенского Собора сохранился только частично. Латинский перевод дошел до нас в двух вариантах, кратком и пространном. Исследования показали, что пространный вариант представляет собой перевод актов, осуществленный сразу после окончания Собора. Второй вариант перевода был сделан с исправленного греческого текста, который папа Вигилий получил после своего прибытия в Италию и который он мог использовать в борьбе против оппозиции на Западе.

296. В прошлом Ричард Кракантроп в своей брошюре "Император Юстиниан" защищал православие императора от Кардинала Баронния. Более успешно эту точку зрения отстаивал В.Х.Хаттон в своей книге "Церковь шестого века". А.Кнехт, также защищавший православие императора в своей диссертации, подчеркивает следующее: "Можно с уверенностью сказать, что об афтарсии, в смысле бесстрастности до воскресения, Юстиниан не учил. Он говорил о тленности тела Христа, возвышенного в гипостатическом союзе."

307. Биограф патриарха Евтихия Евстратий говорит о связях Юстиниана с афтартодокетизмом. Поскольку сочинение Евстратия не упоминается древними авторами, мы полагаем, что это поздний агиографический текст, лишенный исторической ценности. Поэтому в дальнейшем мы не используем его.

Глава VI. Юстиниан и православная Церковь.

2. "Ибо все кончается счастливо там, где было соответствующее начало согласное с волей Божией. Мы полагаем, что все так и будет, если будут выполняться священные правила Церкви, объясненные нам и от

ненные для нас справедливыми, достохвальными и возлюбленными Апос
лами, созерцающими, несущими и служащими слову Божьему, и святыми
отцами."

I5.Новелла CXXXVII,2.Юстиниан был серьезно озабочен проблемой симо-
нии. Очевидно, в его время такие случаи были нередки. Поэтому в Но
ле CXXIII /546/ он много говорит об этом и определяет размеры даро
которые рукоположенные епископы могут преподносить епископам, сов
вшим хиротонию. Ценность дара зависела от благосостояния места,
которое назначался новый епископ.

I6.Новелла CXXXIII ,2: "Если кто-нибудь будет рукоположен в епис
копский сан вопреки настоящим предписаниям, мы приказываем, чтобы
он был изгнан из епископата и чтобы епископ,который совершал хирот
нию, был отстранен от службы сроком на один год, а все нажитое им
в любое время и при любых обстоятельствах имущество было обращено
в собственность Церкви, епископом которой он является."

I7. Новелла CXXIII,2: "Если кандидат в епископы обвиняется в чем-т
что по законам или канонам может воспрепятствовать его хиротонии,
она должна быть отложена, и, независимо от того, присутствует ли
обвинитель обвинитель и сам ведет дело или откладывает подтвержде-
ние обвинения на три месяца, обвинение должно быть тщательно изуче
епископом, которому предстоит совершить хиротонию. Если кандидат
будет найден виновным, хиротония отменяется, но если он окажется
невиновным, он должен быть рукоположен, а обвинитель,не доказавший
своего обвинения или отказавшийся от него, должен быть выслан из
провинции."

I8. Новелла CXXIII,2: "Если, однако, обвиняемый будет рукоположен,
прежде чем будет заслушано обвинение, он должен быть извергнут из
сана, а епископ, поспешивший рукоположить такого человека, должен
быть наказан вышеописанным образом: он должен быть отстранен на го
от выполнения священнических обязанностей, а имущество его должно
быть конфисковано и передано Церкви."

19. Новелла CXXXI,13: "Мы еще раз запрещаем святейшим епископам передавать своим родственникам или другим способом отчуждать имущество, движимое,недвижимое или способное к самостоятельному перемещению, приобретенное каким бы то ни было способом после их вступления в должность. Они, однако, свободны использовать его на благо своей церкви."

22. Новелла CXXIII,9: "Мы запрещаем возлюбленным Богом епископам покидать свои церкви и отправляться куда-либо. А если им это действительно необходимо, они не должны отправляться, не имея при себе письма с разрешением блаженнейшего патриарха или митрополита или приказа императора."

25.Новелла XI II6предисловие: "Настоящим законом мы решаем вопрос, нередко встающий при управлении общественными делами. Когда церковный приговор смещает недостойных священнического звания или святых престолов Церкви, правительство всегда подтверждает этот акт Церкви. Таким образом, божественные и человеческие установления объединяются для вынесения справедливого решения."

26. Новелла CXXIII,11: "Если епископ, отставленный от священства согласно церковным канонам, осмелится оставить место, указанное ему для жительства, и вернуться в город, из которого он был изгнан, его надлежит поместить в монастырь, находящийся где-нибудь в другом районе."

27. Новелла CXXIII,4: "Если лицо, возведенное в епископский сан, находилось до этого под опекой родителей, оно освобождается от этой опеки самим фактом хиротонии."

28. там же: "Мы приказываем, чтобы епископы были освобождаемы от положения рабов или слуг после их хиротонии."

29. там же: "Никто не может заставить почтенного епископа предстать перед судом для дачи свидетельских показаний, но судья может послать к нему одного из своих чиновников, чтобы епископ рассказал что он

знает, перед Святым Евангелием, как подобает священнику."

40.Новелла CXXIII,10: "Мы приказываем, чтобы все блаженные архиепископы, патриархи и митрополиты созывали вместе всех подчиненных им епископов провинции на собор, один или два раза в году. . . . Мы приказываем, чтобы один собор собирался в каждой провинции в июне или сентябре."

41. Новелла CXXXVII, 4:"Ибо святые Апостолы и Отцы указывали, чтобы каждый год в каждой провинции проводилась встреча трех прелатов которые бы рассматривали церковные споры и принимали соответствующие решения."

42. Новелла CXXIII,10: "Чтобы церковная дисциплина строго поддерживалась, а священные каноны соблюдались."

43. Новелла CXXXVII, 4: "Все те, кто, не имея права рукополагать других епископов, сами были рукоположены патриархами, должны встречать в домах последних.Так же и митрополиты всех провинций должны собирать у себя дома епископов, которых они рукополагали."

44. там же : "Мы желаем, чтобы церковные вопросы, имеющие отношение к вере,каноническим положениям, управлению церковным имуществом, требованиям,предъявляемым к дьяконам,священникам,епископам,настоятелям и монахам, их обвинениям, и наконец, ко всем вопросам, требующим разрешения, обсуждались и изучались на каждом соборе и чтобы злоупотребления устранялись согласно нашим законам и священным канонам."

45. там же,5: "Мы не только приказываем, чтобы такого рода дела обсуждались на ежегодных соборах, но также указываем, чтобы на них вершился суд над священниками,духовными лицами, настоятелями, монахами, обвиненными в отпадении от веры, недостойном поведении и любых других нарушениях священных канонов."

47. там же: "Если эти предписания будут соблюдаться, они сообщат нам лучшее знание истинной веры и будут способствовать их совершенствованию в добродетели."

78.Новелла CXXIII,9: "Епископы, прибывшие из своих диоцезов в Царский Город, должны первым делом обратиться к блаженнейшему архиепископу и патриарху константинопольскому, чтобы быть представленными им Нашему Спокойствию."

79.Новелла CXXII,3: "Поэтому мы приказываем блаженнейшим архиепископам и патриархам, то есть патриархам древнего Рима, Константинопол Антиохии и Иерусалима . . . "

80. Новелла VI,4: "Мы приказываем, чтобы в соответствии со священны канонами, никто не мог быть рукоположен в сан священника, не пройдя тщательной проверки. Кандидат в священники должен быть доброго нрав естественно, грамотный, разбирающийся в церковном учении. Ибо мы ни в коем случае не желаем, чтобы неграмотные люди становились священн ками, дьяконами, чтецами служб или церковных и канонических книг."

81. Новелла CXXIII,12: "Мы не позволяем рукополагать в духовный сан лиц, не знающих грамоты, не исповедующих истинной веры или веду щих неблагочестивую жизнь."

83. Новелла I VI,1: "Священники должны исполнять свои обязанности бескорыстно, ибо мы не хотим, чтобы церковные должности становились предметом продажи. Служба Церкви почетна и ее должно нести без расч та на вознаграждения - тогда она будет более достойна уважения."

85. НовеллаCXXIII,14: "Если кто-либо, готовящийся стать дьяконом, не был женат, он не может быть рукоположен, пока этот вопрос не буд рассмотрен теми, кто должен рукополагать его, и пока он не даст обе щания жить целомудренно, не вступая в законный брак. И прелат, руко полагающий дьякона или иподьякона, не должен, совершая обряд, разре шать ему впоследствии иметь жену. Епископ, разрешивший это, должен быть лишен своего епископского сана. Если, однако, священник, дьяко или иподьякон женится после своего рукоположения, он должен быть от странен от священства и предоставлен, вместе со своим имуществом, курии того города, в церкви которого он служил."

97. Новелла У,I: "С самого начала должно быть определено, что,если кто-нибудь пожелает где-либо и в какое-либо время основать священный монастырь, он не должен ничего предпринимать, пока не обратится к епископу этого диоцеза, который должен,возведя руки к небесам, посвятить это место Богу своей молитвою, расположив на нем знак нашего спасения / мы имеем в виду возлюбленный и почитаемый знак креста/. На этом добром основании могут уже быть построены здания. Таким образом надлежит начинать возведение достопочтенных монастырей."

98. там же,9 : " Мы не желаем, чтобы назначение настоятеля /если монастырь остался без настоятеля/ основывалось на старшинстве наиболее почитаемых монахов, чтобы настоятелем избирался монах, занимающий в монастыре первое, второе или третье положение. Епископ диоцеза должен рассмотреть последовательно все имена, не ограничивая свой выбор старшинством и различиями в положении монахов, и выбрать того, кто больше других соответствует данной должности и достоин стать главой монастыря. Ибо нельзя выбирать всех настоятелей из старейших или,наоборот, молодых монахов - такова человеческая природа. Епископ должен провести исследование, и тот, кто окажется наиболее подходящим кандидатом, должен стать настоятелем."

I03.Новелла CXXIII, 35: "Если кто-то пожелает вступить в монашескую жизнь, будучи свободным от гражданских обязательств, мы разрешаем настоятелю монастыря принять его, если он считает это целесообразным.

I04. там же: "Но если кандидат незнаком настоятелю или гражданский неправоспособен, он не может быть принят до завершения трехлетнего испытательного срока, чтобы за это время настоятель мог у станови его статус."

II4. Новелла CXXIII, 36: "Если монастырь населен лицами обоего пола мы приказываем, чтобы женщины были строго отделены от мужчин. Женщины могут продолжать жить в этом монастыре, а мужчины должны поступить новый."

115. Новелла CXXXIII,4: "Поскольку женщины, живущие в монастырях, имеют право вести дела, и ту же привилегию имеют и мужчины, находящиеся в монастырях, мы запрещаем совершать эти почтенные действия в этих священных учреждениях."

117. Новелла CXXXIII,1: "Каждый монастырь должен быть окружен мощной стеной, чтобы никто не мог выйти из него, иначе как через ворот

127.Новелла У,3: ". . . хотя,конечно, некоторые люди, желающие жить в созерцании и совершенстве, могут вести одинокую жизнь отдельно от других. Их называют анахоретами, то есть людьми, удалившимися от общества, или исихастами, ибо они живут в мире,держась в стороне от общества, чтобы усовершенствоваться нравственно."

134. Новелла CXXXIII,5: "Если монах совершит проступок / ибо все мы люди,и никто не обладает таким контролем над собой, чтобы быть свободным от греха, так как эта свобода свойственна одному лишь Богу/, они должны предупредить его, чтобы он мог улучшить свое поведение, совладать с собой и не потерять плодов своих трудов."

185. Древние греки с особой заботой относились к сиротам. Платон говорит в своих "Законах" , что государственный человек должен забо титься "о воспитании и обучении сирот, как если бы это были его собственные дети, и должен делать им добро всеми способами, которые находятся в его власти."

192. Новелла CXXXI,5 : "Управляющие сиротскими домами выполняют сво обязанности опекунов и кураторов в такой мере, что они могут подава в суд и судиться из-за имущества их учреждений и личного имущества сирот, не обязуясь при этом предоставлять гарантии. . . И если упра ляющий сочтет необходимым подвергнуть это имущество отчуждению, он должен сохранить вырученные деньги для сирот или использовать их д их же блага на приобретение других вещей; и они не обязаны давать чет в своем опекунстве или кураторстве."